

Ө. Е. РЫБАКОВЪ.
Приватъ-Доцентъ Московскаго Университета.

ГИПНОТИЗМЪ

И

ПСИХИЧЕСКАЯ ЗАРАЗА.

Три популярныя лекціи:

I. Гипнотизмъ и его современное положеніе въ наукѣ и общественной жизни.—II. Психологическія условія развитія гипноза.—III. Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ. Тверская, Мамоновскій пер. с. д.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 11 марта 1905 года.

Предисловіе.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ три популярныя лекціи, читанныя мною въ разное время. Эти лекціи соединены вмѣстѣ, въ одну книгу, въ виду того, что онѣ представляютъ собою одну группу, имѣющую въ своей основѣ неразрывно связанное цѣлое. Предлагаемое сочиненіе является, такимъ образомъ, какъ-бы *трилогіей* и состоитъ изъ трехъ частей или очерковъ. Первый очеркъ рисуетъ картину гипноза вообще, т. е. того гипноза, который вызывается *искусственно* различными способами, третій очеркъ трактуетъ о „психической заразѣ“ или гипнозѣ *естественномъ*. Связующимъ звеномъ, поясняющимъ взаимное отношеніе между описываемыми явленіями, является второй очеркъ— „психологическія условія развитія гипноза“. Этотъ послѣдній, въ виду важности затрогиваемаго вопроса, уже нѣсколько уклоняется отъ типа обычныхъ популярныхъ лекцій и является какъ-бы небольшимъ научнымъ трактатомъ, основныя положенія котораго выдвигались мною въ специальныхъ ученыхъ обществахъ.

Предлагая настоящіе очерки, я, конечно, отнюдь не думаю, что ими вполне исчерпываются затронутые мною вопросы: это не болѣе не менѣе, какъ „очерки“, могущіе освѣтить затрогиваемый вопросъ лишь постольку, поскольку его можно освѣтить въ обычномъ популярномъ изложеніи.

Θ. Рыбаковъ.

I.

ГИПНОТИЗМЪ

И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЪ НАУКЪ

И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Гипнотизмъ и его современное положеніе въ наукѣ и общественной жизни.

I. Историческій обзоръ. — II. Виды гипнотическаго сна. — III. Физиологическіе признаки гипноза. — IV. Отличіе гипноза отъ обыкновеннаго сна и другихъ сходныхъ состояній. — V. Условія развитія гипнотическаго сна. Физическіе и психическіе способы гипнотизированія. — VI. Воспримчивость къ гипнозу. Личность гипнотизатора. — VII. Гипнозъ безъ согласія испытуемаго. Гипнозъ на разстояніи. — VIII. Психологія загипнотизированнаго. Внушенія гипнотическія и послѣдствія гипнотическія. — IX. Гипнотизмъ въ медицинѣ. Вредныя послѣдствія гипнотизированія. — X. Гипнотизмъ въ психологіи. Гипнотическія явленія у животныхъ. — XI. Гипнотизмъ въ судебной психопатологіи. Преступленія подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія. Преступленія надъ загипнотизированными. — XII. Гипнотизмъ въ педагогіи. — XIII. Гипнотизмъ въ общественной жизни. Гипнозъ искусственный и естественный. Ложныя понятія о гипнотизмѣ въ обществѣ.

I.

Есть много таинственныхъ, загадочныхъ явленій природы, которыя потому только кажутся загадочными, что наука не успѣла еще дать имъ своего объясненія. Проходитъ иногда много, очень много лѣтъ, прежде чѣмъ эти явленія проникнуть въ сокровищницу научныхъ знаній и тамъ найдутъ себѣ истинное объясненіе... До тѣхъ же поръ они часто бываютъ обречены слоняться изъ угла въ уголъ, прикрываться мракомъ невѣжества и суевѣрія, а подчасъ претерпѣвать же-

стокое гоненіе отъ людей скептическихъ. Къ числу такихъ явленій относится гипнотизмъ. Не болѣе какъ 20—25 лѣтъ тому назадъ къ этому явленію относились еще съ большимъ недоувѣріемъ: люди суевѣрные видѣли въ немъ проявленіе сверхъестественной силы, а люди скептическіе закрывали глаза и съ усмѣшкой улыба-лись, взирая, какъ разнаго рода фокусники и шарла-таны на глазахъ у публики продѣлывали свои удиви-тельные штуки; люди науки смотрѣли на происходившія явленія свысока и считали для себя недостойнымъ вмѣ-шиваться въ то, что сдѣлалось достояніемъ публичныхъ зрѣлищъ. Но вотъ обстоятельства мѣняются... Мало-помалу, благодаря дружному содѣйствію многихъ уче-ныхъ, гипнотизмъ очищается отъ всего лишняго, зло-вреднаго и предстаетъ, наконецъ, предъ лицомъ научнаго міра. Парижская академія наукъ, четырежды отвергав-шая гипнотизмъ, въ 1882 г. торжественно приняла его подъ свое покровительство: это было настоящее торжество науки, это была настоящая побѣда знаній надъ нравомъ, невѣжествомъ и суевѣріемъ.

Гипнотизмъ не представляетъ собою ничего новаго, онъ не является новымъ открытіемъ, но онъ служитъ однимъ изъ величайшихъ научныхъ пріобрѣтеній XIX столѣтія. Гипнотическія явленія были извѣстны еще въ очень глубокой древности, и исторія гипнотизма такъ же стара, какъ и исторія человѣчества. По всей исторіи человѣчества съ самыхъ незапамятныхъ временъ крас-ною нитью проходятъ таинственные, загадочныя, под-часъ какъ бы сверхъестественныя явленія, такія явленія, которыя порою сильно дѣйствуютъ на воображеніе толпы, которыя порою заставляютъ ее вѣрить въ та-инственную, образную силу природы. Если непреду-бѣжденно, критически, отнестись къ этимъ явленіямъ,

то не трудно убѣдиться, что они подходятъ подъ наше теперешнее представленіе о гипнозѣ. Первые зачатки такихъ явленій встрѣчаются у древнѣйшихъ историческихъ народовъ. Уже много тысячъ лѣтъ тому назадъ въ Индіи существовали различныя религіозно-мистическія секты, послѣдователи которыхъ путемъ самобичеванія, задержки дыханія, пребыванія въ различныхъ странныхъ положеніяхъ приводили себя въ особое состояніе полной безчувственности и неподвижности, продолжавшееся иногда очень долгое время. Это состояніе индусы называли „единеніемъ съ божествомъ“, „сливаніемъ съ Брамию“, „направленіемъ души на одинъ предметъ“. Наибольшаго совершенства въ этомъ отношеніи достигали іогины и факиры. Въ состояніи такого „единенія съ божествомъ“ факира можно было колоть, рѣзать, жечь, и онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго признака боли; его можно было зашить въ мѣшокъ, закопать въ землю, а онъ черезъ нѣкоторое, заранѣе условленное время снова оживалъ, вырытый изъ земли. Процедуры, которыми факиры достигали такого состоянія неподвижности и безчувственности, состояли въ фиксаціи взглядомъ кончика носа, надпереносья, какой-нибудь неподвижной точки, или въ повтореніи по нѣсколько тысячъ разъ мистическихъ односложныхъ словъ, въ родѣ: *ham, ham, zam, jam*.

Въ подобное же состояніе повергали себя и египетскіе жрецы, фиксировавшіе какіе-то кабалистическіе знаки на днѣ блестящаго металлическаго сосуда, древніе Друиды, сосредоточенно прислушивавшіеся къ шуму священныхъ деревьевъ и журчанью ручья, дервишимонахи, быстро кружащіеся на одномъ мѣстѣ, дельфійскіе оракулы, вдыхавшіе въ себя одуряющіе пары и газы. Аналогичныя явленія въ разное время встрѣ-

чаются и у христіанскихъ монаховъ. Монахи Аеонской горы времени XI столѣтія погружали себя въ созерцаніе божества, усаживаясь смиренно въ углу своей кельи и пристально смотря въ согнутой позѣ на свой пуповъ; въ такомъ положеніи они впадали въ сонъ, отчуждались отъ міра и видѣли божественный еаворскій свѣтъ. По Плутарху, царь Пирръ обладалъ способностью погружать людей въ глубокой сонъ путемъ прикосновенія къ нимъ ногою. Въ Талмудѣ есть одно мѣсто, гдѣ говорится объ особомъ состояніи, достигаемомъ приемами наподобіе нынѣшнихъ пассовъ: въ этомъ состояніи, — гласитъ Талмудъ, — человекъ спитъ и не спитъ, бодрствуетъ и не бодрствуетъ, отвѣчаетъ на вопросы, но душевно отсутствуетъ.

И много еще другихъ явленій странныхъ и непонятныхъ рисуется намъ исторія. Всѣ эти явленія въ то время приписывались вліянію божества, злого духа или особой сверхъестественной силы, и никто не пытался проникнуть въ ихъ истинный смыслъ.

Только во второй половинѣ XVIII вѣка является лицо, которое впервые дѣлаетъ попытку найти внутреннюю связь между этими явленіями. Лицо это былъ знаменитый Месмеръ, воспитанникъ вѣнскаго университета, занимавшійся одно время лѣченіемъ больныхъ минеральными магнитами. Занимаясь своимъ дѣломъ, онъ однажды замѣтилъ, что прикосновеніемъ рукъ и поглаживаніемъ онъ достигаетъ такихъ же результатовъ, какъ и при помощи магнитовъ; тогда онъ бросаетъ магниты и принимается за лѣченіе больныхъ посредствомъ пассовъ, растираній и возложенія рукъ. Результаты такого лѣченія приводятъ его къ открытію знаменитой теоріи о животномъ магнетизмѣ. Месмеръ училъ, что вся вселенная наполнена особымъ жидкимъ,

эироподобнымъ веществомъ—Флюидомъ или магнетическою жидкостью. Жидкость эта обуславливаетъ собою вліяніе планетъ на одушевленные и неодушевленные предметы и одного человѣка на другого. Каждый человѣкъ обладаетъ извѣстнымъ количествомъ этой жидкости и при помощи особыхъ приѣмовъ можетъ передавать ее другому лицу. Самъ Месмеръ не скупился надѣлать своихъ больныхъ магнетическою жидкостью, и, когда его рукъ уже не хватало для удовлетворенія потребностей всѣхъ къ нему обращавшихся, онъ нанялъ помощниковъ, магнетизировалъ воду, деревья и разные предметы, служившіе лѣчебнымъ талисманомъ, и изобрѣлъ особыя лаханки, наполненныя водою, кусками стекла и желѣза; къ этимъ лаханкамъ страждущіе стекались со всѣхъ концовъ свѣта, чтобы черпать оттуда будто бы заключенную въ нихъ магнетическую силу.

Какъ ни абсурдна была теорія Месмера, какъ ни туманно было его ученіе, но оно сослужило не малую службу въ исторіи современнаго гипнотизма: благодаря Месмеру въ обществѣ возникъ интересъ къ наблюдаемымъ явленіямъ, благодаря ему впервые въ исторіи человѣчества пробудилась жажда осмысленнаго отношенія къ этимъ явленіямъ. Ученіе Месмера, построенное на ложныхъ началахъ, лишенное всякихъ научныхъ основъ и въ то же время заманчивое по своему таинственному смыслу, породило себѣ массу послѣдователей и дало богатую пищу для разнаго рода фокусниковъ, шарлатановъ и т. п. лицъ, которыя подъ видомъ магнетизеровъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто и публично показывали свои удивительныя магнетическія опыты. Авторитетъ ученія Месмера, благодаря старанію такихъ лицъ, былъ подорванъ, довѣріе

къ фактамъ ослабѣло, путь къ истинно-научному изученію предмета былъ надолго загороженъ.

Такъ дѣло шло до начала сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда за изученіе явленій животнаго магнетизма принимается извѣстный англійскій хирургъ Джемсъ Бредъ. Присутствуя однажды на опытахъ извѣстнаго магнетизера Лафонтена съ намѣреніемъ изобличить обманщика, Бредъ, къ крайнему своему изумленію, замѣтилъ, что вызываемыя Лафонтеномъ явленія носятъ вполнѣ реальный характеръ; мало того, они субъективны и не зависятъ отъ личности магнетизера. Онъ сталъ самъ производить подобныя же опыты сначала надъ своею женою, потомъ надъ пріятелемъ и слугою и получилъ аналогичные результаты. Это побудило его къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, которыя и привели къ коренной реформѣ во взглядахъ на явленія магнетизма. Своими изслѣдованіями Бредъ доказалъ, что для получения магнетическихъ явленій участіе магнетизера ни при чемъ, что вся суть сводится къ дѣятельности настроеннаго воображенія, къ сосредоточиванію мысли и вниманія и къ непосредственному вліянію воли самаго субъекта. Наблюдаемыя явленія онъ предложилъ назвать гипнотизмомъ; это названіе сохранилось и до сихъ поръ. Ученіе Бреда явилось колоссальнымъ шагомъ впередъ, оно открыло новые пути для научнаго изученія предмета. Но не такъ легко забывается то, на что раньше было наложено клеймо недовѣрія и скептицизма: ученіе Бреда, изложенное въ цѣломъ рядѣ печатныхъ трудовъ, въ виду подорваннаго раньше довѣрія къ фактамъ, не скоро удостоилось вниманія ученыхъ. Только съ половины 70-хъ годовъ мало-по-малу начинаетъ возникать новая эра вопроса, которая и приводитъ, наконецъ, къ со-

временному учению о гипнотизмѣ. За изслѣдованіе гипнотическихъ явленій принимаются такіе научные авторитеты, какъ Гейденгайнъ, Рише, Шарко, Льебо, Бернгеймъ и Форель. Благодаря ихъ стараніямъ, гипнотизмъ сбрасываетъ съ себя покровы таинственности и мистицизма и является намъ въ томъ видѣ, въ которомъ мы знаемъ его въ настоящее время.

II.

Что же такое гипнотизмъ и каковы его проявленія?

Каждый изъ насъ не разъ слыжалъ, а, можетъ-быть, и видалъ гипнотическія явленія, а потому въ изложеніи ихъ внѣшней картины я буду, по возможности, кратокъ.

Вотъ передъ нами субъектъ, который желаетъ подвѣгнуться гипнозу. Мы усаживаемъ его въ кресло и заставляемъ его пристально смотрѣть на блестящій шарикъ ртутнаго термометра. Черезъ нѣсколько минутъ онъ чувствуетъ тяжесть въ вѣкахъ, и глаза его смыкаются. Онъ пытается разомкнуть вѣки, но напрасно. На вопросъ „спите ли вы“, отвѣчаетъ, что онъ не спитъ, но чувствуетъ нѣкоторое утомленіе и его клонитъ ко сну. Мы поднимаемъ его руку, она остается приподнятой. Мы говоримъ, что онъ не въ состояніи опустить своей руки, онъ дѣлаетъ нѣкоторое усиліе и, вопреки нашему приказанію, опускаетъ руку. Наконецъ, мы приказываемъ ему проснуться, онъ открываетъ глаза и постепенно приходитъ въ себя. Онъ помнитъ все, что мы ему говорили, заявляетъ, что не спалъ, но только чувствовалъ нѣкоторую связанность въ тѣлѣ и ему трудно было производить какія бы то ни было движенія.

Это примѣръ самой слабой степени гипноза, той степени, которой современная научная школа въ Нанси даетъ названіе сонливости или дремотнаго состоянія. Степень эта обнаруживаетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ состояніемъ сонливости, которое каждый изъ насъ испытывалъ на себѣ не разъ передъ пробужденіемъ отъ нормальнаго сна, когда мы, напр., чувствуемъ, что уже не спимъ, но всякое движеніе съ трудомъ удаётся намъ. Разница лишь въ томъ, что въ нормѣ это состояніе длится очень недолго, въ гипнозѣ же оно можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время.

Но вотъ передъ нами другой субъектъ. Мы укладываемъ его на кушетку и приказываемъ ему спать. Черезъ нѣсколько минутъ дыханіе его становится спокойнѣе, пульсъ бьется ровнѣе, на вопросъ „спите ли вы“ отвѣчаетъ, что спитъ. Мы приподнимаемъ его руку и говоримъ, что по собственной волѣ онъ не можетъ опустить ее: онъ силится сдѣлать движеніе, мышцы напрягаются, рука дрожить, но остается неподвижною. Мы приказываемъ ему встать, и онъ не въ состояніи противиться намъ: его туловище какъ бы само собою отдѣляется отъ кушетки. То же самое повторяется и съ другими нашими приказаніями: все, что бы мы ему ни говорили, онъ выполняетъ безпрекословно. Мы говоримъ, что онъ нѣмъ и не можетъ выговорить своего имени: онъ шевелитъ губами, пытается что-то сказать, но не издаетъ ни одного звука. Наконецъ, мы его пробуждаемъ; онъ приходитъ въ себя, помнитъ все, что мы продѣлывали съ нимъ во время гипноза, но заявляетъ, что, не смотря на всѣ свои усилія, онъ не могъ противодействовать нашимъ приказаніямъ.

Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ уже болѣе глубокую

степень гипноза: субъектъ не только не могъ открыть глазъ, но и всѣ остальные произвольныя движенія его были невозможны. Эта степень носить названіе гипотаксис (связанности чувствъ); отъ предыдущей она отличается лишь болѣе глубокимъ подавленіемъ воли.

Идемъ далѣе. Вотъ еще случай, который записанъ почти дословно. Передъ нами особа, легко впадающая въ гипнозъ. Мы усаживаемъ ее на стулъ, кладемъ руку на лобъ и говоримъ: „черезъ нѣсколько минутъ вы должны уснуть, теперь вы уже чувствуете тяжесть въ вѣкахъ, глаза ваши смыкаются, вами овладѣваетъ усталость, руки ваши нѣмѣютъ, вы спите“. Особа впадаетъ въ гипнозъ. Приподнятыя руки остаются неподвижно въ воздухѣ. Говоримъ ей, что ея глаза открываются, но она ничего не видитъ, такъ какъ въ комнатѣ темно (дѣло происходитъ днемъ). Она открываетъ глаза и заявляетъ, что, дѣйствительно, въ комнатѣ темно. „Теперь вы видите своего мужа“. Загипнотизированная возражаетъ, что не видитъ его. „Нѣтъ, вы ошиблись: вы его видите“. Особа пристально вглядывается и говоритъ: „да, я его вижу“. — „Теперь вы слышите музыку?“ — „Да“. — „Ясно?“ — „Ясно“. — „Ваша рука парализована“, — рука опускается, какъ плеть, и всѣ усилія загипнотизированной поднять ее остаются напрасными. — „Въ настоящую минуту вамъ очень весело“. Особа начинаетъ хохотать. — „Вы слышите только голосъ врача Н., но не слышите голосовъ другихъ лицъ“. Загипнотизированная отвѣчаетъ на вопросы врача, но совершенно не реагируетъ на вопросы другихъ присутствующихъ лицъ. Показываемъ ей книгу и спрашиваемъ: „что это?“ — „Книга“. — „Нѣтъ, это не книга, взгляните: это портфель“. — „Да, я ошиблась, это портфель“. Дѣлаемъ уголь бу-

лавкой въ руку, при этомъ говоримъ, что дотрогиваемся карандашомъ. Особа не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака боли. „Теперь я колю вашу руку булавкой“, говоритъ гипнотизирующій врачъ, но при этомъ дотрогивается ручкой пера. Она отдергиваетъ руку, какъ бы отъ сильной боли. „Вы теперь находитесь въ саду“. Загипнотизированная оглядывается кругомъ, вдыхая воздухъ. — „Что вы видите?“ — „Я вижу деревья“. — „Что вы чувствуете?“ (Молчить). „Запахъ цвѣтовъ?“ — „Да, я чувствую запахъ цвѣтовъ“. — „Какихъ цвѣтовъ?“ (Молчить). „Розъ?“ — „Да, розъ“. — „Нѣтъ не розъ, а жасмина“. — „Да, правда, жасмина“. Наконецъ, говоримъ ей, что какъ только досчитаемъ до 5, она проснется, а выходя изъ комнаты, передастъ врачу свой носовой платокъ. Считаемъ до 5. Послѣ слова „пять“ — особа открываетъ глаза и говоритъ, что очень хорошо выспалась. „Помните ли вы что нибудь?“ — „Нѣтъ, ничего не помню“. „Что вы дѣлали?“ — „Все время спала“. — „Вы говорили что нибудь?“ — „Нѣтъ, я спала“. — „Вамъ приказывали что нибудь?“ — „Ничего“. Выходя изъ комнаты, особа какъ бы что-то вспоминаетъ, возвращается, вынимаетъ платокъ и, конфузясь, передаетъ его указанному лицу.

Въ этомъ примѣрѣ мы видимъ уже нѣсколько иную картину. Это самая глубокая степень гипноза, та степень, которая носитъ названіе гипнотическаго транса или гипнотическаго сомнамбулизма и которую парижская школа Шарко называетъ „большимъ гипнотизмомъ“. Характерною особенностью этой степени служитъ своеобразное измѣненіе памяти. Субъектъ, какъ видно на этомъ примѣрѣ, выполняетъ самыя сложныя дѣйствія, рассказываетъ по комнатѣ, отвѣчаетъ на вопросы, но по пробужденіи не помнитъ

ничего из того, что ему внушалось и что онъ дѣлалъ. Его сознание какъ бы раздвоилось: одно сознание существуетъ у него во время гипноза; это сознание позволяетъ ему до известной степени ориентироваться въ окружающемъ, узнавать голоса присутствующихъ лицъ, правильно реагировать на подсказываемыя мысли: другое сознание—это его нормальное сознание. Оба эти сознания стоятъ какъ бы особнякомъ и совершенно не соприкасаются другъ съ другомъ: то, что было во время гипноза, не помнится по пробужденіи, и что было въ бодрственномъ состояніи—какъ бы забывается во время гипноза; субъектъ представляетъ изъ себя какъ бы двѣ разнородныя личности. Это то, что въ психопатологіи называютъ состояніемъ двойственнаго сознанія. Другая характерная особенность этой степени заключается въ полнѣйшемъ подавленіи воли и подчиненіи почти всѣхъ психическихъ и даже нѣкоторыхъ физиологическихъ процессовъ волѣ гипнотизатора. Человѣкъ является уже здѣсь какъ бы автоматомъ, его мозгъ представляется инструментомъ, на которомъ музыкантъ можетъ играть по своему желанію почти какую угодно пьесу. Я сказалъ, „почти“, и сказалъ это не случайно: позднѣе мы увидимъ, что даже въ самомъ глубокомъ снѣ известная доля контроля надъ своими дѣйствіями у загипнотизированнаго все-таки сохраняется.

Я развернулъ картину гипнотическаго сна въ его различныхъ проявленіяхъ. Проявленія эти, какъ это вы, вѣроятно, замѣтили, группируются въ три вида, или три степени. Но не подумайте, что только этими видами сложная картина гипноза, въ дѣйствительности, и ограничивается. Какъ вообще все, совершающееся въ природѣ, не имѣетъ рѣзкихъ, опредѣленныхъ гра-

ницъ, такъ и тутъ могутъ быть самые разнообразныя и самые незамѣтные переходы.

III.

Какова бы однако ни была степень гипноза, она всегда сопровождается цѣлымъ рядомъ физиологическихъ измѣненій въ организмѣ, такихъ измѣненій, по которымъ опытный гипнотизаторъ всегда узнаетъ, наступило ли въ данномъ случаѣ гипнотическое состояніе, или нѣтъ. Уже въ самыхъ слабыхъ степеняхъ гипноза у большинства загипнотизированныхъ можно замѣтить въ мышцахъ своеобразное явленіе: членамъ загипнотизированнаго можно придавать какое угодно, даже самое неловкое положеніе, и они остаются въ этомъ положеніи неопредѣленно долгое время. Это явленіе носитъ названіе катаlepsii или восковой подвижности; зависитъ оно отъ произвольнаго напряженія или оцѣпененія мышечной ткани. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это напряженіе достигаетъ столь сильной степени, что голову загипнотизированнаго можно положить на одинъ стулъ, пятки на другой, на туловище посадить человѣка, и загипнотизированный остается въ этомъ положеніи неподвижно.

Другимъ признакомъ наступающаго гипноза служатъ измѣненія со стороны органовъ чувствъ. Уже съ самаго начала мы обыкновенно замѣчаемъ, что загипнотизированный слабо реагируетъ на вѣшнія раздраженія: чувство осязанія и чувство боли у него замѣтно притуплены. Въ глубочайшихъ степеняхъ гипноза существуетъ иногда даже полная потеря болевой чувствительности: гипнотика можно колоть, щипать, рѣзать, прижигать, и онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго

признака боли. Подъ вліяніемъ такой потери болевой чувствительности не разъ производились даже большія хирургическія операціи. Впрочемъ, въ глубокомъ гипнозѣ, въ такъ называемомъ сомнамбулическомъ состояніи, наблюдалось иногда и обратное, а именно: изощреніе органовъ чувствъ, главнымъ образомъ, зрѣнія, слуха и обонянія. Зрѣніе иногда обостряется до того, что мельчайшіе шрифты читаются съ легкостью почти въ темнотѣ, а изощреніе слуха доходитъ до того, что гипнотикъ явственно слышитъ разговоръ, происходящій у отдаленнаго конца улицы. Особенно любопытно изощреніе обонянія. Проф. Беллинъ наблюдалъ одну истеричку, легко впадающую въ гипнозъ; когда она находилась въ состояніи гипноза, на кровать ей бросали различные предметы, принадлежащіе присутствующимъ, незнакомымъ ей лицамъ: перчатки, ключи, запонки, браслеты и т. д. Больная повторно обнюхивала предметъ, проходила около присутствующихъ и возвращала предметы по принадлежности.

Есть и еще одинъ признакъ гипноза, который имѣетъ немаловажное значеніе... Это — измѣненіе пульса и дыханія. При спокойномъ положеніи загипнотизированнаго дыханіе уже съ самаго начала становится поверхностнѣе, спокойнѣе, пульсъ бьется ровнѣе, — словомъ, получается картина, которая отчасти напоминаетъ обыкновенный сонъ.

Таковы важнѣйшіе фізіологическіе признаки гипноза. По нимъ опытный гипнотизаторъ нерѣдко отличаетъ истинный гипнотическій сонъ отъ притворнаго.

IV.

Но что же такое гипнотическій сонъ? Есть ли это явленіе, вполне соответствующее нашему обычному

представленію о снѣ, или это есть особое состояніе, имѣющее съ обыкновеннымъ сномъ лишь чисто внѣшнее сходство?

Кому хоть разъ приходилось имѣть дѣло съ гипнотическими явленіями, кому хоть разъ приходилось видѣть загипнотизированнаго, тотъ, вѣроятно, едва ли станетъ утверждать, что гипнотическій сонъ и сонъ обыкновенный одно и то же.

Наше обычное представленіе о снѣ, какъ объ известномъ физиологическомъ состояніи, связанномъ съ глубокимъ угнетеніемъ сознанія, совершенно не вяжется съ представленіемъ о гипнотическомъ снѣ. Въ гипнозѣ нѣтъ того глубокаго подавленія сознанія, которое существуетъ въ обыкновенномъ снѣ: спящій обыкновеннымъ сномъ не воспринимаетъ внѣшнихъ впечатлѣній, онъ не слышитъ разговора, происходящаго около него, не чувствуетъ прикосновенія къ его тѣлу; мы можемъ сообщать ему самыя непріятныя извѣстія, и онъ совершенно не реагируетъ на наши слова, если только, разумѣется, своимъ громкимъ разговоромъ не заставимъ его проснуться. Не то у загипнотизированнаго. Загипнотизированный, какъ бы ни былъ глубокъ его сонъ, не остается совершенно безучастнымъ къ окружающему: онъ слышитъ все происходящее вокругъ (стукъ въ дверь, бой часовъ, разговоръ за стѣной). Правда, его вниманіе сосредоточено исключительно на экспериментаторѣ, но что бы послѣдній ни говорилъ ему, что бы послѣдній ни дѣлалъ съ нимъ,—онъ все видитъ, все слышитъ, все воспринимаетъ, хотя и лишенъ возможности по собственной волѣ проявлять свою активность. Между гипнотикомъ и гипнотизаторомъ устанавливается, такимъ образомъ нѣкотораго рода рапортъ, т.-е. взаимная связь,

которой нѣтъ въ нормальномъ снѣ. Этотъ раппортъ и есть самое главное, что отличаетъ гипнотическій сонъ отъ естественнаго. Далѣе: спящій обыкновеннымъ сномъ, по пробужденіи, имѣетъ видъ человѣка, очнушагося послѣ безпамятства или обморочнаго состоянія: онъ ничего не помнитъ, что происходило вокругъ него, загипнотизированный же, если не всегда, то очень часто сохраняетъ послѣ того довольно отчетливое воспоминаніе. У спящаго всѣ члены находятся въ расслабленномъ состояніи, у загипнотизированнаго они находятся по б. ч. въ состояніи извѣстной намъ восковой подвижности или катаlepsis. Наконецъ, спящій можетъ проснуться неожиданно, подъ вліяніемъ совершенно случайныхъ внѣшнихъ раздраженій: шума, стука, громкаго разговора и т. д., загипнотизированный же просыпается только по приказанію гипнотизатора, и ничто другое, до тѣхъ поръ, пока онъ находится подъ вліяніемъ послѣдняго, не въ состояніи разбудить его.

Перечисленныхъ мною признаковъ вполне достаточно, чтобы убѣдиться, что гипнотическій сонъ не есть сонъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли его понимать: это есть совершенно своеобразное психическое состояніе, это есть особое состояніе нашего мозга. Если это такъ, то, можетъ-быть, въ психическомъ мірѣ есть другое что-нибудь, что имѣетъ болѣе близкую родственную связь съ гипнозомъ?

Въ физиологическомъ мірѣ, въ мірѣ нормальныхъ психическихъ отправленій организма, гипнотическому сну нѣтъ ничего равнаго. Но въ мірѣ патологическомъ, болѣзненномъ, есть нѣкоторыя указанія на существованіе явленій, весьма близко подходящихъ къ гипнотическимъ. Такъ, у истеричныхъ, у страдающихъ па-

дучей болѣзнью, а также у алкоголиковъ иногда развиваются своеобразныя скоро-проходящія разстройства сознанія, которыя носятъ названіе трансовъ. Въ состояніи транса больные совершаютъ массу съ виду какъ бы цѣлесообразныхъ дѣйствій: ведутъ связанный разговоръ, дѣлаютъ покупки, совершаютъ длинныя путешествія, но, очнувшись, рѣшительно не помнятъ, что съ ними было, что они дѣлали. Всѣмъ извѣстна также та своеобразная психическая картина, которая наступаетъ по ночамъ у нѣкоторыхъ нервныхъ людей и которая въ общезжитіи носитъ названіе лунатизма. Всѣ подобнаго рода состоянія, по существу, тождественны гипнотическому сну, именно, глубокимъ степенямъ его, но они имѣютъ и свои особенности: всѣ они развиваются самопроизвольно, продолжаются неопредѣленно долгое время, и никакая внѣшняя сила, никакое приказаніе не можетъ вывести субъекта изъ этого состоянія. Не то у загипнотизированнаго: достаточно гипнотику сказать одно слово „проснись“, какъ все мгновенно проходитъ, и онъ возвращается въ свое нормальное состояніе. Кромѣ того поступки больныхъ, страдающихъ трансомъ, отличаются полною активностью, всѣ дѣйствія ихъ носятъ вполне произвольный характеръ, и никто не можетъ измѣнить ихъ рѣшенія и заставить ихъ дѣйствовать по-своему. Загипнотизированный же всегда носитъ на себѣ печать нѣкоторой пассивности, нѣкотораго подчиненія волѣ гипнотизатора: если гипнотику ничего не говорить, ничего не внушать, то онъ неопредѣленно долгое время будетъ находиться на одномъ мѣстѣ, въ застывшей позѣ, и часто ничѣмъ не обнаружитъ своей склонности къ произвольнымъ дѣйствіямъ.

V.

По какому же закону совершается развитие гипнотического сна? Какія условія — внутреннія или внѣшнія — нужны для того, чтобы наступилъ гипнозъ? Что требуется для этого? Для этого отъ гипнотизируемаго требуются три главныхъ условія: 1) сосредоточенность вниманія, 2) извѣстная доля внушаемости, т. е. способности всецѣло поддаваться внушаемой идеѣ, и 3) способность приходить въ соответствующее эмоциональное состояніе. Все, что способствуетъ сосредоточиванію мысли, все, что способствуетъ направленію вниманія на опредѣленный предметъ, способствуетъ развитію гипнотического сна. Сосредоточиваніемъ мысли на кончикъ носа приводилъ себя въ состояніе гипноза древній факиръ, сосредоточиваніемъ мысли на блаженствѣ загробной жизни гипнотизировалъ себя средневѣковой фанатикъ, сожигаемый на кострѣ, къ сосредоточиванію же мысли на опредѣленномъ предметѣ клонятся отчасти и наши теперешніе, такъ называемые, физическіе способы гипнотизированія.

Самый обыкновенный и хорошо всѣмъ извѣстный способъ заключается въ томъ, что заставляютъ субъекта въ теченіе нѣкотораго времени смотрѣть на какой-либо предметъ, блестящій или неблестящій — все равно. Въмѣсто неодушевленнаго предмета можно заставлять смотрѣть на свой палецъ или, какъ это дѣлаютъ профессиональные магнетизеры, въ свои глаза. Такъ какъ смыслъ этой процедуры заключается, именно, въ отвлеченіи вниманія и въ сосредоточиваніи мысли, то отсюда понятно, что выборъ предмета не играетъ здѣсь рѣшительно никакой роли, и глаза магнетизера имѣютъ

такое же значеніе, какъ и его палець или магическая палочка. Въмсто органа зрѣнія для той же цѣли можно пользоваться и органомъ слуха: можно заставлятъ гипнотизируемаго слушать тиванье карманныхъ часовъ или жужжанье электрической машинки, можно изобрѣтать для этого особые специальные инструменты: принципъ всегда останется одинъ и тотъ же. Въмсто такихъ продолжительныхъ и слабыхъ раздраженій зрительнаго или слухового органа въ больницѣ Сальпетриеръ (въ Парижѣ), этой мастерской знаменитаго Шарко, до сихъ поръ еще употребляются быстро дѣйствующія раздраженія: громкій звукъ тамъ-тама или внезапное освѣщеніе электрическимъ свѣтомъ. Въмсто органа зрѣнія или слуха можно пользоваться также органомъ обонянія или осязанія. Легкое продолжительное поглаживаніе или надавливаніе кожи способствуетъ развитію гипнотическаго сна постольку же, поскольку и знаменитые месмерическіе или магнетическіе пассы.

Если бы меня спросили, который изъ всѣхъ перечисленныхъ мною способовъ дѣйствуетъ вѣрнѣе, то я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ. Всѣ они дѣйствуютъ одинаково, всѣ они одинаково ведутъ къ одной и той же цѣли—къ фиксаціи (сосредоточиванію) вниманія. Всѣ эти способы совершенно равнозначущи и въ выборѣ ихъ для каждаго экспериментатора предоставляется широкая свобода. Само собою разумѣется, что чѣмъ проще будутъ выбранные способы, чѣмъ меньше они будутъ заключать въ себѣ различныхъ манипуляцій, тѣмъ они будутъ современнѣе, тѣмъ осмысленнѣе будетъ ихъ конечная цѣль. Въ наше время уже никто не станетъ заставлятъ испытуемаго вдыхать одуряющіе пары, какъ это дѣлали дельфійскіе оракулы, или съ искаженной физиономіей и въ страстномъ по-

рывѣ производить таинственныя заклинанія или пассы, какъ это дѣлали древніе жрецы и ученики Месмера, — время всѣхъ этихъ сложныхъ процедуръ миновало.

Еще не такъ далеко ушло то время, когда физическимъ методамъ гипнотизированія придавалось особенно большое значеніе, когда фиксація вниманія считалась однимъ изъ самыхъ главныхъ и исключительныхъ условій, способствующихъ развитію гипноза. Теперь къ этимъ методамъ начинаетъ все болѣе и болѣе развиваться безразличіе, а нѣкоторые гипнотисты нашего времени уже совершенно отказались отъ нихъ. Такое безразличіе съ теперешней точки зрѣнія вполне понятно, если вспомнить о второмъ упомянутомъ мною условіи, необходимомъ для развитія гипнотическаго сна, — о способности гипнотизируемаго поддаваться внушаемой идеѣ (въ данномъ случаѣ—идеѣ о гипнотическомъ снѣ). Это условіе имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ первое, и безъ него гипнотическій сонъ невозможенъ ¹⁾. Тогда какъ первое условіе, т. е. сосредоточенность вниманія, только подготавливаетъ почву для развитія гипноза, второе, т. е. передача идеи о снѣ, развиваетъ самый сонъ. Если всѣ физическіе методы, всѣ манипуляціи и приводятъ къ гипнотическому состоянію, то лишь только потому, что сами по себѣ, помимо извѣстной процедуры, они заключаютъ въ себѣ и нѣкоторое представленіе о гипнотическомъ снѣ; это послѣднее, воспринимаясь испытуемымъ какъ нѣчто реальное, какъ нѣчто такое, что должно съ нимъ непременно случиться, реализуется, т. е. превращается въ соответствующее психо-физиологическое состояніе.

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь объ *искусственномъ* гипнозѣ, въ естественномъ же гипнозѣ идея о снѣ можетъ и отсутствовать (см. статью „Психологическія условія развитія гипноза“).

Сколько бы мы ни заставляли субъекта слушать тиканье часовъ, сколько бы мы ни гладили его по головѣ, онъ никогда не впадетъ въ гипнозъ, если только мы не предупредимъ его, или если онъ самъ не догадается, къ чему должны клониться всѣ эти процедуры, т.-е. если, проще говоря, мы не вложимъ въ его сознание идею о снѣ. Кто изъ насъ не знаетъ, какимъ убаюкивающимъ образомъ дѣйствуетъ однообразная музыка или звуки монотонной пѣсни, кому изъ насъ не приходилось испытывать на себѣ усыпляющее дѣйствіе стука часового маятника или завыванія вѣтра подь окномъ,—всякій знаетъ, что навѣваемыи этими условіями сонъ не будетъ сонъ гипнотическій: это будетъ сонъ самый обыкновенный, естественный. И было бы большою ошибкою думать, что все, что способно вызвать обыкновенный сонъ, способно также вызвать и сонъ гипнотическій, и что одного однообразнаго раздраженія нашихъ органовъ чувствъ вполне достаточно для развитія гипноза.

Имѣя въ виду важность этого обстоятельства, нѣкоторые ученые настоящаго времени совершенно отказались отъ физическихъ методовъ гипнотизированія, ограничиваясь почти исключительно психическими, т.-е. одною словесною или образною передачею идеи о гипнозѣ, въ надеждѣ, что одного слова „спите“ или одного образа о гипнозѣ, вызваннаго тѣмъ или инымъ путемъ, уже вполне достаточно, чтобы у субъекта наступилъ самый гипнозъ. Самый обыкновенный изъ психическихъ способовъ гипнотизированія состоитъ въ томъ, что субъекта усаживаютъ въ кресло и приказываютъ ему спать. При существующемъ расположеніи даннаго лица, идея о гипнозѣ, вложенная въ сознание такимъ простымъ приказаніемъ, иногда можетъ

реализоваться въ соответствующее состояніе безъ того, чтобы вниманіе субъекта отвлекалось еще какимъ-нибудь побочнымъ путемъ; сама идея уже играетъ здѣсь роль какъ бы сигнала или отвлекающаго стимула, способна сконцентрировать вниманіе гипнотизируемаго на опредѣленномъ предметѣ, т.-е. на ожидаемомъ состояніи.

Реализація (превращеніе) внушаемой идеи о гипнозѣ въ соответствующее состояніе происходитъ по тому простому физиологическому закону, что всякая наша мысль, будетъ ли то мысль самостоятельно возникшая въ мозгу, или мысль, навѣянная извнѣ, склонна превращаться въ соответствующее дѣйствіе: стоитъ намъ, наприм., подумать о чемъ-нибудь очень непріятномъ, какъ уже наша мимика принимаетъ соответствующее выраженіе, стоитъ намъ вспомнить что-нибудь печальное, какъ нерѣдко среди веселья, помимо нашей воли, мы чувствуемъ расслабленіе членовъ и впадаемъ въ грустное настроеніе. Но одной идеи еще далеко недостаточно для того, чтобы эта идея немедленно реализовалась въ соответствующее дѣйствіе или состояніе. Какъ извѣстно изъ психологіи, наши идеи только въ томъ случаѣ подчиняютъ себѣ наше „я“, когда онѣ сопровождаются соответствующей эмоциональной (чувственной) окраской. Идея, лишенная такой окраски, будетъ лишь холоднымъ звукомъ, неспособнымъ подчинить себѣ наше существо. Поэтому для того, чтобы у даннаго субъекта идея о гипнозѣ превратилась въ дѣйствительный гипнозъ, необходимо, чтобы она соединилась съ соответствующей эмоціей. Эмоція эта въ гипнозѣ носить, повидимому, совершенно своеобразный характеръ и по виду своему близко подходитъ къ эмоціи посторонняго влія-

нія¹⁾. Только тотъ субъектъ впадетъ въ гипнозъ, которъй не только легко подчинится идеѣ о гипнозѣ, но у котораго эта идея вызоветъ еще соответствующее душевное движеніе, соответствующую эмоцію.

Такимъ образомъ, третьимъ и самымъ главнымъ условіемъ развитія гипноза является способность даннаго субъекта приходитъ въ извѣстное эмоціональное состояніе, соответствующее гипнозу.

VI.

Я указалъ на способность сосредоточивать вниманіе, способность подчиняться внушаемой идеѣ и способность приходитъ въ извѣстнаго рода эмоціональное состояніе, какъ на три главные фактора, которыми обуславливается развитіе гипноза (въ сущности, основная и руководящая роль принадлежитъ въ этомъ отношеніи послѣднему фактору, первые же два сами по себѣ не имѣютъ рѣшающаго значенія или, вѣрнѣе, имѣютъ значеніе лишь по столько, по сколько они находятся въ связи съ послѣднимъ факторомъ²⁾). Значеніе же всѣхъ остальныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, на которыя такъ часто указывается въ публикѣ, какъ напр., индивидуальности, нервности, личности гипнотизатора и пр.,—сводится къ тому, поскольку они увеличиваютъ или уменьшаютъ собою значеніе и силу перечисленныхъ трехъ факторовъ. Такъ какъ послѣдніе подвержены индивидуальнымъ колебаніямъ и измѣняются въ своей силѣ въ зависимости отъ психическаго состоянія субъекта въ данную минуту, то опредѣлить заранѣе, насколько данный субъектъ предрасположенъ

¹⁾ Подробно объ этой эмоціи въ статьѣ „Психологическія условія развитія гипноза“.

²⁾ См. статью „Психологическія условія развитія гипноза“.

къ гипнозу, невозможно, или, вѣрнѣе, возможно лишь съ нѣкоторою долею вѣроятности; мѣриломъ этой вѣроятности служитъ обстоятельное изслѣдованіе психическихъ и физическихъ особенностей даннаго субъекта, доступное лишь специалисту психіатру. Если къ вамъ обращается лицо, которое увѣряетъ, что его нельзя загипнотизировать, то не придавайте этому особаго значенія: часто, именно, такія лица и представляютъ благопріятный матеріалъ для гипноза. Если къ вамъ приходитъ субъектъ, горящій страстнымъ желаніемъ быть загипнотизированнымъ и при томъ увѣренный, что онъ заснетъ по первому же вашему приказанію, то и тутъ вы не можете ручаться за успѣхъ, такъ какъ такія лица иногда совершенно не поддаются гипнозу. Воспріимчивость къ гипнозу не зависитъ исключительно отъ такихъ простыхъ факторовъ, какъ желаніе или нежеланіе: она лежитъ гораздо глубже, въ психической организаціи даннаго лица, въ склонности его всѣмъ своимъ существомъ подчиняться вліянію возникающей эмоціи, и нерѣдко не можетъ быть измѣнена никакими внѣшними условіями.

Весьма распространенное въ публикѣ мнѣніе, что только лица нервныя, истеричныя и неуравновѣшенныя предрасположены къ гипнозу, совершенно невѣрно. Это мнѣніе возникло и укоренилось въ обществѣ благодаря тому, что большинство врачей, именно, надъ такими лицами и производили свои опыты. Въ дѣйствительности встрѣчается какъ разъ обратное, а именно: люди нервныя, неуравновѣшенныя, дегенеранты являются наименѣ воспріимчивыми къ гипнозу.

То-же касается и истеричныхъ; правда, среди послѣднихъ нерѣдко встрѣчаются очень глубокаго формы гипноза, но за то среди нихъ очень часто попадаютъ

и субъекты, совершенно не поддающиеся опыту. Объясняется это отчасти тѣмъ, что у нервныхъ людей внушаемость отъ природы является нѣсколько пониженной, отчасти же тѣмъ, что такого рода люди часто не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ владѣть своимъ вниманіемъ. Что нервная или психическая неуравновѣшенность служитъ условіемъ, уменьшающимъ восприимчивость къ гипнозу, это доказывается тѣмъ, что въ болѣе тяжелыхъ формахъ нарушенія психическаго равновѣсія, а именно, въ душевныхъ болѣзняхъ, восприимчивость къ гипнозу сводится до минимума: по наблюденію *Voisin'a* только 10% изъ числа всѣхъ душевно-больныхъ, при извѣстномъ терпѣніи и настойчивости, могутъ быть загипнотизированы, по наблюденію же другихъ авторовъ и этотъ процентъ представляется слишкомъ высокимъ. По мнѣнію *Фореля*, мозгъ есть тотъ инструментъ, которымъ мы пользуемся при внушеніи: если этотъ инструментъ испорченъ, то и пользоваться имъ или совѣмъ нельзя, или можно лишь въ весьма незначительной степени.

Какой же процентъ восприимчивыхъ къ гипнозу встрѣчается среди психически-здоровыхъ лицъ?

Наблюденія разныхъ авторовъ въ этомъ отношеніи даютъ неодинаковые результаты. *Bottey* опредѣляетъ число восприимчивыхъ людей въ 30%, *Otto Binswanger* болѣе чѣмъ въ 50%, *Dorselli* въ 70%, *Delboeuf* въ 80%, слишкомъ, а *Liébeault* гипнотизировалъ 92% своихъ больныхъ. Такая громадная разница въ результатахъ объясняется тѣмъ, что каждый изъ авторовъ по своему понималъ гипнозъ: если подъ гипнозомъ разумѣть лишь глубокія степени гипнотическаго состоянія, сопровождающіяся полнымъ забвеніемъ происходившаго, то процентъ впадающихъ въ такой гипнозъ, понятно, не

будетъ значителенъ; если же въ понятіе о гипнозѣ вносить и слабыя его степени, то процентъ гипнотизирующихся будетъ великъ. Какъ бы тамъ ни было, нужно однако полагать, что 85—90 процентовъ всѣхъ психически-здоровыхъ людей такъ или иначе могутъ быть загипнотизированы.

Представитель современной школы въ Нанси *Bernheim* говоритъ, что врачъ, не сзумѣвшіе загипнотизировать, по меньшей мѣрѣ, 80% своихъ больныхъ, не имѣютъ никакого права разсуждать о гипнотизмѣ. Къ такому же приговору присоединяется и *Forel*.

Schrenck-Notzing предпринялъ тщательное изслѣдованіе способности къ гипнозу жителей различныхъ странъ. Изъ 8705 человекъ, вошедшихъ въ его статистику, безусловно невосприимчивыми оказались только 6%. Остальные же 94% онъ распредѣляетъ такимъ образомъ: въ слабый гипнозъ впади 30%, въ гипотаксію — 49%, въ сомнамбулизмъ 15%.

Распространенное мнѣніе, будто общая слабость организма предрасполагаетъ къ гипнозу, не оправдывается наблюденіями. Наоборотъ, субъекты крѣпкіе и упитанные въ общемъ гипнотизируются лучше, чѣмъ лица слабыя и болѣзненные. Точно также совершенно невѣрна мысль, будто восприимчивость къ гипнозу есть признакъ недостаточнаго умственнаго развитія или слабой воли: наблюденія показываютъ, что интеллигентные люди легче поддаются гипнозу, чѣмъ люди неинтеллигентные, а изъ простого народа болѣе развитыя лица лучше гипнотизируются, чѣмъ лица тупыя и умственно отсталыя. Объясняется это, вѣроятно, отчасти болѣею способностью людей развитыхъ владѣть своимъ вниманіемъ, отчасти же болѣею эмоціональною возбуждимою этихъ лицъ.

То же можно сказать и относительно слабости воли: какъ я указалъ, въ достаточной мѣрѣ способствуетъ развитію гипноза способность человѣка управлять своимъ вниманіемъ. Но, вѣдь, это качество скорѣе присуще сильной волѣ, чѣмъ слабой, поэтому уже à priori можно предположить, что люди слабохарактерные должны труднѣе поддаваться гипнозу. Это, именно, и подтверждается наблюденіями современныхъ изслѣдователей. *Moll* говоритъ, напр., что кто не можетъ сосредоточить свое вниманіе, кто вѣчно разсвѣянъ, тотъ не поддастся гипнозу; люди нервныя, у которыхъ мысли находятся въ разбродѣ, которые не могутъ сосредоточиться на какой-нибудь опредѣленной идеѣ, съ трудомъ поддаются гипнозу; люди впечатлительныя, безхарактерныя, готовые вѣрить всякому пустяку—также нерѣдко совершенно не гипногизируются.

Наиболѣе благоприятнымъ періодомъ жизни въ смыслѣ воспримчивости къ гипнозу, по мнѣнію *Moll*'я, служитъ средній возрастъ; дѣти моложе трехъ лѣтъ вовсе не гипнотизируются, о дѣти отъ 3 до 8 лѣтъ поддаются ему съ трудомъ. По наблюденію *Liébeault* дѣти въ значительной степени воспримчивы къ гипнозу. По моему наблюденію дѣти поддаются гипнозу труднѣе взрослыхъ и глубокія формы гипноза среди нихъ встрѣчаются гораздо рѣже. Хотя дѣти вообще легко подчиняются чужому вліянію, но вниманіе ихъ слишкомъ разсѣяно для того, чтобы въ ихъ сознаніи могъ запечатлѣться опредѣленный образъ гипноза; поэтому-то, вѣроятно, ребенка иногда съ трудомъ и удается загипнотизировать.

Кромѣ перечисленныхъ мною внутреннихъ условій, способствующихъ развитію гипноза, есть и другія внѣшнія. Къ числу послѣднихъ относится личность гипнотизатора.

Въ прежнее время личности гипнотизатора придавалось особенно важное значеніе: ему приписывалась особая магнетическая сила, которая будто бы переходила на гипнотизируемаго и заставляла послѣдняго погружаться въ сонъ. Считалось, что черные глаза и черные волосы должны составлять необходимую принадлежность каждаго магнетизера. Теперь, конечно, никто не станетъ настаивать на истинѣ этихъ взглядовъ: въ настоящее время всѣмъ хорошо извѣстно, что главная сила, заставляющая экспериментируемаго погружаться въ гипнотическій сонъ, лежитъ не внѣ его, а въ немъ самомъ. Но можно ли все таки сказать, что роль гипнотизатора при гипнотизированіи не при чемъ и личныя свойства послѣдняго не имѣютъ ровно никакого значенія? Нѣтъ, этого сказать нельзя. Какъ показываетъ опытъ, душевныя свойства гипнотизатора имѣютъ свое значеніе, не то, конечно, значеніе, которое приписывалось ему старыми месмеристами, но все таки значеніе въ высшей степени важное. Увѣренность, авторитетность и присутствіе духа—вотъ тѣ качества, которыми долженъ обладать современный гипнотизаторъ. Значеніе этихъ качествъ опредѣляется по стольку, поскольку они въ состояніи возбудить у гипнотизируемаго въ данную минуту соответствующую эмоцію и заставить его управлять своимъ вниманіемъ. Всякій изъ насъ знаетъ, какимъ магическимъ дѣйствіемъ обладаетъ увѣренный жестъ, убѣжденное слово, всякій знаетъ, какъ властно завладѣваетъ вниманіемъ слушателей авторитетная, убѣжденная рѣчь, поэтому не должно казаться удивительнымъ и то въ высшей степени важное значеніе, которое создается при гипнотизированіи личностью гипнотизатора. Но что-бы обладать увѣренностью и имѣть авторитетъ,

необходимо знаніе и опытность. Поэтому опытный и знающій гипнотизаторъ, несомнѣнно, гораздо легче достигнетъ своей цѣли. Такой гипнотизаторъ всегда разберетъ, слѣдуетъ ли ему въ данномъ случаѣ добиваться гипноза простымъ психическимъ воздѣйствіемъ, или же нужно предпочесть фиксацію зрѣнія и пассы. „Кто легко поддается гипнозу, того всякій загипнотизируетъ, но кто мало воспримчивъ, съ тѣмъ можетъ справиться только умѣлое лицо“, — говоритъ *Moll*.

VII.

Часто приходится слышать вопросъ о томъ, можно ли загипнотизировать человѣка противъ его желанія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже данъ опытами *Heidenhain'a*. Этотъ ученый гипнотизировалъ солдатъ, которымъ начальство строго на строго запретило засыпать; тѣмъ не менѣе, не смотря на это запрещеніе, не смотря даже на присутствіе самого начальства, солдаты все таки засыпали. Известенъ еще такой случай произвольнаго гипноза, имѣвшій мѣсто въ Сальпетриерѣ: дѣвушка, легко впадавшая въ гипнозъ отъ внезапныхъ шумовъ, подкралась однажды къ чужому комоду, чтобы стащить фотографическія карточки; въ это время неожиданно ударили въ тамъ-тамъ, она впадала въ катаlepsію, да такъ и застыла съ протянутой рукой. По поводу этого случая *Hask Tucke* еще замѣчаетъ: очень жаль, что не всякаго вора можно поймать такимъ удобнымъ способомъ.

Что человѣкъ, вообще, можетъ быть загипнотизированъ помимо его желанія—это доказано множествомъ наблюдений и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вопросъ лишь сводится къ тому, насколько часто

удается такое насильственное гипнотизированіе. Если большинство людей, при желаніи, легко поддаются усыпленію ¹⁾, то при насильственномъ гипнотизированіи изъ нихъ впадаетъ въ гипнозъ лишь весьма незначительная часть. Зависитъ это отъ того, что человекъ, не желающій быть загипнотизированнымъ, естественнымъ образомъ, будетъ развлекать свое вниманіе и тѣмъ самымъ, слѣдовательно, будетъ мѣшать наступленію гипноза. Нужна очень большая воспримчивость, нужна очень сильно развитая внушаемость для того, чтобы сопротивленіе такого субъекта было побѣждено. По этому, если и наблюдаются случаи насильственного гипноза, то это бываетъ только у лицъ очень воспримчивыхъ и при томъ такихъ, которыя прямымъ или косвеннымъ путемъ освѣдомлены о вашемъ намѣреніи; которыя *знаютъ*, что вы ихъ будете гипнотизировать, хотя бы сами они и не желали этого. Словомъ, дѣло сводится къ тому, возникла ли у лица, котораго желаютъ гипнотизировать, идея о гипнозѣ или нѣтъ. Если такая идея возникла, то при сильной воспримчивости извѣстнаго лица, она можетъ реализоваться въ соотвѣтствующее состояніе помимо его желанія; если же такая идея не возникла, если, напр., субъекту и въ голову не приходитъ, что вы хотите его загипнотизировать, то онъ никогда не впадетъ въ гипнозъ. Солдаты у *Heidenhain*'а засыпали только потому, что они все таки знали, или, по крайней мѣрѣ, догадывались, что ихъ гипнотизируютъ. Всякій изъ

---

¹⁾ Терминъ „усыпленіе“, на мой взглядъ, совершенно не вяжется съ представленіемъ о гипнозѣ, гдѣ, въ сущности, никакого сна, въ общепринятомъ смыслѣ, нѣтъ: если я иногда и употребляю этотъ терминъ, то только потому, что онъ получилъ право гражданства среди публики.

насъ по опыту знаетъ, какъ беспильны мы иногда бываемъ передъ какой-нибудь возникшей въ нашемъ мозгу мыслью: мы сознаемъ нерѣдко всю нелѣпость этой мысли, хотимъ противиться ей, но противиться не въ состояніи; случается, напр., что музыканту или артисту, при исполненіи какой-нибудь пьесы, приходитъ на умъ, что въ такомъ-то мѣстѣ пьесы онъ можетъ сдѣлать ошибку, и этой мысли уже достаточно, чтобы ошибка, дѣйствительно, произошла; случается иногда, что вамъ овладѣваетъ мысль, что ваше лицо можетъ покраснѣть въ извѣстномъ мѣстѣ вашего разговора, и этого достаточно, чтобы вы, дѣйствительно покраснѣли. Аналогичное явленіе происходитъ и въ гипнозѣ.

Въ новѣйшее время нѣкоторые авторы, какъ *Bernheim*, *Forel* и *Moll*, въ доказательство произвольнаго развитія гипноза, пытались переводить естественный сонъ въ гипнотическій. По наблюденію *Moll*'я такіе опыты удаются только надъ лицами, которыя раньше слышали о гипнозѣ и у которыхъ, слѣдовательно, въ моментъ словеснаго приказанія гипнотизатора могла зародиться въ ихъ дремлющемъ мозгу мысль о томъ, что ихъ гипнотизируютъ. У лицъ, никогда не слыжавшихъ о гипнозѣ и не имѣющихъ представленія о немъ, такіе опыты оканчиваются неудачею.

Рядомъ съ вопросомъ о гипнозѣ безъ согласія испытуемаго возникаетъ вопросъ и о гипнотизированіи на разстояніи. По существу этотъ вопросъ рѣшается такъ же, какъ и предыдущій. Для того, чтобы опытъ гипнотизированія на разстояніи удался, необходимо, чтобы лицо испытуемое *знало*, что вы его гипнотизируете. Такіе опыты чаще всего удаются надъ лицами, которыя подвергались гипнозу уже нѣсколько разъ, и которыя, слѣдовательно, по опыту знаютъ, что всякаго при-

казанія съ вашей стороны уже достаточно, чтобы вызвать у нихъ гипнозъ, будетъ ли это приказаніе письменное, или переданное черезъ другое лицо, — все равно. Если же испытуемый не освѣдомленъ о вашемъ намѣреніи, если ему и въ голову не приходитъ мысль, что вы хотите его гипнотизировать, то онъ никогда не заснетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, только тѣхъ случаевъ, гдѣ ему самому не покажется, что вы его гипнотизируете, хотя бы въ дѣйствительности вы были вовсе въ этомъ неповинны (*самоипнозъ*).

Но у всякаго-ли человѣка можно вызвать гипнозъ на разстояніи? Какъ показалъ опытъ, на разстояніи гипнотизируются только лица очень воспримчивыя, въ высшей степени внушаемыя, подвергавшіяся гипнозу нѣсколько разъ, и при томъ такія, которыя склонны впадать лишь въ самыя глубокія степени гипноза, т. е., сомнамбулизмъ. А такъ какъ такія лица встрѣчаются далеко не часто, то и значеніе этого явленія въ обществѣ обыкновенно сильно преувеличивается.

VIII.

Все, что мною было сказано до сихъ поръ, касалось гипноза съ объективной точки зрѣнія... Теперь попытаемся стать въ положеніе загипнотизированнаго и посмотримъ, что онъ испытываетъ въ гипнозѣ, какъ измѣняется его психика въ этомъ состояніи.

Первое, что вы чувствуете при погруженіи въ гипнозъ, это чувство спокойствія, утомленія и нѣкоторой связанности во всѣмъ тѣлѣ. Вы чувствуете неохоту къ движеніямъ, вамъ лѣнь думать, а если дѣлаете попытку къ послѣдовательному мышленію, то чувствуете, что ваши мысли текутъ вяло, медленно, путаются и обрываются, вы чувствуете, что память вамъ измѣ-

няеть, стараетесь припомнить событія, но они путаются во времени. Вы испытываете нѣкотораго рода связанность мыслей, ваши мысли какъ-бы цѣпенѣютъ. При нѣкоторомъ усиліи съ вашей стороны, вы, однако, еще можете вывести себя изъ этого состоянія и воспрянуть мыслями. Но вотъ вы погружаетесь въ болѣе глубокой гипнозъ: вы уже чувствуете, что ваша психическая связанность еще болѣе увеличивается, вы уже не можете сдѣлать при помощи собственныхъ усилій воли ни одного движенія, ваша мысль какъ-бы застыла въ одномъ положеніи точно такъ же, какъ и застыли ваши движенія. Вы не теряете общенія съ внѣшнимъ міромъ, но впечатлѣнія этого міра доходятъ до васъ неясно. Вы заняты своимъ гипнотизаторомъ, отчетливо слышите его дыханіе, вы чувствуете, какъ по первому его приказанію ваша рука поднимается, пытаетесь противиться, но противиться не въ состояніи. Но вотъ еще шагъ впередъ: вы погрузились въ самый глубокой сонъ, въ сомнамбулизмъ. Вы уже почти совсѣмъ не можете ни мыслить, ни двигаться помимо воли гипнотизатора. Вы бесѣдуете съ нимъ, отвѣчаете на вопросы, но ваши отвѣты неясны, неопредѣленны: вы не можете сами рѣшить что либо, вы ждете, когда вамъ подскажутъ мысль. Вамъ говорятъ: у васъ на рукѣ сидитъ воробей; вы видите воробья. Васъ спрашиваютъ, какого цвѣта воробей, — вы колеблетесь, ибо у васъ нѣтъ своей мысли. Вамъ подсказываютъ: красного, и вы убѣждаетесь, что, дѣйствительно, воробей красного цвѣта. Опѣните нецѣпность такого заключенія вы не въ состояніи: ваши психическіе образы и представленія какъ бы замерли и возбуждаются исключительно по подсказу. Вамъ подсказываютъ, что вы видите своего отца, который уже давно умеръ, и вы,

дѣйствительно, видите его, нисколько не удивляясь тому, какъ онъ могъ явиться съ того свѣта.

Состояніе загнипнотизированнаго мозга можно сравнить съ состояніемъ того оцѣпенѣнія, которое существуетъ въ мышцахъ; мозговья клѣтки, несущія на себѣ высшую административную функцію, функцію критики и оцѣнки волевыхъ импульсовъ, какъ бы погрузились въ сонъ, замерли, тогда какъ другія клѣтки болѣе низшаго порядка, несущія въ себѣ, такъ сказать, исполнительную функцію, продолжаютъ дѣйствовать. Благодаря прекращенію административной функціи мозга, исполнительная его функція, ничѣмъ несдерживаемая и не контролируемая, легко выступаетъ на первый планъ, легко проявляетъ свои права и быстро подчиняется всякому внѣшнему вліянію. Поэтому-то во время гипноза психика загнипнотизированнаго и представляетъ весьма удобную почву для воспріятія разнаго рода внушеній, т.-е., подсказанныхъ, подсунутыхъ мыслей. Внушеніе, какъ извѣстно, существуетъ и внѣ гипноза. Это есть факторъ, играющій чрезвычайно большую роль въ общественной жизни. Это есть міровой законъ, на которомъ построены отношенія людей другъ къ другу. Все наше воспитаніе, въ сущности, есть ничто иное, какъ рядъ послѣдовательныхъ внушеній, воспринятыхъ въ дѣтствѣ. То, что подсунуто намъ въ дѣтствѣ въ формѣ воспитанія, нерѣдко впоследствии не можетъ быть поколеблено никакими реформами, исходящими изъ разума. Каждый психически здоровый человекъ обладаетъ извѣстною долею внушаемости, т. е. способности подчиняться чужому вліянію: только у одного лица эта внушаемость развита больше, у другого—меньше. Въ бодрственномъ состояніи внушаемая идея встрѣчаетъ много сопротивленій со стороны лич-

ности субъекта, которому хотятъ привить эту идею: его психика занята массою другихъ психическихъ процессовъ и потому ей некогда браться не за свое дѣло, за чужія мысли. Но въ состояніи гипноза это препятствіе уничтожается. Подобно тому, какъ камешекъ, брошенный въ волнующееся море, не оставляетъ послѣ себя никакого слѣда, ибо слѣдъ его тотчасъ же сглаживается волнами бушующаго моря, точно также и идея, зароненная въ бодрствующій мозгъ, часто не запечатлѣвается въ немъ только потому, что быстро смывается другими потоками психической жизни; но подобно тому, какъ камешекъ, брошенный въ спокойное море, оставляетъ послѣ себя замѣтный слѣдъ, точно такъ же и идея, зароненная въ состояніи полнаго покоя мозга, въ состояніи гипнотическаго сна, прививается легко, ибо никакія иныя мысли не мѣшаютъ ей укрѣпиться въ сознаніи. Вотъ почему къ гипнозу и прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ при помощи внушенія сильнѣе воздѣйствовать на психику, когда желаютъ, чтобы внушаемая идея встрѣтила какъ можно меньше сопротивленія въ мозгу.

Посредствомъ внушенія въ гипнозъ можно вызывать самыя разнообразныя явленія: параличи, сведенія, потерю чувствительности, галлюцинаціи, органическія расстройства и проч. По произволу можно заставлять гипнотика видѣть, не видѣть, слышать, не слышать, обонять, не обонять. Прикладывая къ кожѣ частицы бумажекъ, картъ, марокъ и проч. подъ видомъ нарывнаго пластыря, можно иногда вызывать образованіе красноты или пузыря на соотвѣтственномъ мѣстѣ. *Bourri* и *Burrot*, начертавъ однажды на предплечьи больного матроса его имя при помощи тупого предмета (зонда), внушаютъ ему: „начертанныя линіи начнутъ кровоточить у

тебя, имя твое выступить на рукѣ кровавыми буквами“. И, дѣйствительно: на мѣстѣ проведенія зондомъ появились красныя возвышенныя линіи и на нихъ выступили капельки крови.

Подобнаго рода факты — факты чрезвычайно большой важности. Они подтверждены такими авторитетами, какъ Крафтъ-Эбингъ, Прейеръ и др. Факты эти бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на известную кровоточивую дѣву Луизу Лато, у которой въ духовномъ экстазѣ, при сосредоточеніи мыслей и воображенія на страданіяхъ и ранахъ распятаго Христа, на соотвѣтствующихъ мѣстахъ рукъ появлялись признаки кровотеченія. Восприимчивость къ внушенію въ гипнозѣ доходитъ иногда до такихъ размѣровъ, что стаканъ воды, данный въ качествѣ водки, вызываетъ всѣ признаки опьяненія, та-же вода, поднесенная въ качествѣ рвотнаго средства, вызываетъ рвоту; по внушенію загипнотизированная особа выѣзжаетъ въ море, плаваетъ на кораблѣ, корабль застигаетъ буря, благодаря сильной качкѣ усыпленная качается изъ стороны въ сторону, заболѣваетъ морскою болѣзнью, ее тошнитъ и т. д. (*Беллингъ*).

Всѣ подобнаго рода явленія, съ виду какъ-бы невѣроятныя, находятъ себѣ объясненіе въ томъ обстоятельстве, что въ гипнозѣ всѣ высшія задерживающія вліянія головного мозга подавлены, а потому всякая вложенная въ сознаніе идея получаетъ гораздо большее напряженіе и, ничѣмъ не сдерживаемая, съ большею силою стремится проецироваться наружу, т. е. перейти въ соотвѣтствующее дѣйствіе. Поднося, напр., загипнотизированному стаканъ воды подъ видомъ рвотнаго, мы вызываемъ у него представленіе о рвотѣ. Такое представленіе въ бодрственномъ состояніи за-

глохло-бы въ мозгу и не перешло-бы въ соотвѣтствующее дѣйствіе, но у загипнотизированнаго, не встрѣчая сопротивленія, оно быстро достигаетъ высшаго напряженія. Это напряженіе передается соотвѣтствующимъ клѣткамъ рвотнаго центра, заложеннаго въ головномъ мозгу, отъ послѣднихъ импульсъ сообщается по нервамъ периферическому аппарату, т. е. желудку, и въ результатъ получается рвота. Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ иногда и помимо гипноза у лицъ, которыя въ силу своихъ психическихъ особенностей не могутъ въ надлежащей мѣрѣ подавлять тѣхъ или иныхъ возникшихъ въ ихъ мозгу представлений; такъ, напр., есть люди, которые уже при одномъ взглядѣ на что-нибудь отвратительное, непріятное, не въ состояніи удержаться отъ рвоты, есть лица, которыя даже при одной мысли о невозможности опорожнить кишечникъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыя они попадаютъ, чувствуютъ позывъ на низъ.

Особенно странными и непонятными, на первый взглядъ, представляются намъ такія удивительныя явленія въ гипнозѣ, какъ, напр., образованіе по внушенію красноты, пузыря и ожоговъ на тѣлѣ... Но дѣло тотчасъ-же разъясняется, если мы вспомнимъ, что нѣчто подобное, только, конечно, въ болѣе слабой степени, встрѣчается и помимо гипноза. Есть, напр., лица, которыя испытываютъ сильный приливъ крови къ лицу при одной только мысли о возможности покраснѣть. По существу, это явленіе мало отличается отъ предъидущаго: и тамъ и здѣсь идетъ дѣло о вліяніи нашей мысли на кровеносную систему, разница лишь въ степени. А у субъектовъ съ сильно развитымъ

воображеніемъ и большою впечатлительностью, какъ, напр., у истеричныхъ, дѣло, дѣйствительно, можетъ дойти до образованія отековъ и даже язвъ на тѣлѣ подъ вліяніемъ одного воображенія. Случаи эти хорошо извѣстны всѣмъ врачамъ-невропатологамъ.

Такъ объясняются внушенныя явленія въ гипнозѣ.

Но каждому ли человѣку можно внушить какія угодно явленія? Каждаго ли человѣка можно заставить сдѣлать все, что желаетъ гипнотизаторъ? Нѣтъ, далеко не каждою. Въ этомъ отношеніи одинъ человѣкъ не похожъ на другого. Одному можно внушить параличъ, галлюцинаціи, но нельзя внушить образованіе нарыва или ожога на тѣлѣ; другому можно внушить и образованіе нарыва, но нельзя внушить поступковъ, противныхъ его нравственной личности. Предѣлы внушаемости въ гипнозѣ для разныхъ людей различны и зависятъ отъ индивидуальности даннаго лица, отъ природной или пріобрѣтенной устойчивости его мозговыхъ центровъ. Человѣкъ, у котораго менѣе устойчивы двигательные центры, легче поддастся внушенію двигательныхъ актовъ, параличей и т. д., человѣкъ съ менѣе устойчивыми центрами зрительныхъ образовъ легко поддастся внушенію галлюцинацій, наконецъ, человѣкъ съ слабо развитыми центрами нравственныхъ представленій легко подчинится внушенію поступковъ, противныхъ принципамъ нравственности. Чѣмъ сильнѣе у индивидуума развиты моральные принципы, тѣмъ съ большимъ трудомъ они могутъ быть поколеблены, тѣмъ труднѣе внушить ему дѣянія, противныя его нравственной личности, какъ, напр., убійство, воровство и т. п.

Отъ внушеній, дѣлаемыхъ во время гипноза, нужно отличать такъ называемыя послѣдгіпнотическія внушенія, т. е. внушенія, исполненіе которыхъ со-

вершается или тотчасъ послѣ пробужденія, или спустя нѣкоторое время послѣ того. Вотъ примѣры подобнаго рода внушеній (Беллинъ). Гипнотику внушаютъ: „когда вы проснетесь, вы увидите меня одѣтымъ въ красный плащъ, съ двумя козлиными рогами на головѣ, просыпайтесь“. Гипнотикъ просыпается, раскрываетъ глаза и, глядя на гипнотизатора, вдругъ хохочетъ. „Чему вы смѣетесь?“ — „Да, вѣдь, вы весь красный и съ рогами, посмотрите на себя, какой вы смѣшной“. Проф. Бони внушилъ однажды усыпленной имъ дѣвушкѣ, что черезъ полгода, на новый годъ, она его увидитъ: онъ придетъ къ ней, поздравитъ ее съ новымъ годомъ, а затѣмъ исчезнетъ. Пришелъ новый годъ. Въ 10 ч. утра дѣвушка слышитъ стукъ въ дверь и послѣ слова „войдите“, увидѣла Бони, который, въ дѣйствительности, былъ въ другомъ городѣ.

Въ періодъ времени между гипнозомъ и исполненіемъ внушенія гипнотикъ обыкновенно ничего не знаетъ о внушенной мысли. Идея является внезапно, вдругъ, въ условленный день и часъ. Иногда, впрочемъ, она является нѣсколько раньше назначеннаго срока: гипнотикъ чувствуетъ, что къ такому то времени онъ долженъ то-то сдѣлать. Появившись, мысль принимаетъ характеръ непреодолимаго влеченія, „гвоздемъ“ сидитъ въ головѣ. Однажды въ клиникѣ мнѣ пришлось внушить одной больной, что въ назначенный срокъ она должна передать мнѣ свой носовой платокъ. Лишь только въ условленный часъ являюсь къ ней, больная начинаетъ сильно волноваться, порывисто ищетъ что-то въ карманахъ, подъ подушкою, шаритъ по угламъ и, не находя ничего (платка, дѣйствительно, не оказалось), взволнованно говоритъ, что она *непретменно* должна что-то передать мнѣ, но что, именно, не помнить.

Лишь только былъ принесенъ платокъ, большая порывисто схватываетъ его обѣими руками и передаетъ мнѣ со словами: „Ну, наконецъ-то, слава Богу, я успокоилась,—вотъ это то, что мнѣ *непретѣнно* нужно было сдѣлать“.

Стремленіе выполнить внушенный актъ иногда бываетъ настолько велико, что у субъекта происходитъ сильная борьба между его личностью и сдѣланнымъ внушеніемъ. Побѣда въ такихъ случаяхъ всегда остается на той сторонѣ, которая выражена сильнѣе.

Какая же разница между внушеніемъ, сдѣланнымъ во время гипноза, и послѣгипнотическимъ? Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Вундтъ, утверждаютъ, что при выполненіи послѣгипнотическаго внушенія субъектъ снова впадаетъ на нѣкоторое время въ гипнозъ, во время котораго и выполняетъ внушенное дѣйствіе. Но это едва ли всегда бываетъ такъ. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъектъ дѣйствуетъ какъ бы автоматически и не помнитъ, что онъ дѣлалъ, но это бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же субъектъ выполняетъ внушенный актъ вполне сознательно, относится къ нему критически и даже, какъ я сказала, вступаетъ съ нимъ въ сознательную борьбу. Слѣдовательно, о новомъ гипнозѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Доказательствомъ сказаннаго служитъ тотъ фактъ, что выполненіе послѣгипнотическихъ внушеній встрѣчаетъ со стороны испытуемаго гораздо большее сопротивленіе, чѣмъ выполненіе внушеній, дѣлаемыхъ во время гипноза. Если, напримѣръ, загипнотизированный и можетъ во время гипноза проплясать танецъ, то по пробужденіи очень часто онъ не сдѣлаетъ этого: онъ будетъ волноваться, беспокоиться, мучиться, но все-таки личныя свойства его характера и чувство при-

личія возьмутъ верхъ надъ внушеннымъ дѣйствиємъ. Такимъ образомъ, во время гипноза воля загипнотизированнаго находится въ болѣе степеней подавленія, чѣмъ въ моментъ выполненія послѣгипнотическаго внушенія.

IX.

Я нарисовалъ картину, въ которой отразился современный гипнотизмъ. Въ настоящее время гипнотическія явленія уже признаны всѣмъ ученымъ міромъ какъ явленія вполне естественныя, реальныя; наука приступила къ систематическому изученію ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось и то колоссальное научное и общественное значеніе, которое этому явленію придется занять въ будущемъ.

Главное практическое значеніе гипнотизма въ настоящее время относится къ области медицины, а именно, къ той ея отрасли, которая занимается изученіемъ методовъ лѣченія. Разными учеными, каковы, напр., *Liébeault*, *Forel*, *Bernheim*, *Lloyd-Tuckey*, *Wetterstrand* и др., сдѣлана масса наблюденій, показывающихъ, что гипнотизмъ можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ лѣченія разныхъ болѣзней, особенно такихъ, которыя не связаны съ анатомическимъ пораженіемъ органовъ и тканей, т. е. функциональныхъ, или, какъ ихъ принято называть, нервныхъ.

Большое примѣненіе гипнотизмъ нашелъ теперь при лѣченіи алкоголизма. По большинству изслѣдованій, около 40—50% всѣхъ алкоголиковъ могутъ быть излѣчены при помощи этого средства отъ своей болѣзни, а нѣкоторые авторы наблюдали благопріятные результаты даже въ 75% и болѣе (*Токарскій*).

За послѣднее время гипнотизмъ нерѣдко примѣнялся также какъ обезболивающее средство, наравнѣ съ хлороформомъ, при производствѣ различныхъ хирургическихкихъ операций. *Grosmann* не разъ пользовался имъ при лѣченіи переломовъ костей и вывиховъ. Но особенно часто при помощи этого средства производилось извлечение зубовъ (*Bramwell, Andrieu, Hivert, Klemich* и др.). Не разъ гипнозъ примѣнялся также въ акушерствѣ, и за послѣднее время не мало обнародовано случаевъ обезболиванія и ускоренія родовъ этимъ путемъ (*Varnier, Voigt, de Jong, Luys, Cajal* и др.). Но значеніе гипнотизма въ медицинѣ еще далеко не вполнѣ исчерпано. Главная роль его въ этой области все таки еще принадлежитъ будущему. Эта роль не покажется непонятной, если вспомнить, какое громадное вліяніе оказываетъ наша мысль на различныя психическія и даже физическія отравленія нашего организма.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не вліяніемъ психики, объясняется, напр., тотъ фактъ, что лѣкарство, прописанное подъ однимъ названіемъ, не помогаетъ, а прописанное подъ другимъ—иногда дѣйствуетъ магически? Пилюли гренадера Фридриха Великаго производили одно время чудеса, а состояли онѣ исключительно изъ солдатскаго хлѣба. *Lloyd Tuskey* рассказываетъ случай, какъ однажды термометръ, поставленный больному въ ротъ и принятый послѣднимъ за лѣкарственный препаратъ, радикально излѣчилъ его отъ мучительной невралгіи. Вліяніе нашей мысли настолько велико, что лѣкарства иногда дѣйствуютъ вопреки своимъ физиологическимъ законамъ, но сообразно съ желаніемъ больныхъ. Такъ, въ госпиталѣ знаменитаго французскаго врача Дюрана однажды наблюдалось, что простая сахарная вода, прописанная подъ видомъ силь-

наго рвотнаго 100 больнымъ, у 80-ти изъ нихъ, дѣйствительно, вызвала рвоту. Докторъ *Lisle* славился одно время своими удивительными цѣлебными пилюлями, которыя состояли изъ простаго хлѣба, завернутаго въ изящную серебряную бумажку. Одинъ ипохондрикъ сталъ надѣвать *Lisle*'ю жалобами на свой мнимый запоръ. *Lisle* сначала отказывался назначить ему лѣкарство, но, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія его приставаніями, далъ ему семь своихъ пилюль, сказавъ, что это самое сильное слабительное, какое онъ только знаетъ. Послѣ третьей пилюли начался у больного неупржимый поносъ. Дѣло дошло до упадка сердечной дѣятельности и больной едва не умеръ мучительной смертью.

Примѣровъ, подобныхъ приведеннымъ, существуетъ множество. Всѣ они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на важность психическаго вліянія при лѣченіи болѣзней и даютъ нѣкоторый ключъ къ пониманію многихъ темныхъ сторонъ часто капризнаго дѣйствія лѣкарства на организмъ. Подобнаго рода случаи невольно заставляютъ думать, что если одно и то-же лѣкарство, прописанное разными врачами, оказываетъ разное дѣйствіе, то нельзя искать причину этой разницы исключительно въ химическомъ воздѣйствіи: нужно всегда задаться вопросомъ, не повліялъ ли здѣсь также способъ назначенія лѣкарства, впечатлѣніе произведенное врачомъ и другіе психическіе моменты. Отсюда открываются для гипнотизма широкіе горизонты въ дѣлѣ разработки и выясненія такихъ существенныхъ вопросовъ, какъ вопросъ о вліяніи нашей психики на происхожденіе заболѣванія вообще и на теченіе и характеръ болѣзни въ частности. Кто знаетъ, можетъ быть, большинство нашихъ болѣзней, въ сущности, есть ничто

нное, какъ выраженіе нарушеннаго вліянія соотвѣтствующихъ психическихъ центровъ на отправленіе извѣстныхъ органовъ.

Въ высшей степени важнымъ и интереснымъ вопросомъ, который часто поднимается въ публикѣ, является вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ гипнотизированія. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли гипнозъ когда-нибудь повредить? Вопросъ этотъ рѣшается вполне определенно, если на ряду съ нимъ будетъ поставленъ другой вопросъ: кѣмъ, какъ и съ какою цѣлью производится гипнотизированіе. Гипнотизированіе есть не простой актъ, доступный каждому желающему, это есть актъ въ высшей степени сложный, такой актъ, который требуетъ отъ гипнотизирующаго не только умѣнія и опытности, но и знанія физиологіи и, особенно, психологіи организма, съ которымъ ему предстоитъ имѣть дѣло, онъ требуетъ отъ гипнотизирующаго обстоятельнаго знакомства со всѣми ожидаемыми и неожиданными послѣдствіями, которыя каждую минуту могутъ наступить: въ самомъ дѣлѣ, представьте, что черезъ минуту психика гипнотизируемаго должна претерпѣть необычное измѣненіе, черезъ минуту всѣ высшія психическія функціи человѣка должны замереть и погрузиться въ особое состояніе инертности и покоя,— сколько же нужно знанія и умѣнія, чтобы священнодѣйственно отнестись къ совершаемому психическому перевороту, чтобы понять весь смыслъ происходящаго великаго событія! Малѣйшей неправильности, малѣйшаго проявленія незнанія совершающагося переворота вполне достаточно, чтобы этотъ переворотъ пошелъ не по тѣмъ законамъ, по которымъ онъ долженъ идти.

Вотъ почему гипнотизированіе должно производиться не только опытными людьми, не только такими людьми,

которые знали бы всю физиологическую важность совершающагося процесса, но еще и такими, которые съумѣли бы предупредить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всѣ mogućія произойти нежелательныя осложненія (напр., истерическій припадокъ) и которые могли бы, въ случаѣ надобности, найтись и принять надлежащія мѣры къ устраненію нежелательныхъ явленій. Такими людьми, естественно, могутъ быть только врачи: актъ гипнотизированія долженъ считаться точно такимъ же врачебнымъ актомъ, какъ впрыскиваніе морфія, хлороформированіе и проч. Предоставленіе этого акта лицамъ невѣжественнымъ, незнакомымъ не только съ патологіей, но и съ психологіей и физиологіей организма, не должно имѣть мѣста. Только врачъ въ состояніи, благодаря своей профессіи, взвѣсить всѣ показанія и противопоказанія къ примѣненію гипноза, только онъ въ состояніи предупредить всѣ mogućія произойти нежелательныя осложненія. Мнѣ не разъ доводилось слышать, какъ лицо, неопытное въ дѣлѣ гипнотизированія, вдругъ становилось втупикъ, не зная, какъ разбудить своего кліента, мнѣ не разъ доводилось видѣть, какъ истерическій припадокъ развивался только благодаря неумѣнью и неопытности гипнотизирующаго.

Очень распространенное въ публикѣ мнѣніе, что гипнотизированіе лишаетъ человѣка его нравственной свободы, дѣлаетъ его автоматомъ и разстраиваетъ его нервную систему, хотя и имѣетъ свои основанія, но обыкновенно сильно преувеличивается. Дѣйствительно, человѣка можно пріучить къ гипнозу, можно разстроить его нервную систему, можно, если хотите, сдѣлать его автоматомъ, но только при одномъ условіи: если гипнотизированіе форсируется, если гипнотизируемому дѣлаются непосильныя для его выполненія внушенія, —

словомъ, когда надъ нимъ экспериментируютъ и при томъ экспериментируютъ не въ мѣру и съ совершенно ненужною цѣлью. Если, напр., внушить загнипнотизированному, чтобы онъ, по пробужденіи, укралъ платокъ у своего сосѣда, то онъ, пожалуй, это сдѣлаетъ, но за то ему это будетъ стоить большихъ усилій, большого нервнаго напряженія и большой борьбы съ совѣстью, такой борьбы, которая сама по себѣ въ состояніи разстроить его нервную систему. Само собою понятно, что сдѣлается съ такимъ субъектомъ, если подобнаго рода эксперименты будутъ производиться надъ нимъ часто: дѣло можетъ дойти и до психическаго расстройства, и такіе случаи, дѣйствительно, наблюдались. На основаніи такихъ-то случаевъ въ публикѣ и сложилось убѣжденіе, что гипнозъ это такое средство, которое сильно разстраиваетъ нервную систему и дѣлаетъ человѣка автоматомъ. Да, повторяю, это, можетъ быть, и правда, но бываетъ это только въ тѣхъ случаяхъ, когда гипнозомъ пользуются не съ цѣлью лѣченія, а съ цѣлью жестокаго эксперимента, когда этимъ средствомъ сильно злоупотребляютъ. Такіе клиницисты, какъ *Liébeault* и *Bernheim*, гипнотизировали много тысячъ больныхъ и никогда не видали отъ этого никакихъ вредныхъ послѣдствій. *Wetterstrand* въ своей книгѣ утверждаетъ, что онъ 60 тысячъ разъ вызывалъ гипнозъ и никогда не видалъ отъ него ничего дурнаго.

X.

Но не одною медициною ограничивается научно-практическое значеніе гипнотизма. Ему надлежитъ еще играть большую роль въ психологіи. Важное значеніе его въ дѣлѣ изслѣдованія психическихъ явленій уже не разъ была одѣнено такими изслѣдователями, какъ *Krafft-*

Ebing, Forel, и Max Dessoir. Уже и теперь намѣчено нѣсколько вопросовъ чрезвычайно большой важности. Таковъ вопросъ о свободѣ воли при послѣ-гипнотическихкихъ поступкахъ. Въ будущемъ гипнотизму предстоитъ еще выполнить величайшую миссію: приблизить человѣка къ рѣшенію проблемы о человѣческой личности и освѣтить все разнообразіе ея духовнаго со-держанія у разныхъ индивидуумовъ.

Для объясненія сложныхъ психическихкихъ явленій гипнотизма у человѣка не разъ за послѣднее время прибѣгали къ изученію гипнотическихкихъ явленій у животныхъ. Явленія гипнотизма у животныхъ впервые были описаны въ половинѣ 17 столѣтія па-теромъ *Афанасіемъ Кирхеромъ* въ видѣ опыта, извѣстнаго подъ именемъ „*experimentum mirabile*“ (удивительный опытъ). Опытъ состоитъ въ слѣдующемъ: если положить курицу бокомъ на столъ и удерживать ее до тѣхъ поръ, пока она не успокоится, затѣмъ провести мѣломъ поперечно черту черезъ голову, то курица остается спокойно лежать въ этомъ неестественномъ положеніи безъ всякаго удерживанья. *Кирхеръ* объясняетъ это явленіе тѣмъ, что лежащая курица считаетъ проведенную мѣломъ черту за привязь, которая притягиваетъ ея голову къ столу. Стало быть, причина, по его мнѣнію, сводится къ усиленному воображенію животнаго, т. е. какъ бы къ самовнушенію. Подобнаго рода опыты были впоследствии не разъ произведены и надъ другими животными. Заслуга болѣе точнаго выясненія явленій въ этомъ отношеніи принадлежитъ проф. *Данилевскому*, который на конгрессѣ физиологической психологіи въ Парижѣ представилъ интересные результаты своихъ опытовъ и изслѣдованій надъ гипнозомъ у животныхъ (лягушекъ, головастиковъ, ра-

ковъ, тритоновъ, змѣй, ящерицъ, черепахъ, птицъ и др.). Его опыты состоятъ въ слѣдующемъ: если, не причиняя боли, положить взятое животное въ какое нибудь неестественное положеніе, лучше всего на спину, и удерживать его въ такомъ положеніи нѣкоторое время, то животное продолжаетъ затѣмъ лежать спокойно и безъ удерживанія. Наиболѣе характерные признаки гипноза — угнетеніе произвольныхъ движеній и сильнѣйшее пониженіе чувствительности, — по Данилевскому, здѣсь на лицо. Животное можно колоть, рѣзать, жечь, — оно продолжаетъ лежать спокойно и неподвижно, какъ бы ничего не чувствуя. У нѣкоторыхъ животныхъ наблюдалась также и каталепсія. Чѣмъ чаще повторятъ гипнотическіе сеансы надъ животнымъ, чѣмъ легче оно впадаетъ въ это состояніе, тѣмъ все слабѣе и слабѣе становится его противодѣйствіе.

Явленія, подобныя указаннымъ, встрѣчаются у животныхъ и помимо эксперимента. Если мы поглубже вникнемъ въ анализъ психическихъ явленій животнаго міра, то замѣтимъ, что гипнотическія явленія у животныхъ не составляютъ рѣдкости: они встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ инымъ, какъ не гипнозомъ можно объяснить то вліяніе, которое оказываетъ на животное укротитель звѣрей, пристально впивающійся взоромъ въ глаза хищника? Чѣмъ инымъ, какъ не гипнозомъ, дѣйствуетъ всадникъ на своего необузданнаго коня? Чѣмъ инымъ, какъ не гипнозомъ пользуется укротитель змѣй или индійскій шакиръ, повергающій ядовитую гадюку въ оцѣпенѣніе монотоннымъ звукомъ свирѣли?

Всѣ подобнаго рода явленія весьма близки къ гипнозу у человѣка; но они и имѣютъ свои особенности, обусловленныя болѣе простою психическою организаціей

животнаго. У животныхъ гипнотическія явленія не носятъ той сложной и разнообразно индивидуальной картины, которую мы наблюдаемъ у человѣка. Чѣмъ ниже на психической лѣстницѣ стоитъ животное, тѣмъ проще и проще становится картина этихъ явленій, тѣмъ ближе и ближе она подходитъ къ простѣйшему типу. У человѣка, какъ мы видѣли, въ основѣ гипнотическаго состоянія лежитъ фиксація вниманія, самовнушеніе и соответствующая эмоція; у животныхъ эти факторы замѣняются болѣе простыми: чувствомъ страха и самозащиты; послѣднее, дѣйствуя парализующимъ образомъ на его движенія, и приводитъ его въ состояніе оцѣпенѣнія.

Такимъ образомъ, если и можно гипнотическія явленія у животныхъ приравнивать истинному гипнозу, то лишь гипнозу въ его простѣйшей формѣ. Но такъ какъ научное изслѣдованіе всякаго явленія начинается съ его простѣйшихъ формъ, съ его простѣйшихъ проявленій, то этимъ самымъ уже предрѣшается то важное значеніе, которое должно имѣть изученіе подобнаго рода явленій въ экспериментальной психологіи.

XI.

Не менѣе важное значеніе принадлежитъ гипнотизму и въ судебной психопатологіи.

Вопросъ о томъ, какъ гипнотикъ относится къ тѣмъ или инымъ преступнымъ вѣнчаніямъ, особенно интересуется юристовъ и общество. Вопросъ этотъ не разъ служилъ предметомъ экспериментальнаго изслѣдованія со стороны многихъ ученыхъ, особенно *Льежуа*, профессора уголовного права въ Нанси.

Рядъ наблюденій, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи, показываютъ, что загипнотизированному иногда удается внушить то или иное преступное дѣйствіе. Такъ, *Лье-*

жуа однажды внушил усыпленному: „вы мнѣ должны 500 франковъ, потрудитесь подписать мнѣ вексель на эту сумму“. Испытуемый оспариваетъ этотъ фактъ. Льежуа говоритъ: „ваша память вамъ измѣнила, я припомню обстоятельства: въ этой самой комнатѣ вы просили у меня 3 недѣли назадъ эти деньги, и я здѣсь же вручилъ вамъ эту сумму золотыми 20-ти франковыми монетами“. Испытуемый колеблется, напрягаетъ свою память, затѣмъ какъ будто что-то вспоминаетъ и подписываетъ вексель. (Бедлингъ).

Gilles de la Tourette произвелъ въ лабораторіи Шарко въ присутствіи врачей слѣдующій опытъ: онъ внушилъ одной особѣ M-elle B., что она должна отравить нѣкогого г. G. Особа сначала сопротивлялась сдѣлать это, ссылаясь на то, что G. ничего ей дурного не сдѣлалъ, но когда экспериментаторъ внушилъ ей, что этотъ господинъ является яблокомъ раздора между нею и одной ея хорошей знакомой, — согласилась. Тогда экспериментаторъ взялъ стаканъ, налилъ туда пива, прибавилъ (фигтивно) яду и сказалъ, что по пробужденіи она должна заставить г-на G. выпить растворъ. Затѣмъ B. была пробуждена. Черезъ нѣсколько минутъ она непринужденнымъ образомъ подходитъ къ г-ну G. и говоритъ: „Боже мой, какъ тутъ жарко, неужели васъ не мучить жажда? я умираю отъ жажды. M-ше L., нѣтъ ли у васъ пива? одолжите намъ бутылку“. G. увѣряетъ, что ему не жарко, что онъ не желаетъ пить. „Это невозможно при такой жарѣ“, говоритъ она: „неужели вы откажитесь выпить со мною пива? впрочемъ, я забыла: г-жа L. только что предлагала мнѣ пива, вотъ оно, — полный стаканъ (беретъ стаканъ съ мнимой отравой), пожалуйста, возьмите изъ моихъ рукъ и выпейте. Вы точно опасаетесь, что въ стаканѣ

что либо вредное; смотрите, я сама отвѣдаю“ (прикладывается губами, точно пьетъ, но, на самомъ дѣлѣ, не выпиваетъ ни капли). G. беретъ стаканъ и выпиваетъ медленно; выпивъ, онъ закрываетъ глаза и падаетъ на полъ; его выносятъ въ другую комнату. „Какое несчастіе“, восклицаютъ присутствующіе: „такъ молодъ еще и умеръ“. — „Не было ли въ пивѣ ядовитой примѣси“, говоритъ одинъ изъ нихъ: „какъ вы думаете M-elle B?“ — „Я ничего не думаю“, возражаетъ В. Входитъ мнимый слѣдователь, опрашиваетъ всѣхъ и записываетъ показанія. Въ концѣ онъ обращается къ В.: „Вы, конечно, не причастны къ несчастію, но не имѣете ли вы на кого-нибудь подозрѣнія, не было ли пиво отравлено?“ „Могу васъ увѣрить, отвѣчаетъ В., что этого не могло быть; доказательствомъ тому служить то, что я сама пила изъ его стакана и осталась, какъ видите, невредима“.

Вотъ еще случай. *Лежуа* вручилъ нѣкоей госпожѣ подъ видомъ мышьяка бѣлый порошокъ и приказалъ ей растворить его въ водѣ и поднести на завтрашнемъ балу указанному лицу; если лицо это спроситъ, что въ стаканѣ, она должна сказать, что аршадъ или сахарная вода. Усыпленная исполнила въ точности внутреннее и на вопросъ, что въ стаканѣ, сказала взволнованно: „сахарная вода, пейте скорѣе“.

Точно такимъ же путемъ внушались и другія преступленія. Однажды гипнотику было внушено украсть носовой платокъ у своего сосѣда. Проснувшись, онъ изображаетъ пьянаго, шатаясь, подходитъ къ указанному лицу и, какъ бы нечаянно падая на него, вытаскиваетъ изъ кармана платокъ. Въ другомъ подобномъ же случаѣ гипнотизированный подходитъ къ указан-

ному лицу съ вопросомъ: „что это у васъ въ рукѣ“, и когда тотъ удивленно смотритъ на руку, изъ его жилета исчезаютъ часы.

Случаевъ, подобныхъ приведеннымъ, описано множество. При анализѣ этихъ случаевъ оказалось, что не всѣ экспериментальные преступники одинаково послушны. Одни совершаютъ преступленіе какъ бы автоматически, не отдавая себѣ отчета въ происходящемъ, другіе, наоборотъ, вполне усваиваютъ внушенную мысль и стараются такъ или иначе оправдать или мотивировать свой поступокъ, третьи-же, наконецъ, оказываютъ чрезвычайно сильное упорство и не исполняютъ внушеній. Нерѣдко случается, что гипнотизъ, послушно исполняющій всякаго рода невинные, смѣшные и незлые поступки, вдругъ сопротивляется выполнить серьезный актъ,—совершить кражу, дать кому-нибудь пощечину и пр.; при выполненіи такого рода внушеній нерѣдко происходитъ очень сильная борьба между внушеніемъ и личными свойствами характера субъекта, его нравственными и эстетическими требованіями, унаследованными или пріобрѣтенными.

Не смотря на произведенные эксперименты, вопросъ о возможности преступныхъ внушеній загипнотизированному въ настоящее время не можетъ еще считаться окончательно рѣшеннымъ. Мнѣнія ученыхъ по этому вопросу расходятся. Тогда какъ *Liégeois* считаетъ грозящую опасность съ этой стороны весьма значительной, другіе, какъ *Gilles de la Tourette*, *Pierre Janet*, *Benedict* и др., совершенно отрицаютъ ее. *Liégeois* полагаетъ, что около 4% людей доступны влиянію преступныхъ внушеній, т.-е., иначе говоря, такимъ способомъ 100 тысячъ жителей Парижа, 60 тыс. жителей Берлина и 40 тыс. жителей Москвы можно побудить

къ преступленіямъ. На самомъ дѣлѣ это едва ли такъ. Что въ ученomъ кабинетѣ можно, при помощи внушенія, заставлять субъекта совершать какія-угодно воображаемыя преступленія, это несомнѣнно, но можно ли внушить преступныя дѣйствія въ дѣйствительности,—вопросъ иной. Всѣ эти кабинетные опыты еще ничего не доказываютъ, потому что у загнипнотизированнаго все же сохраняется нѣкоторый остатокъ сознанія, такой остатокъ, который подсказываетъ ему, что все дѣло шутка. Сознаніе въ гипнозѣ не представляетъ уже такую пустую страницу, на которой можно писать все, что угодно. Какъ это можно заключить на основаніи ряда произведенныхъ экспериментовъ, индивидуальность субъекта и способность его инстинктивно сознать важность совершаемаго поступка не совсѣмъ парализуется: деревяннымъ ножомъ онъ всегда легче совершитъ преступленіе, чѣмъ настоящимъ, потому что у него почти всегда остается темное сознаніе истиннаго положенія дѣла.

Въ дѣйствительной жизни преступныя внушенія, если и удаются, то исключительно у лицъ съ *врожденнымъ отсутствіемъ нравственнаго чувства*, у такихъ лицъ, которыя, такъ сказать, по натурѣ своей рождаются уже преступниками, а также у лицъ съ разстроенною нервною системою и у психопатовъ, у которыхъ воля ослаблена настолько, что они не могутъ дать свободный отпоръ чужимъ вліяніямъ. Человѣкъ душевно здоровый, у котораго нравственные устои прочны, у котораго понятія о добрѣ и злѣ, правдѣ и неправдѣ глубоко развиты, не можетъ сдѣлаться объектомъ преступнаго внушенія, если даже и удастся погрузить его въ самый глубокой сонъ. Умственно здоровый человекъ обладаетъ способностью подавлять въ извѣстной

степени вліяючіе на него стимулы, давати отпоръ имъ, или выбирать между ними. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ вполне вѣрнымъ замѣчаніемъ *Berillon'a*, что внушить человѣку можно лишь то, чего онъ не только желаетъ, но и хочетъ, что согласно съ его волею.

Но если психически здоровому человѣку съ развитымъ чувствомъ нравственнаго долга нельзя внушить преступленіе, какъ таковое, то нельзя ли его внушить косвеннымъ путемъ, т. е. приказать, напр., загнипнотизированному поднести извѣстному лицу стаканъ жидкости, въ которой безъ вѣдома испытуемаго растворенъ ядъ? Да, такого рода внушеніе можетъ быть исполнено гораздо легче... Но тутъ уже вопросъ идетъ не объ измѣненіи личности загнипнотизированнаго, не о внушеніи ему актовъ, противныхъ его личности, а объ извѣстнаго рода обманѣ. Обмануть же человѣка можно и безъ гипноза; можно и помимо гипноза при посредствѣ другого лица заставить человѣка выпить стаканъ яду. Случаи подобнаго рода косвеннаго внушенія, хотя и описывались, но, по существу, они не могутъ быть часты, такъ какъ преступникъ, рѣшившійся на преступленіе, едва ли станетъ для этого пользоваться другимъ лицомъ: это для него невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ: во-первыхъ, слѣды такого рода преступленія гораздо труднѣе скрыть, а во-вторыхъ, нельзя поручиться, что внушаемая дѣйствія не дойдутъ до сознанія гипнотизируемаго и тѣмъ самымъ не найдутъ въ немъ перваго обличителя.

Какъ бы тамъ ни было, въ обществѣ обыкновенно удѣляется черезъ чуръ много вниманія такимъ внушеннымъ преступленіямъ, черезъ чуръ много придается имъ значенія, и верѣдко каждый непонятный фактъ

стараятся объяснить влияніемъ внушенія со стороны извѣстнаго или неизвѣстнаго третьяго лица. Этому нерѣдко помогаетъ и пресса, раздувающая факты и стремящаяся нерѣдко пощекотать любопытство читателя.

Въ такомъ же точно положеніи находится вопросъ и о преступленіяхъ, совершаемыхъ надъ загни-
отизированными. Что такого рода преступленія могутъ быть,—въ этомъ нѣтъ сомнѣній: въ уголовной практикѣ встрѣчаются указанія на совершеніе кражъ, причиненіе вреда здоровью и, особенно, на изнасилованіе загнипнотизированныхъ. Но преступленія этого рода совершаются все таки рѣдко, такъ какъ, по словамъ *Forel*'я, экспериментаторамъ хорошо извѣстно, что безпамятство нисколько не гарантируетъ отъ того, что въ одинъ прекрасный день гипнотизированный неожиданно не вспомнитъ пережитаго имъ въ прежнемъ гипнозѣ.

XII.

Въ виду необыкновеннаго дѣйствія, оказываемаго гипнотическимъ внушеніемъ, естественно задать себѣ вопросъ, нельзя ли пользоваться этимъ средствомъ при воспитаніи дѣтей? Если гипнотическое внушеніе даетъ иногда полезныя результаты, то почему теперь, когда нервныя болѣзни встрѣчаются такъ часто у дѣтей, не подумать о томъ, чтобы извлечь изъ него возможную пользу? Почему не пользоваться гипнозомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно такъ или иначе воздѣйствовать на психику ребенка, когда нужно укрѣпить, дисциплинировать его интеллектуальную дѣятельность, когда нужно оказать на него моральное влияніе или устранить тѣ или иныя дурныя наклонности и извращенныя инстинкты?

Вопросъ о примѣненіи гипноза въ педагогіи уже не новъ. Случаи, гдѣ при помощи гипнотическаго внушенія удавалось устранить тѣ или иныя порочныя склонности у дѣтей, описаны въ литературѣ уже не разъ. Такъ, *Berillon*, *Netter*, *A. Voisin* часто пользовались гипнозомъ при искорененіи дѣтскихъ пороковъ, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда другія средства оказывались безуспѣшными. *Jules Voisin* описываетъ случай, гдѣ при помощи внушенія ему удалось одну дѣвицу заставить работать и посѣщать музыкальную школу, которую она совсѣмъ было забросила, влюбившись въ нѣкоего юношу. *Pau de Saint-Martin* упоминаетъ объ одномъ порочномъ и лѣнивомъ ребенкѣ, котораго онъ избавилъ отъ его пороковъ при помощи гипноза.

Что при помощи гипнотическаго внушенія могутъ быть иногда устранены нѣкоторыя дурныя склонности ребенка, въ этомъ, кажется, согласны всѣ наблюдатели. Но вотъ вопросъ: насколько часто и при какихъ, именно, условіяхъ можно ожидать такихъ благопріятныхъ результатовъ? Если въ литературѣ и отмѣчаются случаи благотворнаго вліянія гипноза на дѣтей, то нужно полагать, что случаи эти далеко не часты. При этомъ нельзя утверждать, что всякаго порочнаго ребенка можно избавить при помощи гипноза отъ его дурныхъ склонностей: все дѣло зависитъ отъ того, насколько въ данномъ случаѣ эти склонности являются унаследованными, врожденными, и насколько они обусловливаются вліяніемъ среды, распушенности, шалости, словомъ, — вѣшними обстоятельствами. Тамъ, гдѣ порокъ есть выраженіе дегенераціи ребенка, гдѣ онъ есть жалкое наслѣдіе его пьяницъ или нервно-больныхъ родителей, тамъ гипнозъ едва ли можетъ оказать хорошее

дѣйствіе: тамъ нужны иныя болѣе сложныя мѣры воспитанія. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лѣтность и распушенность обусловливаются вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, тамъ примѣненіе гипноза можетъ имѣть свое полезное значеніе совмѣстно съ другими воспитательными мѣрами. Особенно важнымъ можетъ оказаться его вліяніе при устраненіи тѣхъ или иныхъ *дурныхъ привычекъ* у дѣтей.

Какъ бы тамъ ни было, случаи благопріятнаго вліянія гипноза описаны, а это уже само по себѣ даетъ ему право занять нѣкоторую опредѣленную позицію въ рядѣ педагогическихъ пріемовъ. Опасеніе, что при помощи гипноза изъ дѣтей можно сдѣлать автоматовъ, не имѣетъ достаточнаго основанія и опровергнуто многими авторитетами: все дѣло зависитъ отъ того, кѣмъ и какъ производится гипнозъ, людьми-ли компетентными, или неопытными, злоупотребляютъ ли имъ въ данномъ случаѣ или нѣтъ. Гипнотическое внушеніе, точно также какъ и негипнотическое, т.-е. воспитаніе, преслѣдуетъ всегда одну цѣль: направлять волю субъекта въ опредѣленную сторону. Оно сводится не къ тому, чтобы ребенокъ дѣлалъ добро безсознательно, механически, а къ тому, чтобы онъ творилъ доброе дѣло съ сознаніемъ, по *собственной* волѣ, но по волѣ направленной на этотъ путь гипнотическимъ внушеніемъ. При этихъ условіяхъ едва ли можно говорить о стѣсненіи свободы воли гипнотизируемаго. Это стѣсненіе, если оно здѣсь и существуетъ, то отнюдь не больше, чѣмъ при всякомъ иномъ воспитательномъ методѣ.

ХІІІ.

М. г. г., я нарисовалъ картину гипнотическаго сна, я отмѣтилъ его отношеніе къ нѣкоторымъ отраслямъ

науки и общественной жизни, и если, хотя немного, я сумѣлъ создать образъ современнаго гипнотизма, то я свою задачу считаю вполне выполненной.

Вы видѣли, что гипнотизмъ не есть что-либо сверхъестественное, таинственное, какъ это думали въ старину, это не есть магическая сила, пропитывающая природу, какъ это думали во времена Месмера, это есть обыкновенное, правда, нѣсколько своеобразное психическое явленіе, которое вызывается условіями, находящимися въ самомъ гипнотизируемомъ, а не внѣ его.

Явленія гипнотизма въ общественной жизни встрѣчаются всюду: куда ни оглянитесь, вы всюду видите передъ собой явленія гипнотическаго внушенія, внушенія, часто не ощущаемаго нами, какъ таковое, но преслѣдующаго нерѣдко свои опредѣленныя цѣли и направляющаго волю отдѣльныхъ элементовъ общества въ опредѣленную сторону. Болѣе сильныя по характеру личности гипнотизируютъ своимъ авторитетомъ болѣе слабыхъ и подчиняютъ ихъ своему вліянію. Часто мы слѣпо слѣдуемъ извѣстнымъ правиламъ и традиціямъ, не сознавая, что эти традиціи суть не что иное, какъ тотъ же гипнозъ или, вѣрнѣе, то-же внушеніе, безсознательно воспринятое нами отъ другихъ лицъ. Убѣжденный ораторъ силою своего краснорѣчія гипнотизируетъ толпу и заставляетъ ее согласиться со всѣми его доводами, пока другой еще болѣе убѣжденный ораторъ не приведетъ ее къ противоположному выводу. Великій артистъ гипнотизируетъ слушателей и зрителей, словывая ихъ вниманіе и заражая ихъ испытываемымъ имъ чувствомъ. Убѣжденный мистикъ гипнотизируетъ извѣстную группу людей и поселяетъ въ ней слѣпую вѣру въ мистицизмъ. Неистовый фанатикъ гипнотизируетъ

народную толпу и заставляет ее мыслить и действовать по своему.

Исторія не мало даетъ примѣровъ, гдѣ внушеніе служило однимъ изъ главныхъ факторовъ въ созданіи историческихъ событій. Демосѳенъ силою гипноза вложилъ въ уста аѳинскаго народа достойный вызовъ Филиппу и сумѣлъ поднять противъ него всю Грецію. Александръ Македонскій силою своего гипнотизирующаго слова держалъ въ повиновеніи громадную армію, заставляя ее слѣпо слѣдовать за собою. Въ наше время политическая дѣятельность многихъ государствъ, то или иное направленіе политики, является нерѣдко прямымъ результатомъ гипноза, результатомъ воздѣйствія на массу одного авторитетнаго лица. Исторія не мало даетъ примѣровъ, когда рѣшеніе какого-либо важнаго государственнаго вопроса, по которому дотолѣ существовало полное разногласіе, вдругъ принимаетъ вполнѣ опредѣленный оборотъ послѣ рѣчи какого-нибудь выдающагося парламентскаго или политическаго дѣятеля. Таковы проникновенныя одушевленіемъ рѣчи Гамбетты, Бисмарка, Гладстона и др. Могучею силою гипноза пользовались въ свое время основатели различныхъ религій, жеученій и сектъ, какъ Будда, Конфуцій, Магометъ. Силою-же гипноза и въ наше время дѣйствуютъ разные проповѣдники, ораторы и священники. На гипнозѣ и внушеніи построены весь тотъ сложный и разнообразный механизмъ, который лежитъ въ основѣ психологіи толпы. Это есть ничто иное, какъ своего рода *естественный* гипнозъ.

Этотъ *мировой естественный* гипнозъ отличается отъ разсмотрѣннаго нами *искусственнаго* гипноза лишь отсутствіемъ субъективнаго ощущенія связанности и меньшей пассивностью; кромѣ того при искусственно

вызванномъ гипнозѣ у субъекта существуетъ еще представленіе о снѣ, которое, воспринимаясь имъ какъ нѣчто реальное, и даетъ ту своеобразную внѣшнюю картину гипноза, которая описана выше. Эта-то, на первый взглядъ, странная и непонятная картина и ввела ту путаницу, которая еще до сихъ поръ продолжаетъ существовать во взглядахъ на гипнотизмъ.

Многіе еще до сего времени со страхомъ взираютъ на гипнотическія явленія, многіе до сихъ поръ еще продолжаютъ не вѣрить въ дѣйствительность этихъ явленій и считаютъ ихъ чѣмъ-то невѣроятнымъ. Многіе и до нынѣ держатся того убѣжденія, что гипнотизмъ—это такое средство, которое можетъ только разстроить здоровье, ослабить волю, сдѣлать человека автоматомъ, и что отъ него нужно сторониться подале: если это средство иногда и приноситъ пользу, то это достается организму большою цѣною.

Такое ложное убѣжденіе создалось и укоренилось благодаря тому, что въ обществѣ часто смѣшиваютъ современный врачебный гипнотизмъ, созданный школою въ Нанси, съ гипнотизмомъ экспериментальнымъ. Экспериментальный гипнотизмъ пришелъ въ міръ въ фантастической обстановкѣ, съ электрическимъ свѣтомъ и съ колокольнымъ звономъ; онъ показанъ міру въ видѣ судорогъ, опѣненія, летаргическаго состоянія, раздвоенія личности, въ видѣ галлюцинацій, мнимыхъ преступленій и прочихъ ужасовъ, которые показывались прежде публикѣ различными гипнотизерами. Но въ то время, когда экспериментальный гипнотизмъ продолжалъ шумѣть на весь міръ, врачебный гипнотизмъ безъ всякаго шума незамѣтно продолжалъ развиваться и крѣпнуть подъ главенствомъ скромнаго труженика д-ра *Льебо*. Льебо былъ всѣмъ доступенъ, къ нему стекался

издалека больной людъ, и это былъ, большею частью, людъ бѣдный. Своею добротою, привѣтливостію и всегдашнею готовностію помогать людямъ, Льебо поселялъ въ нихъ къ себѣ неограниченное довѣріе; онъ усыплялъ больныхъ простыми словесными внушеніями и никакихъ лишнихъ приемовъ, никакихъ рѣзкихъ экспериментовъ, никакихъ лишнихъ внушеній онъ не дѣлалъ, за исключеніемъ того, что требовалось для лѣченія.

Общество постоянно видѣло передъ глазами опыты различныхъ гипнотизеровъ, но оно мало знакомо съ приемами, употребляемыми такими современными учеными, какъ Бернгеймъ, Ветгерштрандъ, Форель и другіе послѣдователи нансійской школы, созданной д-ромъ Льебо. Поэтому-то до сихъ поръ надъ гипнотизмомъ и продолжаетъ витать мистическій туманъ... И этотъ туманъ будетъ витать до тѣхъ поръ, пока гипнотизмъ будетъ появляться на подмосткахъ сценъ, пока онъ будетъ служить предметомъ публичнаго представленія со стороны разныхъ гипнотизеровъ, въ родѣ Ганзена, Донато и др., старающихся лишь утратить и удивить публику.

У насъ въ Россіи публичные сеансы гипнотизма официально запрещены распоряженіемъ Медицинскаго Департамента въ 1890 году, но сколько еще такихъ публичныхъ опытовъ производится не официально, подъ видомъ разныхъ фокусовъ!

Однаго распоряженія Медицинскаго Департамента мало... Обществу самому надлежитъ бороться съ злоупотребленіемъ въ этой области: только при этомъ условіи оно можетъ увидѣть гипнотическія явленія въ ихъ истинномъ свѣтѣ: во всемъ ихъ величіи, безвредности и простотѣ.

II.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ
РАЗВИТІЯ ГИПНОЗА.

Психологическія условія развитія гипноза ¹⁾.

I. Гипнозъ по понятіямъ школы парижской и нансійской.—
II. Характерныя психическія признаки гипноза; дѣленіе гипноза на степени.—III. Роль физическихъ и психическихъ факторовъ въ развитіи гипноза; роль утомленнаго и напряженнаго вниманія.—IV. Значеніе эмоціи; доказательства существованія эмоціи въ гипнозѣ; ея характеръ. Гипнозъ естественный и искусственный. Объясненіе характерныхъ признаковъ гипноза съ точки зрѣнія специфической эмоціи.—V. Условія, способствующія развитію гипнотической эмоціи; значеніе идеи о снѣ. Роль вниманія.

I.

Вопросъ объ условіяхъ развитія гипноза изслѣдованъ еще мало. До сихъ поръ, не смотря на множество наблюденій надъ гипнотизированными, мы еще не знаемъ, что, собственно, развиваетъ гипнотическое состояніе, какія физическія, физиологическія или психологическія условія нужны для того, чтобы то или другое лицо погрузилось въ гипнозъ? Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду подойти къ рѣшенію этого вопроса на основаніи личныхъ наблюденій, на основаніи тѣхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ, гипнотизируя не малое число лицъ.

Прежде чѣмъ перейти къ цѣли бесѣды, позволю себѣ немного остановиться на самомъ понятіи „гипноти-

---

¹⁾ Докладъ, сдѣланный въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ.

ческий сонъ“ или „гипнотическое состояніе“. Не стану перечислять существующихъ теорій по этому вопросу, не стану приводить мнѣній разныхъ авторовъ, пытающихся дать точное опредѣленіе этому понятію, замѣчу лишь, что до сихъ поръ не сдѣлано ни одного болѣе или менѣе точнаго опредѣленія гипнотическаго состоянія, которое въ краткихъ, но выразительныхъ чертахъ давало-бы намъ вѣрное представленіе о сущности явленія.

Существуетъ большая разница въ основныхъ воззрѣніяхъ на гипнозъ со стороны парижской школы, основанной *Charcot*, и школы нансійской. Парижская школа (физиологическая), давшая толчокъ къ научному изученію гипнотизма, въ настоящее время насчитываетъ себѣ уже мало послѣдователей среди ученыхъ и врачей, уступивъ свое мѣсто въ этомъ отношеніи школѣ нансійской (психологической). По понятіямъ парижской школы, гипнозъ есть явленіе физиологическое, зависящее отъ извѣстнаго рода физиологическихъ измѣненій въ организмѣ и вызываемое извѣстными физическими условіями (фиксаціей зрѣнія, пассами и пр.). По понятіямъ школы нансійской, гипнозъ есть явленіе психическаго характера, и всѣ тѣ физиологическія измѣненія, которыя сопровождаютъ гипнотическое состояніе, суть явленія вторичнаго рода, зависящія отъ чисто психическихъ воздѣйствій. Парижская школа производила свои наблюденія исключительно надъ истеричными, школа нансійская дѣлала свои опыты надъ здоровыми. Характерныя особенности воззрѣнія на гипнозъ парижской школы выразились въ описаніи ею 3-хъ фазъ или періодовъ гипнотическаго состоянія: каталептическаго, летаргическаго и сомнамбулическаго. *Каталептическое состояніе*, по ученію этой школы, развивается пер-

вично подъ вліяніемъ внезапныхъ сильныхъ раздраженій органовъ чувствъ (сильнаго шума, яркаго свѣта и пр.) или вторично изъ летаргическаго состоянія при открываніи глазъ. Это состояніе характеризуется ослабленіемъ или потерю сухожильныхъ рефлексовъ и своеобразнымъ измѣненіемъ со стороны мышцъ: членамъ загипнотизированнаго можно придавать какое угодно неловкое положеніе, и они сохраняютъ это положеніе неопредѣленно долгое время (катаlepsія). *Летаргическое состояніе* характеризуется вялостью членовъ, повышенной нервно-мышечною возбудимостью, повышенными сухожильными рефлексами и отсутствіемъ реакціи на внѣшнія раздраженія. Это состояніе развивается первично при продолжительной фиксаціи органа зрѣнія или вторично изъ катаlepsіи при закрываніи глазъ.

Наконецъ, характерною особенностью *сомнамбулическаго состоянія* считалась повышенная дѣятельность органовъ чувствъ и сильная воспріимчивость къ внушеніямъ.

Въ настоящее время, по мѣрѣ развитія ученія о гипнозѣ, упомянутое дѣленіе гипнотическаго состоянія на 3 фазы совершенно утратило свое значеніе. Всякій, знакомый съ гипнотическими явленіями, теперь знаетъ, что періоды, описываемые *Charcot* и его учениками, суть не періоды, а отдѣльные признаки, которые могутъ быть, но могутъ и не быть. Мы не сомнѣваемся теперь, что періоды *Charcot* есть ничто иное, какъ искусственный продуктъ, полученный путемъ выучки и дрессировки у истеричныхъ. Никто изъ современныхъ изслѣдователей не наблюдалъ этихъ періодовъ въ томъ видѣ, какъ они описаны парижской школой. Если у нѣкоторыхъ лицъ и развиваются иногда явленія, сходныя съ описанными фазами *Charcot* (напр.

летаргическій сонъ), то это бываетъ лишь въ патологическихъ случаяхъ, напр., у истеричныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многое изъ того, что парижская школа относила къ гипнозу, должно быть выдѣлено изъ гипноза и отнесено въ рубрику разнаго рода истерическихъ или иныхъ болѣзненныхъ проявленій, имѣющихъ лишь только поверхностное сходство съ гипнозомъ. Да и сама школа *Charcot* считала описанные ею признаки и фазы исключительно принадлежностью истеричныхъ. Нѣкоторые послѣдователи школы *Charcot*, какъ, напр., *Pitres*, въ своемъ опредѣленіи понятія о гипнозѣ пошли еще далѣе: они отнесли сюда не только истерическія проявленія, но и такія своеобразныя психическія состоянія, какъ, напр., состояніе обвороженія, очарованія, парафроническое и онейрическое (бредовое) состояніе. Въ настоящее время едва-ли кто станетъ относить эти состоянія къ гипнозу: всѣмъ извѣстно, что очарованіе и обвороженіе встрѣчается въ обычной жизни очень часто. и нужно было-бы черезчуръ широко смотрѣть на гипнозъ, чтобы всѣ обычныя и болѣзненныя психическія проявленія, всѣ обычные аффекты и экстазы складывать въ одну кучу подъ названіемъ гипноза.

Такимъ образомъ, гипнозъ, опредѣляемый парижской школой, не есть гипнозъ въ тѣсномъ смыслѣ слова: это есть понятіе, охватывающее собою самыя разнообразныя психическія состоянія, часто не имѣющія ничего общаго съ гипнозомъ. О взглядахъ парижской школы мнѣ, собственно, не слѣдовало-бы и говорить, и если я счелъ нужнымъ коснуться ихъ въ нѣсколькихъ словахъ, то лишь для того, чтобы нѣсколько очистить путь къ рѣшенію нашей задачи и разсѣять тотъ туманъ, который до сихъ поръ продолжаетъ ви-

татъ среди основныхъ взглядовъ по этому предмету: многія лица до сихъ поръ еще не могутъ представить себѣ гипноза иначе, какъ только въ связи съ описанными фазами.

Современная нансійская (психологическая) школа сѣзнула понятіе о гипнотическомъ снѣ, отнеся въ эту рубрику лишь тѣ своеобразныя состоянія, которыя характеризуются сосредоточенностью вниманія и повышенной воспримчивостью къ внушенію. По *Braid*'у сущность дѣла въ гипнозѣ сводится къ состоянію духовнаго отвлеченія и сосредоточенности вниманія, причемъ духовныя способности до такой степени исключительно заняты опредѣленными идеями, что загипнотизированный вовсе не воспринимаетъ другихъ впечатлѣній. *Carpenter* рассматриваетъ гипнозъ, какъ слѣдствіе сосредоточенности вниманія на извѣстномъ предметѣ. Эта сосредоточенность направляетъ духовную энергію къ одному пункту и, такимъ образомъ, ослабляетъ или вовсе устраняетъ вліяніе волп. *Liébeault* говоритъ, что явленія гипнотическаго сна основаны на свойствѣ вниманія сосредоточиваться тамъ, куда оно призвано, и въ то же время уменьшаться въ остальныхъ пунктахъ. По мнѣнію *Bernheim*'а, гипнозъ есть ничто иное, какъ особое душевное состояніе, которое въ различныхъ степеняхъ возвышаетъ воспримчивость къ внушеніямъ, т. е. повышаетъ способность человѣка быть подъ воздѣйствіемъ идеи, принятой мозгомъ, и ее осуществлять. Позднѣ этотъ авторъ пришелъ къ убѣжденію, что гипнотизмъ и внушеніе—одно и то же, что не можетъ быть гипнотизма безъ внушенія и что всѣ гипнотическія явленія представляютъ только явленія внушенія. Свою мысль авторъ высказалъ на Международномъ Сѣздѣ врачей въ 1897 г., а еще

ранѣе того въ Парижскомъ Гипнологическомъ Обществѣ. *Babinski* тогда не безъ основанія возразилъ ему, что въ такомъ случаѣ нельзя было бы отличить состояніе бодрствованія отъ состоянія гипноза. *Moll* считаетъ характернымъ признакомъ гипноза восприимчивость къ внушеніямъ. *Беллинъ* подъ гипнозомъ разумѣетъ особое физиологическое состояніе, близкое къ естественному сну, вызываемое различными приемами, суть которыхъ сводится къ внушенію. *Токарскій* разумѣетъ подъ гипнозомъ особое состояніе нервной системы, развивающееся при различныхъ, не всегда точно опредѣленныхъ условіяхъ, легко вызываемое искусственно и, на первый взглядъ, напоминающее физиологическій сонъ, отъ котораго оно, впрочемъ, рѣзко отличается.

Всѣ авторы, принадлежащіе къ нансійской школѣ, въ своемъ опредѣленіи гипнотическаго сна согласны въ томъ, что гипнозъ не представляетъ собою какого-либо опредѣленнаго понятія, заключеннаго въ строго опредѣленные рамки: это есть такое состояніе, которое въ разныхъ случаяхъ и у разныхъ лицъ можетъ быть различно по интенсивности своего проявленія. Поэтому, почти у всѣхъ этихъ авторовъ можно найти подраздѣленіе гипнотическаго сна на степени, при чемъ въ основу подраздѣленія кладется не какая-либо чисто внѣшняя картина, не какой-нибудь внѣшній признакъ, а глубина, интенсивность самаго явленія. Такъ, напр., *Lisbeault* дѣлитъ гипнотическій сонъ на 2 категоріи: 1) сонъ легкій и 2) глубокій или сомнамбулическій. *Bernheim* дѣлитъ гипнотическія явленія на 2 класса: 1-й—съ сохраненіемъ воспоминанія о происходившемъ во время гипноза, 2-й—безъ него. Каждый классъ, въ свою очередь, подраздѣляется еще на нѣсколько сте-

пений. *Forel* раздѣляетъ гипнозъ на 3 степени: 1) дремотное состояніе, 2) легкій сонъ, характеризующійся отсутствіемъ способности къ произвольнымъ движеніямъ, и 3) глубокій сонъ или сомнамбулизмъ, характеризующійся полнымъ забвеніемъ происходившаго во время гипноза.

II.

Какова-бы однако ни была классификація гипноза, каково-бы ни было подраздѣленіе его на степени, картина явленія останется одна и та же: эта картина имѣетъ свою опредѣленную физиономію, и кто хоть разъ видѣлъ гипнотическое состояніе, тотъ едва-ли можетъ смѣшать его съ какимъ-нибудь другимъ психическимъ явленіемъ. Основнымъ признакомъ гипноза послѣдователи нансійской школы считаютъ *повышенную восприимчивость къ внушеніямъ*. Этотъ признакъ отмѣчается и парижской школой, съ тою лишь разницею, что послѣдняя допускаетъ еще существованіе и такихъ случаевъ, гдѣ этотъ признакъ можетъ и отсутствовать (какъ, напр., въ летаргической фазѣ). Этотъ признакъ указывается всѣми авторами, а потому на немъ мнѣ не придется долго останавливаться. Но есть еще другой психическій признакъ, который не всегда достаточно отмѣняется авторами и который я, съ своей стороны, считаю столько же характернымъ, какъ и первый, это—*подавленіе воли*. Имѣя въ виду эти два признака, я представляю себѣ гипнозъ какъ *особое состояніе нервной системы, развивающееся при извѣстныхъ условіяхъ и характеризующееся 1) подавленіемъ высшихъ волевыхъ отправленій и 2) повышенной внушаемостью, т. е. повышенной дѣятельностью психическихъ рефлексовъ*. Поясню сказанное. Кто имѣлъ дѣло

съ гипнотизированными, тотъ знаетъ, что характерная картина гипноза обнаруживается прежде всего подавленіемъ воли гипнотизируемаго: подавленіе воли проходитъ красною нитью черезъ всѣ степени гипноза, начиная отъ самыхъ слабыхъ и кончая самыми глубокими, и проявляется въ различныхъ видахъ, начиная отъ легкой абуліи, т. е. неохоты къ движеніямъ, и кончая полнымъ аутоматизмомъ, т. е. полнымъ подчиненіемъ личности загипнотизированнаго вождь гипнотизатора. Безъ подавленія воли, безъ подавленія активной психической дѣятельности мы не можемъ представить себѣ гипнотическаго состоянія; если гипнотизируемый обнаруживаетъ ту или иную активность, если онъ по собственной инициативѣ вступаетъ въ разговоръ или дѣлаетъ тѣ или иныя произвольныя движенія, то можно почти навѣрное сказать, что онъ не находится въ гипнозѣ. По силѣ подавленія воли гипнозъ можно раздѣлить на 3 степени.

1-я степень. Гипнотизируемый не утратилъ способности производить тѣ или иныя произвольныя движенія, такъ или иначе противодѣйствовать гипнотизатору, но онъ не имѣетъ собственнаго почина къ этимъ движеніямъ и дѣйствіямъ. Такія лица обыкновенно говорятъ, что они не спятъ, увѣряютъ, что они могли-бы противодѣйствовать, если-бы захотѣли, но въ томъ-то и дѣло, что сила этого „хотѣнія“ у нихъ ослаблена, т. е., говоря иначе, волевой импульсъ у нихъ выражаетъ недостаточно. Въ этой формѣ подавленіе воли достигаетъ лишь слабой степени, той степени, которая носитъ названіе абуліи и характеризуется лишь отсутствіемъ стремленія къ произвольнымъ движеніямъ.

2-я степень характеризуется уже большимъ подавленіемъ волевыхъ, т. е., активныхъ психическихъ про-

цессовъ. Лицо, находящееся въ этой степени гипноза, уже само чувствуетъ и сознаетъ свою пассивность. Оно чувствуетъ, что по собственной волѣ не въ состояніи сдѣлать ни одного движенія, точно также какъ не въ состояніи преодолѣть и воспротивиться приказаніямъ гипнотизатора.

3-я степень характеризуется еще большимъ подавленіемъ воли, доходящимъ до степени аутоматизма. Субъектъ является здѣсь какъ-бы инструментомъ, на которомъ музыкантъ-экспериментаторъ можетъ играть какую угодно пьесу. Въ этой степени уже нерѣдко (хотя не всегда) наблюдается забвеніе происходившаго во время гипноза: придя въ себя, подвергавшійся гипнозу часто не помнитъ, что съ нимъ было и что онъ дѣлалъ въ этомъ состояніи.

Такимъ образомъ, подавленіе воли составляетъ характерный психическій признакъ гипноза, такой признакъ, который наблюдается во всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія. Этого никакъ нельзя сказать про другіе признаки, напр., про измѣненіе сознанія. Какъ извѣстно, сознаніе въ гипнозѣ можетъ измѣняться, но можетъ оставаться и неизмѣненнымъ: подвергавшійся гипнозу можетъ не помнитъ, что происходило съ нимъ во время гипноза, но можетъ также и отлично все помнитъ. Я знаю очень глубокіе случаи гипноза, когда загипнотизированный выполнялъ самыя сложныя внушенія — параличи, галлюцинаціи, измѣненіе памяти и пр., но когда воспоминаніе о происходившемъ во время гипноза все-таки сохранялось.

Другой характерный признакъ гипноза, который я отмѣтилъ, есть повышеніе дѣятельности психическихъ рефлексовъ, т. е., повышенная внушаемость. Остановимся на минуту и на этомъ признакѣ.

Каждый психически здоровый человекъ, какъ извѣстно, обладаетъ нѣкоторою долею внушаемости, т.-е. способности подчиняться чужому вліянію; только у одного лица эта внушаемость развита больше, у другого меньше. Въ силу психологическаго закона, конечнымъ звеномъ всякаго психическаго акта является стремленіе мысли вылиться наружу, т.-е. перейти въ соответствующее дѣйствіе или состояніе. Въ бодрствennomъ состояніи внушаемая мысль встрѣчаетъ на пути къ своему реальному осуществленію массу сопротивленій со стороны личности субъекта, которому она внушается, со стороны его высшей критики, а потому быстро подавляется, не переходя въ соответствующее дѣйствіе. Но въ состояніи гипноза, гдѣ тормозящая способность мозга сводится до *minimum'a*, внушаемая мысль получаетъ наивысшее напряженіе и, ничѣмъ не сдерживаемая, легко и быстро отражается наружу, т.-е. переходитъ въ соответствующее дѣйствіе. Это и составляетъ то, что мы называемъ усиленною восприимчивостью къ внушеніямъ. Хотя эта усиленная восприимчивость къ внушенію въ гипнозѣ и стоитъ въ связи съ общимъ подавленіемъ всѣхъ активныхъ (волевыхъ) психическихъ отправленій, тѣмъ не менѣе я далеко не склоненъ думать, что второе происходитъ изъ перваго, т.-е. что усиленная рефлекторная дѣятельность психическихъ процессовъ зависитъ исключительно отъ подавленія воли и отсутствія извѣстнаго тормазы: рядомъ съ подавленіемъ воли въ гипнозѣ, несомнѣнно, существуетъ и самостоятельное, независимое усиленіе психическихъ рефлексовъ. Какъ извѣстно изъ повседневной жизни, безвольныя лица, хотя и являются иногда орудіемъ въ рукахъ людей болѣе энергичныхъ, тѣмъ не менѣе часто оказываются не-

способными и къ такой пассивной дѣятельности, у нихъ часто не хватаетъ энергіи для того, чтобы довести до конца извѣстное дѣло по плану, намѣченному другимъ лицомъ. Загипнотизированный же, хотя и лишенъ собственнаго почина въ извѣстномъ актѣ, но разъ этотъ актъ ему подсказанъ, то онъ, по большей части, выполняетъ его съ большою настойчивостью и обнаруживаетъ даже одностороннее усиленіе воли въ достиженіи того или иного внушеннаго дѣйствія.

Само собой разумѣется, что степень повышенія воспримчивости къ внушенію въ разныхъ случаяхъ и у разныхъ лицъ очень различна: если одному можно внушить галлюцинаціи, параличи, измѣненія личности и пр., то другому можно только внушить извѣстнаго рода движенія и то въ ограниченныхъ предѣлахъ (напримѣръ, движеніе рукъ). Воспримчивость къ внушенію находится также въ нѣкоторой связи съ указанными мною степенями гипноза: всего слабѣе она выражена въ 1-ой степени, гораздо сильнѣе во 2-ой и достигаетъ наибольшей силы въ 3-ей.

III.

Я далъ характеристику гипнотическаго состоянія и указалъ на важнѣйшіе его психическіе признаки, существующіе непреложно во всѣхъ случаяхъ и у всѣхъ загипнотизированныхъ. Посмотримъ теперь, *какія условія нужны для того, чтобы это состояніе развилось.*

Съ давнихъ поръ, съ тѣхъ поръ какъ началось изученіе гипнотизма, условія развитія гипнотическаго сна тѣсно связывались съ самыми способами гипнотизированія, а потому я долженъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ способахъ. Не стану упоминать о тѣхъ приемахъ, которые употреблялись старыми магне-

тизерами съ цѣлью вызвать магнетическій сонъ, не стану перечислять ихъ теорій и возрѣній, которыхъ они держались: время всѣхъ этихъ заблужденій миновало. Въ наше время никто уже не станетъ говорить о магнитной матеріи, переходящей отъ гипнотизатора къ гипнотизируемому, о флюидѣ или животномъ магнетизмѣ, содержащемся въ живыхъ существахъ и заставляющемъ погружаться испытуемаго въ гипнотическій сонъ, въ наше время никто не станетъ утверждать, что вся суть дѣла, всѣ условія развитія гипнотического состоянія находятся исключительно въ гипнотизаторѣ и что психика гипнотизируемаго здѣсь не причесть. Существующіе въ настоящее время способы гипнотизированія могутъ быть раздѣлены на 2 группы: 1) физическіе способы и 2) психическіе.

Къ физическимъ способамъ относятся различныя раздраженія нашихъ органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія, мышечнаго чувства. Школа *Charcot* дѣлитъ эти раздраженія на 2 разряда: 1) внезапныя и сильныя, куда, напр., относится сильный солнечный свѣтъ, внезапный ударъ въ тамъ - тамъ и пр., и 2) слабыя, однообразныя и продолжительныя. 1-го рода раздраженія, за исключеніемъ школы въ *Salpêtrière* (т.-е., парижской), теперь уже почти не употребляются: позднѣйшія наблюденія, произведенныя нансійской школой, показали, что вызванныя этимъ путемъ психическія состоянія не носятъ характера типичнаго гипноза: по внѣшнимъ признакамъ они скорѣе всего приближаются къ явленіямъ оцѣпененія отъ испуга, и нужно было бы черезчуръ расширить понятіе о гипнозѣ, чтобы всѣ состоянія испуга относить сюда. За-то слабыя и продолжительныя раздраженія органовъ чувствъ до настоящаго времени игра-

ютъ очень большую роль при гипнотизированіи, и еще теперь можно слышать споры о томъ, какіе изъ этихъ способовъ имѣютъ наибольшій успѣхъ. Одни авторы достигали наилучшихъ результатовъ, прибѣгая къ фиксации органа зрѣнія на блестящій или неблестящій предметъ (при этомъ часто указывалось даже, на какомъ, именно, разстояніи отъ глазъ и въ какомъ положеніи относительно зрительной оси долженъ находиться фиксируемый предметъ), другіе получали хорошій результатъ, заставляя субъекта прислушиваться къ тиканью карманныхъ часовъ, жужжанію электрической машинки и пр., третьи очень хвалятъ пассы и поглаживанія, четвертые изобрѣтаютъ для этой цѣли особые инструменты (напр., зеркало *Louis's*а, приборъ *Lemesle's*а), а нѣкоторые видятъ верхъ совершенства въ приборѣ, который одновременно фиксируетъ сразу нѣсколько органовъ чувствъ и, благодаря особому фонографическому приспособленію, назойливо твердитъ усыпляемому: „dormez, dormez“.

Я лично пробовалъ въ своей практикѣ всевозможные способы гипнотизированія, и, если бы меня спросили, который изъ всѣхъ перечисленныхъ мною способовъ дѣйствуетъ вѣрнѣе, я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ. Уже самое разнообразіе этихъ способовъ указываетъ на то, что суть дѣла, очевидно, лежитъ не въ нихъ самихъ, не въ тѣхъ процедурахъ и манипуляціяхъ, которыя положены въ основу ихъ. Школа *Charcot*, какъ извѣстно, приписывала физическимъ способамъ гипнотизированія главную роль, роль извѣстнаго рода физическихъ дѣятелей, которые, дѣйствуя въ теченіе извѣстнаго времени въ одномъ и томъ же направленіи на наши органы чувствъ, вызываютъ по рефлексу извѣстныя фізіологическія измѣненія въ

организмъ, свойственныя гипнозу. Насколько важную роль, по учению этой школы, должны играть эти дѣятели въ развитіи гипноза, видно изъ того, что при однихъ способахъ гипнотизированія ожидалось получение одной фазы гипноза (напр., при продолжительной фиксаціи зрѣнія — летаргіи), при другихъ другой (напримѣръ, при дѣйствиіи рѣзкаго шума — катаlepsis, при треніи макушки — сомнамбулическаго состоянія и пр.). Такой взглядъ съ современной точки зрѣнія можетъ быть понятнымъ только въ томъ случаѣ, если бы гипнозъ, дѣйствительно, былъ физиологическимъ состояніемъ, какъ это думали послѣдователи школы *Charcot*, и если бы, дѣйствительно, мы всегда могли получать тѣ фазы, которыя были впервые описаны главою этой школы. Но, такъ какъ фазы, описанныя *Charcot*, суть ничто иное, какъ искусственный продуктъ, и такъ какъ мы теперь знаемъ, что главныя условія развитія гипнотическаго состоянія лежатъ не въ физиологическихъ, а въ психическихъ измѣненіяхъ личности, то и значеніе упомянутыхъ способовъ гипнотизированія, какъ важнѣйшихъ физическихъ дѣятелей въ развитіи гипноза, рушится само собой. Въ настоящее время никакъ нельзя представить себѣ, какъ такое тонкое и своеобразное психическое состояніе, какъ гипнозъ, можетъ зависѣть исключительно отъ воздѣйствія такихъ грубыхъ физическихъ дѣятелей, какіе лежатъ въ основѣ этихъ способовъ: непонятно, почему, напр., продолжительная фиксація зрѣнія должна вызывать въ извѣстномъ случаѣ гипнозъ, если эта фиксація совершается нами незамѣтно почти на каждомъ шагѣ? Почему, напр., мы не впадаемъ въ гипнозъ, когда сидимъ цѣлый вечеръ у себя за письменнымъ столомъ

и безпрестанно фиксируемъ свое зрѣніе свѣтомъ лампы? почему не впадаемъ въ гипнозъ, когда слушаемъ тиканье своихъ карманныхъ часовъ и пр.? Очевидно, причина лежитъ не въ этихъ способахъ, а въ какомъ-то своеобразномъ пзмѣненіи психики самого гипнотизируемаго.

Такъ и смотреть на дѣло современная психологическая школа гипнотизма въ Нанси: послѣдователи этой школы видятъ въ гипнотическомъ снѣ известнаго рода состояніе, развивающееся подъ вліяніемъ чисто психическихъ воздѣйствій. Авторы, придерживающіеся основныхъ воззрѣній этой школы, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: одни считаютъ основною причиною развитія гипнотическаго состоянія утомленіе вниманія, другіе—сосредоточеніе вниманія на одномъ пунктѣ или на одной опредѣленной мысли. Остановимся сначала на 1-мъ взглядѣ.

Можетъ ли само, по себѣ *утомленіе вниманія* вызывать гипнотическій сонъ? Утомленіе вниманія при гипнотизированіи вызывается тѣми продолжительными однообразными и монотонными раздраженіями нашихъ органовъ чувствъ, которыя положены въ основу различныхъ, уже упомянутыхъ мною, физическихъ способовъ гипнотизированія (фиксация зрѣнія на тотъ или иной предметъ, пассы и пр.). Несомнѣнно, все, что дѣйствуетъ долго на органы чувствъ, утомляетъ наше вниманіе: всякому известно, какъ легко можно заснуть, слушая монотонную рѣчь оратора, всякій испытывалъ на себѣ усыпляющее дѣйствіе стука часового маятника или завыванія вѣтра подъ окномъ, всякій знаетъ, какимъ убаюкивающимъ образомъ дѣйствуетъ однообразная музыка или звуки монотонной пѣсни, но

всякій въ то же время знаетъ, что навѣваемый всѣми этими условіями сонъ не будетъ сонъ гипнотическій, это будетъ сонъ обыкновенный, естественный. Утомленіе вниманія, связанное съ упомянутыми условіями, только въ томъ случаѣ могло бы играть выдающуюся роль въ развитіи гипнотическаго сна, если бы гипнотическій и естественный сонъ представляли собою одно и то же явленіе, если бы это были два совершенно тождественныхъ состоянія. Однако это едва ли такъ. Кому хоть разъ приходилось имѣть дѣло съ гипнотическими явленіями, видѣть хоть разъ загипнотизированнаго, тотъ, вѣроятно, едва ли станетъ утверждать, что гипнотическій сонъ и сонъ обыкновенный — синонимы.

Естественный сонъ — явленіе физиологическое, обусловленное какими-то еще мало выясненными матеріальными измѣненіями головного мозга (измѣненіемъ кровообращенія, скопленіемъ производныхъ обмена и пр.), гипнотическій же сонъ — явленіе чисто психическаго характера, зависящее отъ какого-то нарушенія хода психическихъ процессовъ. Поэтому уже а priori можно сказать, что тѣ психическіе дѣятели, которые играютъ выдающуюся роль въ развитіи обыкновеннаго сна, едва ли могутъ быть тождественны съ тѣми, которые обуславливаютъ собою развитіе сна гипнотическаго. Какъ извѣстно, характернымъ признакомъ утомленнаго вниманія служитъ извѣстнаго рода притупленіе органовъ чувствъ, неспособность живо реагировать на внѣшнія и внутреннія раздраженія. Не то мы видимъ у загипнотизированнаго: вниманіе находящагося въ гипнозѣ не ослаблено, въ чемъ легко убѣдиться, дѣлая ему всевозможныя внушенія и наблюдая реакцію его

на эти внушения, но оно односторонне усплено, односторонне напряжено; если загипнотизированный и не отвѣчаетъ на виѣшнія раздраженія, лежащія за предѣлами личности гипнотизатора (напр., на появленіе новаго лица, на бой часовъ, стукъ въ дверь и пр.), то это еще не указываетъ на то, что его вниманіе утомлено и онъ *не можетъ* отвѣчать на эти раздраженія, это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что все его вниманіе сосредоточено на наличности гипнотизатора, на приказаніяхъ послѣдняго. Когда при нормальныхъ условіяхъ мы чѣмъ-нибудь заняты, увлечены, то мы часто не слышимъ обращеннаго къ намъ разговора; нѣчто подобное происходитъ и въ гипнозѣ. Такимъ образомъ въ гипнозѣ мы имѣемъ дѣло не съ утомленіемъ вниманія, а съ одностороннимъ его напряженіемъ. Логическій выводъ изъ этого: утомленіе вниманія нельзя считать основною причиною развитія гипноза.

Но нельзя-ли думать, что рѣшающимъ условіемъ въ наступленіи гипноза является другой изъ только что упомянутыхъ факторовъ — *сосредоточеніе вниманія* на определенномъ пунктѣ? Хотя я и указалъ, что въ гипнозѣ вниманіе односторонне напряжено, тѣмъ не менѣе я далекъ отъ мысли, что это условіе *само по себѣ*, помимо другихъ факторовъ, въ состояніи вызвать развитіе гипнотическаго сна: въ противномъ случаѣ пришлось-бы предположить, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ наше вниманіе занято какимъ-нибудь однимъ предметомъ, мы незамѣтно для себя впадаемъ въ гипнозъ ¹⁾.

---

¹⁾ Насколько все-таки способность сосредоточивать вниманіе играетъ важную роль въ развитіи гипноза, отмѣчено мною въ статьѣ: „Гипнотизмъ и его современное положеніе въ наукѣ и общественной жизни“.

Но это едва-ли такъ. Правда, состояніе напряженного вниманія нѣсколько напоминаетъ гипнозъ, но это все-же не гипнозъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: характерную черту гипноза, какъ я уже сказалъ, составляютъ: 1) подавленіе активныхъ волевыхъ дѣйствій и 2) повышенная внушаемость. Ни того ни другого въ состояніи обыкновеннаго напряженного вниманія не наблюдается: субъектъ, занятый опредѣленною мыслью или внимательно слѣдящій за какимъ-нибудь явленіемъ, не лишенъ все-же извѣстной активности по отношенію къ внѣшнимъ раздражителямъ: часто онъ отвѣчаетъ на предложенные вопросы, дѣлаетъ тѣ или иныя движенія и, наконецъ, во всякое время по собственной волѣ можетъ отвлечь свое вниманіе въ сторону; за-гипнотизированный-же имѣетъ видъ аутомата, человѣка, лишеннаго способности активно проявлять свою дѣятельность. Далѣе: за-гипнотизированный по волѣ гипнотизатора выполняетъ самыя сложныя дѣйствія, т. е. обладаетъ повышенной воспріимчивостью къ внушеніямъ, находящійся-же въ состояніи напряженного вниманія не подчиняется постороннему вліянію: онъ является лишь какъ бы внимательнымъ зрителемъ происходящихъ въ немъ самомъ или внѣ его явленій, но онъ не подчиняется всецѣло этимъ явленіямъ и во всякое время можетъ заявить право на свое собственное „я“; этого права лишенъ за-гипнотизированный (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ).

Такимъ образомъ, состояніе напряженного, сосредоточеннаго вниманія и состояніе гипнотическое—два совершенно различныхъ состоянія, а потому нельзя думать, какъ это допускаютъ нѣкоторые (*Braid, Carpenter, Liébeault* и др.), что сосредоточиваніе нашихъ мыслей на одномъ опредѣленномъ предметѣ само по

себѣ, помимо другихъ психическихъ вліяній, можетъ обусловить собою наступленіе гипноза.

IV.

Мы видѣли, что ни самые способы гипнотизированія и связанныя съ ними фізіологическія измѣненія въ организмѣ, ни утомленіе вниманія, ни сосредоточиваніе послѣдняго на опредѣленномъ предметѣ сами по себѣ не въ состояніи вызвать гипноза. Такъ отчего-же развивается послѣдній? Какія условія нужны для того, чтобы то пли другое лицо погрузилось въ гипнотическій сонъ?

Самымъ главнымъ условіемъ для развитія гипноза, на мой взглядъ, является возбужденіе у гипнотизируемаго соответствующей *эмоции* или, вѣрнѣе, соответствующаго аффективнаго состоянія. Безъ этого условія гипнотическій сонъ никогда не можетъ наступить. Нѣкоторые послѣдователи нансійской школы рѣшающее значеніе въ развитіи гипноза приписываютъ возникновенію въ мозгу гипнотизируемаго идеи о гипнотическомъ снѣ: по ихъ мнѣнію, гипнотическій сонъ невозможенъ, разъ у даннаго лица нѣтъ представленія о немъ. Я, съ своей стороны, вовсе не склоненъ отрицать значенія идеи о гипнозѣ, но думаю, что сама по себѣ эта идея никогда не можетъ рѣшить дѣла. Правда, существуетъ психологическій законъ, въ силу котораго всякій возникающій въ мозгу образъ стремится реализоваться, т. е., превратиться въ соответствующее дѣйствіе, но, вѣдь, для того, чтобы эта реализація, дѣйствительно, имѣла мѣсто въ данномъ случаѣ, необходимо, чтобы была подготовлена къ ней почва, необходимо, чтобы психическая дѣятельность стала въ особія для того благоприятныя условія. Каждому изъ

насъ не разъ приходила въ голову мысль о гипнозѣ, однако мы не впадаемъ въ гипнотическій сонъ. Да и практика показываетъ, что не всѣ лица, которымъ подсунута мысль о гипнозѣ, способны гипнотизироваться: какъ извѣстно, среди больныхъ, обращающихся за совѣтомъ къ врачамъ, попадаютъ очень часто такіе, которые, не смотря на свое желаніе впасть въ гипнозъ, не смотря на то, что безпрестанно носятъ съ мыслью о гипнозѣ, все-таки совершенно не гипнотизируются. Очевидно, для развитія гипноза нужно еще что-то болѣе существенное и важное. Это существенное и заключается въ возбужденіи у гипнотизируемаго соответствующей эмоціи ¹⁾. Какова-бы ни была эмоція, но разъ она возникаетъ съ извѣстнымъ представленіемъ, то является главнымъ стимуломъ къ реализаціи этого представленія: всякій изъ насъ не разъ испытывалъ это на самомъ себѣ, всякій изъ насъ по личному опыту знаетъ, какъ легко, сплошь и рядомъ непреодолимо, наша мысль реализуется въ соответствующее дѣйствіе или состояніе, разъ съ нею связана соответствующая эмоція или аффективное состояніе. Особенно ярко это бываетъ замѣтно въ такъ наз. патологическихъ случаяхъ. Разъ какое-нибудь дѣйствіе сочеталось у насъ съ извѣстной эмоціей, то стоитъ только возникнуть эмоціи, какъ повторяется тоже дѣйствіе. Есть, напр., лица, которыя не могутъ ходить по открытой площади: всякая попытка сдѣлать шагъ въ открытомъ мѣстѣ вызываетъ у нихъ представленіе о возможности припадка или обморока, это представленіе тянетъ за собою соответствующую эмоцію (страхъ), которая и

---

¹⁾ Подъ эмоціей я разумѣю всякое душевное движеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова.

парализуетъ собою всѣ движенія, дѣлая ихъ подчасъ совсѣмъ невозможными. Есть лица, которыя обнаруживаютъ всѣ признаки заиканія, разъ на нихъ обращено вниманіе: мысль о недостаткѣ рѣчи вызываетъ у нихъ особое аффективное состояніе, которое и парализуетъ собою необходимую для правильнаго произношенія гармонію рѣечевого аппарата. То же наблюдается и при другихъ навязчивыхъ представленіяхъ, соединенныхъ съ извѣстнымъ мѣстомъ или временемъ, таковы, напр., половое безсиліе психическаго характера, боязнь покраснѣнія и пр. Примѣромъ того, какое важное значеніе въ реализаціи нашихъ представленій имѣетъ эмоція, могутъ служить и не одни только патологическіе случаи. Кому приходилось говорить на большихъ собраніяхъ, тотъ знаетъ, что рѣчь его иногда начинаетъ путаться и сбиваться лишь потому, что въ извѣстный моментъ у него возникаетъ эмоція, соединенная съ опасеніемъ потерять нить мыслей. То же бываетъ иногда у начинающихъ артистовъ и музыкантовъ, охваченныхъ мыслью о неувѣренности исполненія извѣстнаго мѣста роли или пьесы.

Аналогичный психическій процессъ совершается и въ моментъ развитія гипноза: если данное лицо имѣетъ мысль о гипнозѣ, но эта мысль не сопровождается соотвѣтствующей эмоціей, то онъ никогда не впадетъ въ гипнозъ, но если мысль о гипнозѣ непосредственно за собою ведетъ и соотвѣтствующую эмоцію, то легко и быстро можетъ совершиться реализація такой мысли, т.-е. можетъ наступить самый гипнозъ. Доказательствомъ существованія эмоціи въ гипнозѣ, по моему мнѣнію, служатъ слѣдующія обстоятельства: 1) Разказы самихъ гипнотизируемыхъ. Кто хоть разъ подвергался гипнозу, тотъ всегда отмѣчаетъ особаго рода душевное движе-

ніе, особаго рода *ощущеніе*, которое онъ испытывалъ, находясь въ гипнозѣ; это ощущеніе довольно своеобразно и непохоже на всѣ наши обычныя ощущенія: одни лица, не находя болѣе точнаго опредѣленія этому ощущенію, говорятъ, что они находились въ состояніи какого-то полубытія или просонокъ, другія, что испытывали какое-то чувство связанности, третьи, что „чувствовали“ надъ собою власть гипнотизатора. 2) Если гипнозъ былъ глубокій и гипнотизированный не помнитъ, что происходило съ нимъ въ тотъ моментъ, то, по пробужденіи, онъ почти всегда отмѣчаетъ въ себѣ нѣкоторую переменъ, всегда указываетъ на чувство нѣкоторой *усталости, утомленія* или слабости; это чувство есть ничто иное, какъ слѣдъ перенесенной передъ тѣмъ эмоціи или аффекта. Всѣ наши аффекты, каковы-бы они ни были по своему характеру (гнѣвъ, радость, страхъ и пр.), оставляютъ послѣ себя въ организмѣ, какъ извѣстно, нѣкоторый слѣдъ въ видѣ чувства утомленія или изнеможенія, и, чѣмъ сильнѣе было аффективное состояніе, тѣмъ замѣтнѣе выраженъ и этотъ слѣдъ; то же самое имѣемъ и въ гипнозѣ. 3) За существованіе у загипнотизированнаго извѣстной эмоціи говорятъ еще *измѣненія пульса и дыханія*. Какъ извѣстно, всякое наше душевное движеніе,—волненіе, страхъ, радость и пр.,—сопровождается измѣненіями со стороны дыханія и сердечной дѣятельности: эти измѣненія не носятъ какого-нибудь опредѣленнаго характера и состоятъ то въ замедленіи, то въ ускореніи, то въ (неправильной) дѣятельности сердца и дыханія. То же самое имѣемъ и въ гипнозѣ. Правда, часто у загипнотизированныхъ, при поверхностномъ изслѣдованіи, иногда нельзя бываетъ подмѣтить никакихъ измѣненій со стороны дыханія и сердеч-

ной дѣятельности, но это явленіе только кажущееся: на самомъ-же дѣлѣ при помощи болѣе чувствительныхъ способовъ, посредствомъ спеціальныхъ приборовъ, у нихъ почти всегда удается открыть тѣ или иныя, хотя бы и незначительныя, отклоненія со стороны дыханія и пульса. Нельзя, впрочемъ, отрицать и того факта, что эмоція не у всѣхъ загипнотизированныхъ достигаетъ одинаковой напряженности: несомнѣнно, встрѣчаются случаи, гдѣ она бываетъ выражена лишь въ очень слабой степени, благодаря чему и упомянутыя явленія становятся почти незамѣтными. Наконецъ, 4) за существованіе эмоціи въ гипнозѣ говоритъ и та быстрота, съ которою загипнотизированный подчиняется вліянію гипнотизатора. Какъ извѣстно, всякого рода сильное душевное движеніе (аффектъ) до извѣстной степени затуманиваетъ сознаніе человѣка, ослабляетъ силу его критики и самообладанія: такой человѣкъ легко подчиняется внѣшнему вліянію (это, напр., наблюдается во время испуга, страха, растерянности, радости и пр.). То же происходитъ и въ гипнозѣ; разница лишь въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ ослабленіе высшей критики достигаетъ болѣе значительныхъ размѣровъ, но это, въ свою очередь, зависитъ уже отъ специфическаго характера самой эмоціи.

Что же это за эмоція, о которой я веду рѣчь? Каковъ ея характеръ и особенности?

На основаніи личныхъ наблюденій надъ гипнотизированными, я могу сказать, что эмоція эта не всегда бываетъ одинакова по своей силѣ, — въ разныхъ случаяхъ она значительно колеблется въ своей напряженности. Въ однихъ случаяхъ она останавливается на степени простого душевнаго движенія, въ другихъ принимаетъ видъ настоящаго аффекта. Въ зависимости отъ

силы эмоціи и глубина гипноза у разныхъ лицъ и въ разныхъ случаяхъ бываетъ различна: чѣмъ сильнѣе эмоція, тѣмъ глубже гипнозъ. Съ этой точки зрѣнія для насъ становится понятнымъ и дѣленіе гипноза на степени.

Несмотря, однако, на колебанія въ напряженности, описываемая мною эмоція все время продолжаетъ сохранять одинъ и тотъ же характеръ, носящій на себѣ черты нѣкоторой *специфичности*. Я затрудняюсь отнести эту эмоцію въ какую-нибудь уже извѣстную намъ рубрику аффектовъ, но думаю, что буду очень близокъ къ истинѣ, если скажу, что гипнотическая эмоція—будемъ ее такъ называть— по своему типу больше всего подходитъ къ *эмоціи посторонняго вліянія*. Всякому изъ насъ, вѣроятно, приходилось испытывать на себѣ то неприятое ощущеніе, когда мы подпадаемъ подъ вліяніе какого-нибудь лица, когда мы чувствуемъ, что лицо это завладѣло нашею личностью, а мы не имѣемъ силы воли бороться съ его вліяніемъ: это есть чувство нѣкоторой досады, соединенное съ чувствомъ собственнаго безсилія. Нѣчто подобное, но только, конечно, въ болѣе рѣзко выраженной степени, происходитъ и въ гипнозѣ. Мнѣ замѣтять, что чувство вліянія посторонняго лица испытывается очень часто и въ обычной жизни: почти всякій человѣкъ такъ или иначе зависитъ отъ другого человѣка, и нельзя же думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о гипнозѣ? Да, конечно, въ этихъ случаяхъ нѣтъ характернаго гипноза, нѣтъ того *искусственнаго* гипноза съ его наглядною картиною, которую мы привыкли видѣть, но все-таки тутъ есть гипнозъ *естественный*, гипнозъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Гипнозъ въ его широкомъ значеніи не есть такое пси-

психическое состояніе, которое вызывается исключительно искусственными условіями, это есть общераспространенное психическое явленіе, которое играет громадную роль въ обычной жизни. Въ своей наиболее рѣзкой формѣ естественный гипнозъ обнаруживается въ явленіяхъ такъ называемой стадности ¹⁾, когда люди, напр., толпой слѣдуютъ за однимъ вожакомъ не разбирая, насколько послѣдній дѣйствуетъ правильно: сознаніе каждаго отдѣльнаго индивидуума этой толпы является какъ бы затуманеннымъ, онъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что творить, онъ лишенъ критики надъ собою и своими поступками и только, освободившись отъ вліянія, получаетъ возможность оцѣнить свои поступки. Разница между этимъ естественнымъ гипнозомъ и гипнозомъ искусственнымъ, главнымъ образомъ, по степени, а не по существу. То чувство посторонняго вліянія, которое испытываемъ мы при нормальныхъ условіяхъ и которое часто заставляетъ насъ дѣйствовать вопреки своему убѣжденію, отличается отъ упомянутой мною гипнотической эмоціи лишь по своей силѣ и степени напряженности.

Если и можно видѣть въ искусственномъ гипнозѣ какое-либо отличіе отъ естественнаго, то это отличіе заключается лишь въ большей ограниченности круга автоматическаго подчиненія и въ большей пассивности психическихъ и физическихъ отправленій (катаlepsія, отсутствіе произвольныхъ движеній и проч.). Это отличіе, на нашъ взглядъ, объясняется не какими-либо особыми свойствами эмоціи въ томъ и другомъ случаѣ, а опять-таки нѣсколько бѣльшею напряжен-

---

¹⁾ См. статью „Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни“.

ностью ея и нѣсколькими иными условіями ея развитія, а именно: въ искусственномъ гипнозѣ эмоціональное состояніе развивается при условіяхъ возникновенія у гипнотизируемаго мысли о снѣ, т.-е., вѣрнѣе, мысли о томъ, что онъ сейчасъ долженъ впасть въ какое-то своеобразное состояніе, называемое гипнозомъ. Большинство гипнотизируемыхъ въ первый разъ не имѣютъ понятія о томъ, что такое гипнозъ, и потому представляютъ его себѣ чѣмъ-то такимъ, что близко подходитъ къ обыкновенному сну, если ужъ это само по себѣ не есть обыкновенный сонъ. Такому представленію способствуетъ и самая форма гипнотизирования: лицу, которое хотятъ привести въ гипнотическое состояніе, обыкновенно говорятъ, что онъ долженъ „заснуть“, т.-е. внушаютъ ему мысль о снѣ. Естественнымъ образомъ, гипнотизируемый невольно подчиняется этой мысли, и лишь только наступаетъ соответствующее эмоціональное состояніе, мысль о снѣ властно завладѣваетъ имъ: онъ начинаетъ воображать, что спитъ, и это представленіе о снѣ, принимая какъ бы реальную форму, кладетъ своеобразный отпечатокъ на всѣ психическія и физическія функціи загипнотизированнаго (поза спящаго человѣка и пр.). Въ результатъ и получается та своеобразная внѣшняя картина, которую мы видимъ въ искусственномъ гипнозѣ.

Чѣмъ же, однако, отличается гипнотическая эмоція отъ другихъ эмоцій?

Характерною особенностью гипнотической эмоціи, на мой взглядъ, нужно считать повышенную восприимчивость къ внушеніямъ. Этимъ свойствомъ въ такой сильной степени не обладаетъ ни одна изъ извѣстныхъ намъ эмоцій. Другіе признаки этой эмоціи,

какъ, напр., свойство ея вліять задерживающимъ образомъ на высшія волевые отправленія, затуманивать сознание и пр., не представляютъ собою ничего специфическаго: они наблюдаются и при другихъ эмоціяхъ.

Допуская, что въ основѣ гипнотическаго состоянія лежитъ извѣстнаго рода эмоція, мы легко можемъ объяснить себѣ всѣ характерные психическіе признаки гипноза, какъ-то: подавленіе воли, повышенную воспримчивость къ внушеніямъ, утрату воспоминанія и пр.

Какъ извѣстно, всѣ наши сильныя эмоціи, т.-е. аффекты, обладаютъ свойствомъ дѣйствовать подавляющимъ образомъ на высшую критику и активные волевые процессы: человекъ разгнѣванный, напр., теряетъ способность самообладанія и подчиняется первому порыву, человекъ испуганный теряется настолько, что не можетъ сообразить самыхъ простыхъ вещей и легко подчиняется первому встрѣчному, слѣпо слѣдуя его совѣтамъ и указаніямъ. Точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ и гипнотическая эмоція; разница лишь въ томъ, что послѣдняя, въ силу своего специфическаго характера, обладаетъ этимъ свойствомъ въ большей степени, чѣмъ другія. Такимъ образомъ, подавленіе воли и повышенная воспримчивость къ внушеніямъ находятъ себѣ объясненіе въ тормозящемъ вліяніи гипнотической эмоціи на высшіе волевые центры.

Точно такъ же легко объяснить себѣ и ту утрату воспоминанія о происходившемъ, которая часто наблюдается въ высшихъ степеняхъ гипноза: сильныя аффекты, какъ извѣстно, иногда настолько заполняютъ наше сознаніе, что, приходя въ себя, мы не помнимъ, что съ нами происходило и что мы дѣлали въ состояніи аффекта. Ничего нѣтъ удивительнаго, если

подобнымъ же образомъ можетъ дѣйствовать и гипнотическая эмоція: легко представить себѣ, что подѣ влияніемъ послѣдней, мы, по пробужденіи отъ гипноза, можемъ утратить воспоминаніе о происходившемъ.

Если гипнотическое состояніе имѣетъ въ основѣ эмоцію, то почему же въ однихъ случаяхъ это состояніе развивается, въ другихъ нѣтъ? Какъ объяснить тотъ фактъ, что у нихъ гипнозъ получается легко и быстро, у другихъ съ трудомъ, а у третьихъ и совсѣмъ не получается? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать такой же, какъ если бы насъ спросили, почему одинъ человѣкъ легко подчиняется влиянію извѣстнаго аффекта, другой нѣтъ. Способность приходить въ то или иное эмоціоанальное состояніе у разныхъ лицъ различна; она зависитъ не столько отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ природныхъ свойствъ того или другого лица: тогда какъ одинъ, напр., при извѣстныхъ условіяхъ легко приходитъ въ состояніе страха, другой при тѣхъ же условіяхъ совершенно не испытываетъ этого чувства, одинъ подѣ влияніемъ ничтожнаго повода впадаетъ въ состояніе гнѣва, радости и проч., другой не испытываетъ этихъ душевныхъ движеній и при большихъ въ тому поводахъ. Очень часто у разныхъ лицъ душевныя движенія носятъ даже избирательный характеръ: есть, на примѣръ, лица, которыя очень легко возбудимы въ отношеніи аффекта страха и очень мало возбудимы въ отношеніи аффекта радости, гнѣва и т. п.

То же самое можно сказать и относительно гипноза: есть лица, у которыхъ гипнотическая эмоція возникаетъ легко и быстро, но есть лица, у которыхъ она возбуждается съ трудомъ; есть лица, у которыхъ она возникаетъ подѣ влияніемъ ничтожныхъ внѣшнихъ об-

стоятельствъ (напр., взгляда гипнотизатора), но есть и такія, которыя не испытываютъ этой эмоціи, несмотря на цѣлый арсеналь средствъ, пускаемыхъ въ ходъ экспериментаторомъ.

V.

Я все время говорилъ объ эмоціи, какъ объ основномъ условіи, необходимомъ для развитія гипноза. Но какъ всякое душевное движеніе возникаетъ только подъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ причинъ, такъ и гипнотическая эмоція не можетъ возникнуть безъ всякаго повода: для того, чтобы развилось соответствующее гипнозу эмоціональное состояніе, необходимо, чтобы гипнотизируемый былъ поставленъ въ особыя благоприятныя для того внѣшнія условія.

Когда мы хотимъ вызвать у кого-нибудь чувство страха, то стараемся все вниманіе его направить на устрашающіе предметы, рассказываемъ ужасныя исторіи, устраиваемъ соответствующую обстановку (какъ это дѣлается, напр., на спиритическихъ сеансахъ). Когда мы хотимъ привести кого-либо въ состояніе веселости, то продѣлываемъ разныя шутки, показываемъ вещи и предметы въ курьезныхъ сочетаніяхъ, рассказываемъ анекдоты, словомъ—тѣми или иными внѣшними поводами стараемся *настроить* психику субъекта на желательный ладъ. Точно такъ же дѣло обстоитъ и въ гипнозѣ: чтобы привести человѣка въ гипнотическое состояніе, мы должны *настроить* его психику такъ, чтобы у него возникла соответствующая эмоція. Но чѣмъ и какъ настроить? У лицъ очень воспримчивыхъ къ гипнозу, т. е. такихъ, у которыхъ гипнотическая эмоція вызывается очень легко, иногда бываетъ достаточно одного слова „спите“, произнесеннаго твер-

дымъ, увѣреннымъ голосомъ, чтобы наступила соответствующая эмоція, а за ней и самый гипнозъ. Но у лицъ, не очень воспримчивыхъ, нужны бываютъ часто иныя, болѣе сложныя внѣшнія условія. Къ числу послѣднихъ и относятся отчасти все до сихъ поръ примѣняемые способы гипнотизированія (фиксація зрѣнія, слуха, пассы и пр.), а также окружающая обстановка и личность гипнотизатора. Во времена *Mesmer*'а личность гипнотизируемаго совершенно игнорировалась, и главное значеніе въ вызываніи тѣхъ или иныхъ „магнетическихъ“ (гипнотическихъ) явленій приписывалось нервной силѣ гипнотизатора. *Braid* думалъ обратное: личность гипнотизатора сводилась у него къ нулю. Въ наше время, зная, какое громадное значеніе въ развитіи эмоцій играютъ внѣшнія обстоятельства, мы, конечно, не станемъ утверждать, что личность гипнотизатора при гипнотизированіи совершенно не при чемъ и вся суть дѣла сводится къ настроенному воображенію самого гипнотизируемаго. Воображеніе, конечно, имѣетъ большое значеніе, но для того, чтобы вызвать это воображеніе, для того, чтобы возбудить соответствующую эмоцію и заставить гипнотизируемаго „испытать“ на себѣ вліяніе послѣдней, требуется отъ гипнотизатора особое умѣнье. Это умѣнье заключается, конечно, не въ обладаніи какою нибудь сверхъестественною силою, а въ извѣстной опытности, авторитетности, увѣренности и другихъ, часто неуловимыхъ, душевныхъ качествахъ. Гипнотическая эмоція, какъ эмоція, по типу близко подходящая къ эмоціи посторонняго вліянія, болѣе, чѣмъ всякая другая, требуетъ для своего развитія участія посторонняго лица, — при томъ лица, которое своимъ обращеніемъ сумѣло бы возбудить нужное настроеніе.

Въ этомъ-же смыслѣ оказываютъ вліяніе и другія внѣшнія условія (окружающая обстановка, способъ гипнотизированія и пр.). При какихъ изъ этихъ условій цѣль достигается скорѣе и вѣрнѣе, здѣсь распространяться не мѣсто; замѣчу лишь, что для того, чтобы гипнозъ наступилъ, необходимо, чтобы всѣ эти условія *гармонировали* съ ожидаемымъ эмоціональнымъ состояніемъ: иначе, они могутъ только препятствовать развитію послѣдняго. Внѣшнія условія при гипнотизированіи должны клониться, именно, къ тому, чтобы направить вниманіе гипнотизируемаго на ожиданіе чувства посторонняго вліянія: если мы, напр., будемъ стрѣлять изъ пистолета, то этимъ вызовемъ у субъекта только испугъ, если будемъ раздражать его кожу электрическимъ токомъ, то вызовемъ только чувство боли и т. д.; нужно выбирать, именно, такіе приемы, которые заставляли-бы испытуемаго чувствовать на себѣ власть гипнотизатора: только этимъ путемъ цѣль и можетъ быть достигнута.

Большинство послѣдователей современной нансійской школы, какъ я уже говорилъ, рѣшающее значеніе въ развитіи гипноза придаютъ идеѣ о снѣ. Что одной идеи еще недостаточно для развитія гипнотическаго состоянія, доказываютъ случаи т. наз. естественнаго гипноза. Правда, приступая къ гипнотизированію, мы всегда путемъ прямого приказанія или путемъ намека влагаемъ въ сознаніе гипнотизируемаго идею о снѣ (собственно, идею о гипнозѣ), и гипнотизируемый, несомнѣнно, носитъ въ себѣ эту идею все время, пока продолжается гипнозъ, но все таки одному этому фактору нельзя приписывать рѣшающаго значенія въ силу уже вышеуказанныхъ соображеній. Роль идеи въ развитіи гипноза сводится лишь къ роли *сигнала* для на-

ступленія соотвѣтствующей эмоціи: у нѣкоторыхъ лицъ этотъ сигналъ самъ по себѣ не вызоветъ никакой эмоціи, и тогда эти лица не гипнотизируются, у другихъ онъ вызоветъ эмоцію страха, волненія, ожиданія и т. п.,—эти лица также не гипнотизируются, наконецъ, у третьихъ, очень воспримчивыхъ, онъ, можетъ быть, вызоветъ и настоящую гипнотическую эмоцію,—эти-то лица и впадаютъ въ гипнозъ. То обстоятельство, что склонность впасть въ гипнозъ увеличивается при повторныхъ сеансахъ, легко объясняется тѣмъ, что при повторномъ гипнотизированіи все тѣснѣе и тѣснѣе устанавливается связь между этимъ сигналомъ и соотвѣтствующей эмоціей; а мы знаемъ, что, разъ уже извѣстное представленіе связалось съ извѣстнымъ эмоціональнымъ состояніемъ, то уже достаточно бываетъ возникновенія въ сознаніи одного этого представленія, чтобы получилась то же эмоціональное состояніе.

Для того, чтобы то или другое лицо погрузилось въ гипнозъ, необходимо, чтобы при данныхъ условіяхъ у него развилась, именно, специфическая эмоція; если такая эмоція не появляется, или, если появляется душевное движеніе другого типа (страха, волненія и пр.), то это лицо не впадетъ въ гипнозъ. Аффектъ страха, который такъ часто наблюдается при первомъ гипнотизированіи, часто даже мѣшаетъ наступленію специфической эмоціи; при послѣдующихъ (повторныхъ) гипнозахъ этотъ аффектъ не возникаетъ, а, если и возникаетъ, то не имѣетъ уже существеннаго значенія, такъ какъ онъ легко заполняется и побѣждается специфической эмоціей, которая, въ силу протореннаго пути къ своему развитію, беретъ перевѣсъ.

Само собой понятно, что при всѣхъ способахъ гип-

нотизированія, каковы бы они ни были, важно *отвлечь вниманіе* гипнотизируемаго отъ постороннихъ предметовъ и направить его на опредѣленный пунктъ; въ противномъ случаѣ субъектъ будетъ развлекаться и тѣмъ самымъ будетъ препятствовать возбужденію у него соотвѣтствующей эмоціи. Какъ при развитіи всякаго аффекта существуетъ пассивное сосредоточиваніе вниманія на причинѣ, его вызвавшей, точно также и при искусственно возбуждаемомъ аффектѣ прежде всего необходимо сосредоточить вниманіе даннаго лица на ожиданіи соотвѣтствующаго состоянія. Къ этому и клонятся, отчасти, всѣ до сихъ поръ примѣняемые физическіе и психическіе способы гипнотизированія (отчасти, какъ я выше упоминалъ, эти способы сами по себѣ настраиваютъ гипнотизируемаго на ожидаемую эмоцію, отчасти же, конечно, и способствуютъ наступленію этой эмоціи путемъ сосредоточиванія вниманія).

Заканчивая свою бесѣду, я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ не отмѣчено значенія выставляемаго мною психическаго дѣятеля (эмоціи) въ развитіи гипноза. Насколько моя работа приближаетъ насъ къ рѣшенію вопроса о сущности гипнотическаго состоянія, судить не мнѣ. Моя задача сводилась лишь къ тому, чтобы указать въ общихъ чертахъ на роль эмоціи въ развитіи гипноза. Я думаю, что, выдвигая на первый планъ этотъ факторъ, мы сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ вопросовъ, которые могутъ получить съ этой точки зрѣнія совершенно особое освѣщеніе, а, можетъ быть, и надлежащее разрѣшеніе.

Позволю себѣ подвести итогъ сказанному въ слѣдующихъ положеніяхъ:

- 1) Гипнотическій сонъ есть своеобразное психи-

ческое состояніе, характеризующееся подавленіемъ воли и повышенной воспримчивостью къ внушенію.

2) Для развитія гипнотическаго состоянія недостаточно однихъ только воздѣйствій чисто физическаго свойства (пассовъ, фиксацій и пр.). Если послѣднія иногда и приводятъ къ гипнозу, то не сами по себѣ, а путемъ косвеннаго воздѣйствія на психику.

3) Простое утомленіе вниманія не ведетъ къ развитію гипноза.

4) Сосредоточиваніе мысли и вниманія на одномъ предметѣ *само по себѣ* не вызываетъ гипноза.

5) Основнымъ факторомъ въ развитіи гипноза является соответствующая *эмоція*.

6) Эмоція эта носитъ совершенно своеобразный характеръ и по типу своему ближе всего подходитъ къ эмоціи посторонняго вліянія.

7) Существованіе такой эмоціи доказывается цѣлымъ рядомъ физиологическихъ измѣненій въ организмѣ, какъ-то: а) измѣненіемъ пульса и дыханія, б) субъективнымъ ощущеніемъ гипнотизированныхъ и в) явлениями утомленія, наступающими послѣ гипноза.

8) Интенсивность эмоціи обуславливаетъ собою глубину гипноза.

9) Явленія внушенія зависятъ отъ парализующаго вліянія эмоціи на высшіе задерживающіе центры.

10) Забвеніе по пробужденіи обуславливается воздѣйствіемъ эмоціи на сознательную сферу.

11) Воспримчивость къ гипнозу обуславливается степенью способности даннаго субъекта приходитъ въ соответствующее эмоціональное состояніе.

12) Существованіе мысли о снѣ не обязательно для развитія гипнотическаго состоянія въ широкомъ его значеніи: ея нѣтъ въ такъ называемомъ естественномъ гипнозѣ.

13) Мысль о снѣ, воспринимаемая загипнотизированнымъ какъ нѣчто реальное, кладетъ своеобразный отпечатокъ на внѣшнюю картину искусственнаго гипноза.

14) Внѣшняя обстановка, приемы гипнотизированія и личность гипнотизатора играютъ роль условій, облегчающихъ наступленіе гипнотической эмоці.

III.

**ПСИХИЧЕСКАЯ ЗАРАЗА
И ЕЯ РОЛЬ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.**

Психическая зараза и ея роль въ общественной жизни.

I. Понятіе о психической заразѣ. Психическій контагіи.—
II. Внѣшнія проявленія психической заразы. Подражаніе.—
III. Воспитаніе.—IV. Алкоголизмъ; очаги распространенія ал-
коголиама. Условія зараженія алкоголизмомъ.—V. Зарази-
тельность душевныхъ болѣзней. Психопатическія эпидеміи.—
VI. Самоубійство изъ подражанія.—VII. Стадность.—Театраль-
ная публика.—VIII. Психическая зараза въ области науки и
искусства. Декадентство.—IX. Искусственная прививка зара-
зы. Зараза посредствомъ гипноза.—X. Условія, благопріят-
ствующія психическому зараженію. Участіе интеллекта и
чувства въ процессъ зараженія.—XI. Психическая зараза,
какъ двигатель общественной жизни. Неотраимость заразы.
Борьба съ психической заразой.

I.

У Антона Чехова въ одномъ изъ его рассказовъ („Броженіе умовъ“) говорится о томъ, какъ въ жаркую лѣтнюю пору шли по базарной площадкѣ два обывателя; вдругъ одинъ изъ нихъ остановился и сталъ глядѣть на небо, заинтересовавшись полетомъ скворцовъ. Къ нимъ присоединяются сначала три старыя богомолки съ котомками и въ лапоткахъ, затѣмъ отецъ протоіерей, дьячокъ и фабричныя. Мало по малу собирается цѣлая толпа и всѣ смотрятъ на небо, не понимая, что случилось, и каждый по своему объясняя событіе.

Всякому изъ насъ, можетъ быть, не разъ приходилось видѣть подобную же картину, всякому изъ насъ, можетъ быть, не разъ случалось повторять эту картину на себѣ, и мы обыкновенно не задумываемся, зачѣмъ мы это дѣлаемъ, какая невѣдомая сила побуждаетъ насъ дѣлать то, что дѣлаютъ другіе, какая сила заставляетъ насъ бессознательно подражать другимъ? Но это еще эпизоды самые обычные, самые заурядные. Бываютъ случаи, когда подобное явленіе выливается въ несомнѣннѣе обычную, странную форму, когда событіе получается какъ бы совершенно невѣроятную, фантастическую окраску.

Исторія не мало даетъ примѣровъ этому.

Такъ, напр., въ царствованіе Екатерины II въ Воронежской губ., въ Острожскомъ уѣздѣ, былъ укушенъ бѣшеной собакой одинъ крестьянинъ. Спустя нѣкоторое время ему пришлось пировать на свадьбѣ у своего знакомаго, и тутъ впервые, на глазахъ собравшихся гостей, у него обнаружился припадокъ водобоязни. Видъ ужасной болѣзни столь сильно повліялъ на присутствовавшихъ, что у многихъ изъ нихъ (у 58 мужчинъ и 41 женщины) обнаружались тѣ-же припадки: всѣ вдругъ почувствовали глубокую тоску, сильную головную боль, неопредѣленный страхъ, неопределимое стремленіе къ бѣганію; мало того у всѣхъ появилось слюнотеченіе, бессонница, а затѣмъ полная потеря разсудка, — словомъ развилась типичная картина собачьяго бѣшенства. Заинтересованная этимъ фактомъ, Екатерина потребовала подробнаго донесенія, въ которомъ между прочимъ значилось: у всѣхъ заболѣвшихъ появилось подъ языкомъ по 8 и менѣе синихъ пузырей величиною съ ячменное зерно. Всѣ заболѣвшіе, за исключеніемъ дѣйствительно укушеннаго, вскорѣ выздоровѣли.

Случай этотъ въ то время казался необъяснимымъ: было непонятно, какъ могли заболѣть собачьимъ бѣшенствомъ люди, которые даже не прикасались къ бѣшенному животному... Но съ того времени прошло не мало лѣтъ, много разъ повторялись аналогичные случаи, много подобныхъ же явленій приходилось наблюдать врачамъ, а мы и до сихъ поръ продолжемъ недоумѣвать и изумляться всякій разъ, какъ встрѣчаемъ похожую картину: до сихъ поръ для насъ представляется страннымъ, какъ можетъ заболѣть человѣкъ, глядя на другого человѣка, заболѣть безъ ранъ, безъ ушибовъ, безъ микробовъ, — словомъ, безъ физической причины... А между тѣмъ это фактъ, который въ настоящее время ждетъ себя научнаго объясненія.

Между приведеннымъ случаемъ и эпизодомъ изъ Чеховскаго разсказа существуетъ много общаго: и тамъ и здѣсь идетъ дѣло о своеобразномъ свойствѣ человеческой души — отражать въ себѣ внѣшнія явленія, и тамъ и здѣсь идетъ дѣло объ одномъ и томъ же явленіи, разнообразномъ по внѣшней формѣ, но одинаковомъ по существу.

Явленіе это называется *психической заразой*. Если одинъ человѣкъ перенимаетъ поступки и мысли другого лица, не входя въ критическій анализъ своихъ дѣйствій, то это уже есть психическая зараза. Подъ словомъ „зараза“ въ медицинскомъ смыслѣ принято разумѣть ту совокупность микроорганизмовъ, которые служатъ возбудителями такъ называемыхъ заразныхъ или инфекціонныхъ болѣзней. Эти возбудители, попадая отъ больного человѣка къ здоровому, при извѣстныхъ условіяхъ, вызываютъ у послѣдняго ту же болѣзнь. Самые эти возбудители носятъ названіе микробовъ или контагіевъ. Есть контагій тифа, т. е. микр

организмъ, вызывающій заболѣваніе тифомъ, есть контагіи оспы, дифтерита, скарлатины и т. д.

Психическая зараза также имѣетъ свой контагіи, но только этотъ контагіи не организованный, не матеріальный элементъ, а элементъ психическій, элементъ, не уловимый для нашихъ пяти чувствъ, не поддающійся описанію нашихъ измѣреній. Этотъ „психическій контагіи“ невидимъ ни для простого, ни для вооруженнаго глаза, но онъ обладаетъ гораздо большею заразительностью, чѣмъ контагіи организованный: для того, чтобы организованный контагіи вызвалъ проявленіе болѣзни, нуженъ нѣкоторый срокъ, часто довольно продолжительный (отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ), психическій же контагіи дѣйствуетъ, по большей части, непосредственно и немедленно. *Tardz* приводитъ, напр., слѣдующій случай, который имѣлъ мѣсто нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ во Франціи. Въ Парижѣ одно время свирѣпствовала холерная эпидемія. Въ самый разгаръ болѣзни, когда умы всѣхъ были напряжены до крайности, гѣмъ то былъ пущенъ слухъ, что какія то злонамѣренныя лица отравляютъ пищу и воду въ источникахъ и этимъ вызываютъ развитіе холеры. Никто этихъ лицъ не видалъ, но уже одного этого слуха было достаточно, чтобы наэлектризовать толпу. Въ одно мгновеніе огромныя сборища заполнили набережныя, Гревскую площадь и др. мѣстности Парижа. Всякій, у кого находилась въ рукахъ бутылка, флаконъ или пакетъ, возбуждалъ подозрѣніе: на такого человѣка набрасывались и часто расправлялись съ нимъ по закону Линча. Одинъ молодой человѣкъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, былъ убитъ на улицѣ Сенъ-Дени по одному только подозрѣнію въ томъ, что онъ хотѣлъ бросить ядъ въ кувшины одного

винооторговца. Двое неосторожных бѣжали, преслѣдуемые тысячами разъяренныхъ людей, которые обвиняли несчастныхъ въ томъ, что тѣ дали дѣтямъ отравленную тартинку. Ничто не могло бы спасти этихъ несчастныхъ, если бы полицейскому комиссару и одному отставному чиновнику не пришла въ голову счастливая мысль: раздѣлить между собою эту тартинку и съѣсть ее на глазахъ у всей толпы. Лишь только это было сдѣлано, прежняя ярость быстро смѣнилась бурнымъ весельемъ и волненіе мгновенно затихло.

Случай этотъ служитъ весьма яркой иллюстраціей той быстроты, съ которою можетъ иногда дѣйствовать психическій контагіи.

Что же это за психическій контагіи, каковы его свойства?

Контагіи этотъ есть ничто иное, какъ то, что въ психологіи называется *психическимъ рефлексомъ*. Поясню это. Наша психическая жизнь слагается изъ двухъ существенныхъ элементовъ: активнаго (волевого) и пассивнаго (рефлекторнаго). Оба эти элемента играютъ одинаково важную роль во внѣшнихъ проявленіяхъ психической жизни. Всѣ тѣ идеи, поступки и дѣйствія, которые возникаютъ самостоятельно, суть проявленія нашей активной психической жизни, всѣ тѣ идеи, поступки и дѣйствія, которыя являются отраженіемъ поступковъ другихъ лицъ, суть проявленія рефлекторной, пассивной жизни. Нашъ мозгъ—есть ничто иное, какъ огромная лабораторія, въ которой цѣлые миллиарды работяпковъ—нервныхъ клѣтокъ—заняты двоякаго рода работою: 1) критикою и оцѣнкою получаемыхъ извнѣ образовъ и 2) передачею этихъ образовъ наружу. Каждое происходящее внѣ насъ явленіе, доносящееся подъ видомъ извѣстнаго образа въ эту

лабораторію, стремится проецироваться наружу, т. е. перейти въ соотвѣтствующее дѣйствіе или состояніе. Такъ, напр., встрѣчая на пути стоящаго человѣка, мы невольно останавливаемся; слушая напѣвъ какой-нибудь мелодіи мы часто, сами того не замѣчая, начинаемъ про себя напѣвать тотъ-же мотивъ; видя испуганнаго человѣка, мы ощущаемъ тотъ-же испугъ, хотя еще и не знаемъ его мотивовъ. Это и есть то, что принято называть психическимъ рефлексомъ.

При нормальныхъ условіяхъ психической жизни наши психическіе рефлексы не играютъ существенной роли: они отодвигаются на задній планъ, подавляются въ самомъ своемъ началѣ, благодаря безпрестанно совершающейся въ мозгу другой, только что упомянутой, работѣ нервныхъ клѣтокъ, — работѣ критики и оцѣнки получаемыхъ извнѣ впечатлѣній: эта работа — высшая, болѣе тонкая работа, она есть ничто иное, какъ своего рода цензура, но цензура, конечно, благородная, такая цензура, которая мѣшаетъ появленію въ свѣтъ всего неумѣстнаго и непозволительнаго. Если, напр., мы находимся въ балетѣ и видимъ танцующую примадонну, то, въ силу психологическаго закона, мы также должны были-бы пуститься въ плясъ, но мы этого не дѣлаемъ, потому что та цензура, которая сидитъ въ нашемъ мозгу, мѣшаетъ намъ это дѣлать: эта цензура подсказываетъ намъ, что въ данный моментъ не мѣсто и не время заниматься такими вещами; мы внемлемъ этой цензурѣ и въ самомъ началѣ подавляемъ въ себѣ рефлексъ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда правильное теченіе психической жизни нарушается, психическій рефлексъ можетъ приобрести первенствующее значеніе и выступить на первый планъ. Бываетъ это тогда,

когда тѣ или иныя условія, внѣшнія или внутреннія, ослабляютъ дѣйствіе высшей цензуры, препятствуютъ ея работѣ.

Что это за условія,—намъ и придется разсмотрѣть въ настоящей бесѣдѣ.

По аналогіи съ матеріальной заразой, въ психической заразѣ можно различать двѣ формы: 1) форму спорадическую и 2) форму эпидемическую. Первая форма обнаруживается въ явленіяхъ единичнаго безсознательнаго подражанія, когда, напр., одно лицо воспринимаетъ идеи другого лица настолько, что считаетъ ихъ своими собственными, не вникая въ источникъ ихъ происхожденія. Вторая форма имѣетъ мѣсто въ разнаго рода массовыхъ движеніяхъ, въ явленіяхъ такъ называемой стадности и пр. Въ психологическомъ отношеніи разницы между этими формами не существуетъ, а потому мы будемъ говорить о нихъ вмѣстѣ.

II.

Основнымъ выразителемъ психической заразы является безсознательное подражаніе. Что такое подражаніе? Всѣ люди, какъ извѣстно, подражаютъ другъ другу. Одинъ подражаетъ другому манерой излагать свои литературныя произведенія, другой манерой пѣть, третій манерой плясать, четвертый походкой, пятый манерой одѣваться, шестой причесываться и т. д. Но одинъ подражаетъ сознательно, умышленно, другой безсознательно, неумышленно. Для насъ важна именно эта послѣдняя форма подражанія, т. е. безсознательное подражаніе, какъ выраженіе такого психическаго состоянія, гдѣ психическій рефлексъ достигаетъ наибольшей силы.

Говорятъ, что безсознательное подражаніе есть низшая форма проявленія духовной жизни, такъ какъ оно свойственно животнымъ. Это невѣрно. Дѣйствительно, подражаніе мы встрѣчаемъ у очень многихъ животныхъ: всѣмъ извѣстна способность къ подражанію обезьянъ, попугаевъ, сорокъ, воронъ, скворцовъ и др. животныхъ, но нигдѣ это явленіе не достигаетъ такой силы и виртуозности, какъ, именно, у человѣка. Животное подражаетъ человѣку только манерами и голосомъ, человѣкъ-же подражаетъ человѣку всѣмъ, чѣмъ онъ только можетъ подражать,—и манерами, и голосомъ, и одеждой, и жилищемъ, и пищей: одному человѣку пришла въ голову мысль питаться, на манеръ травоядныхъ, растительною пищею, и вотъ одинъ за другимъ появляются вегетаріанцы, одному барину вздумалось надѣть на себя мужицкую рубаху и другіе уже начинаютъ щеголять въ рубахахъ, и т. п.

Говорятъ, что животное подражаетъ глупо, инстинктивно, а человѣкъ всегда умно. Это также невѣрно. Если попугай или скворецъ научивается отъ человѣка говорить, то какъ бы бессмысленно онъ не произнеслъ заученныя слова, онъ не роняетъ этимъ своего птичьяго достоинства: наоборотъ, онъ этимъ лишь возвышаетъ себя въ глазахъ своихъ собратьевъ, становясь на положеніе ученаго попугая, какъ бы ни подражала обезьяна человѣку, ея ужимки могутъ быть только смѣшны, но не глупы, человѣкъ же въ своемъ подражаніи часто становится и смѣшонъ и глупъ, смѣшонъ потому, что никогда не можетъ вполне уподобиться своему образцу, какъ обезьяна не можетъ уподобиться человѣку, глупъ потому, что не сознаетъ всей нелѣпости своего положенія, положенія обезьяны.

Выходить, какъ будто челоуѣкъ глупѣе животнаго... Но развѣ это такъ? конечно, нѣтъ. Прежде чѣмъ судить о явленіи, нужно знать его причины: нужно сначала узнать, почему челоуѣкъ подражаетъ себѣ подобному, что заставляетъ его такъ поступать, и тогда только выводить заключеніе. А для того, чтобы знать причины, намъ необходимо проникнуть въ галерею общественной жизни и осмотрѣть тѣ типы, на которыхъ болѣе всего отражается безсознательное подражаніе.

Такъ мы и сдѣлаемъ. Начнемъ съ преддверія.

III.

Вотъ предъ нами юноша, ребенокъ, которому предстоитъ вынести на себѣ весь тотъ искусъ, который называется воспитаніемъ. Воспитаніе есть нечто иное, какъ насильственная прививка индивидууму знаний, чувствъ и правилъ жизни. Это есть своего рода *искусственное зараженіе*, совершаемое съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, а каковы послѣдствія этого зараженія, извѣстно каждому: то, что подсунуто намъ въ дѣтствѣ, при помощи воспитанія, является часто краеугольнымъ камнемъ, вокругъ котораго создаются въ послѣдствіи всѣ наши сокровенныя мысли и убѣжденія.

Ребенокъ въ силу своей природы, еще не вполне установившейся, природы, гдѣ чувства льютъ черезъ край, а мысли бродятъ словно туманные призраки, — особенно склоненъ къ безсознательному подражанію. У ребенка еще не сложилось своихъ собственныхъ убѣжденій, а потому онъ принимаетъ чужія убѣжденія на вѣру, забывая потомъ, что они чужія; его впечатлительность особенно благопріятствуетъ этому.

Такимъ образомъ, въ ребенкѣ мы видимъ первый

типъ среди огромной массы носителей психической заразы: это—типъ человѣка съ *сильною впечатлительностью* и съ *неясными мыслями и убѣжденіями*.

IV.

Изъ преддверія перейдемъ въ самую жизнь, со всѣми ея положительными и отрицательными сторонами. Лишь только откроемъ двери, сейчасъ же, на порогѣ, наталкиваемся на одно изъ болѣзненныхъ наростовъ этой жизни—алкоголизмъ.

Передъ нами стоитъ группа алкоголиковъ. Остановимся, чтобы разсмотрѣть ее поближе.

Когда видятъ передъ собой несчастнаго, опустившагося человѣка, то обыкновенно спрашиваютъ, что привело его къ такому состоянію. Такъ поступимъ и мы. Разспросимъ всѣхъ стоящихъ около насъ алкоголиковъ, что привело ихъ къ пьянству.

Одинъ вамъ отвѣтитъ, что онъ пьетъ съ горя, отъ тяжелаго нравственнаго потрясенія, другой скажетъ, что онъ пьетъ отъ бѣдности, матеріальнаго недостатка, третій отъ того, что его отецъ или дѣдъ былъ пьяница, четвертый отъ того, что его мамка ушибла въ дѣтствѣ, но ни одинъ вамъ не откроетъ истинной правды, ни одинъ не скажетъ, что онъ пьетъ потому, что другіе пьютъ: ему совѣстно сознаться въ этомъ, это унижаетъ его человѣческое достоинство, а между тѣмъ это горькая истина: большинство пьетъ, именно, изъ подражанія.

Ссылаются на то, что вино веселитъ душу человѣка... Многочисленные наблюденія надъ алкоголиками, однако, показываютъ, что это не совсѣмъ правда. Вино не веселитъ человѣка, и, я думаю, многіе лично испытали это на себѣ: оно лишь заставляетъ чело-

вѣка забываться, притупляетъ его нравственные, эстетическія и другія высшія чувства, притупляетъ его разумную дѣятельность: человѣкъ становится смѣлѣе, развязнѣе, какъ-бы веселѣе; но никогда вино не даетъ истиннаго веселья, наоборотъ, очень многіе въ нетрезвомъ видѣ становятся еще мрачнѣе. То чувство кажущагося веселья, которое испытываемъ мы послѣ двухъ-трехъ рюмокъ вина, не есть чувство истинной радости, это лишь чувство облегченія мыслительнаго багажа. Многочисленные психологическія послѣдованія позднѣйшихъ ученыхъ (какъ, напр., Крепелина) весьма наглядно доказали, что общая сумма интеллектуальной энергіи подъ вліяніемъ алкоголя всегда значительно падаетъ. Если иногда въ пьяномъ видѣ мы и кажемся остроумнѣе, то это остроуміе дешеваго свойства; это—остроуміе, соединенное съ внѣшнимъ блескомъ, но лишенное глубины содержания.

Нѣтъ, не для того человѣкъ пьетъ вино, чтобы быть веселымъ... Трудно повѣрить, чтобы онъ сознательно жертвовалъ своими силами, счастьемъ и здоровьемъ для одной минуты. Онъ пьетъ вино *безсознательно*, неумышленно, какъ онъ безсознательно упивается морфіемъ, гашишемъ и др. ядами. Пьянство есть неумышленный актъ, и въ этомъ не трудно убѣдиться на каждомъ пьяницѣ: случается видѣть, что такой субъектъ страдаетъ, мучается, плачетъ, терзается угрызениями совѣсти, но все таки пьетъ. Истинный пьяница относится вполне разумно и сознательно къ своему поведенію только до тѣхъ поръ, пока не рѣшился выпить первую рюмку водки.

Среди цѣлаго ряда условій, способствующихъ развитію алкоголизма, есть одно очень важное и существенное, которое почему-то обыкновенно упускается

изъ виду, это — бессознательное, безотчетное подражаніе.

Кому изъ русскихъ людей неизвѣстна та великая, могущественная сила, которая скрывается въ словѣ „компанія“! Это слово не русское по произношенію, но чисто русское по своему смыслу. Нигдѣ это слово не имѣетъ такого магическаго, привлекательнаго значенія, какъ, именно, въ Россіи. Нѣмецъ, французъ или англичанинъ въ общемъ пьютъ не менѣе, чѣмъ русскій, но пьютъ въ одиночку, втихомолку, русскій-же по натурѣ своей любитъ, чтобы его усладу раздѣляли и другіе. „Компанія“ служитъ, такимъ образомъ, *очагомъ*, гдѣ происходитъ зараженіе пьянствомъ, и притомъ очагомъ чисто національнымъ, русскимъ. Если мы обратимся къ алкоголикамъ и зададимъ вопросъ, при какихъ условіяхъ они сдѣлались пьяницами, то каждый изъ нихъ вполне опредѣленно отвѣтитъ, что онъ началъ пить въ компаніи, съ товарищами. Такъ, по крайней мѣрѣ, всегда отвѣчаютъ алкоголики, когда съ нихъ снимаютъ врачебный допросъ. Не попадается ни одного случая, гдѣ бы алкоголикъ началъ злоупотреблять виномъ по собственной инициативѣ: всегда дѣло начинается съ того, что сначала онъ попадаетъ въ соответствующую компанію, а затѣмъ уже, перенявъ отъ нея всѣ ея нравы и обычаи, уходитъ отъ нея, чтобы пить въ одиночку, на иностранный манеръ.

Итакъ, „компанія“ является очагомъ для распространенія алкогольной заразы. Другимъ не менѣе важнымъ, но уже не чисто національнымъ очагомъ зараженія являются кабаки, трактиры и рестораны, — словомъ, всѣ тѣ общественныя заведенія, гдѣ охотно торгуютъ виномъ. А насколько въ этихъ заведеніяхъ охотно торгуютъ виномъ, видно изъ того, что чело-

вѣкъ не пьющій, случайно попавшій въ ресторанъ, часто чувствуетъ себя неловко, видя устремленные на него вопросительные взгляды половыхъ, отдѣлаться отъ которыхъ не всегда бываетъ легко. А за границей, напр., во Франціи, тамъ даже не стануть и спрашивать, пьете ли вы вино или нѣтъ: вамъ все равно его подадутъ и возьмутъ за него деньги. При этихъ условіяхъ, конечно, нужно обладать очень большою сплюю воли, чтобы не послѣдовать молчаливому совѣту половыхъ и гарсоновъ.

Нѣкоторыя государства уже давно сознали все зло, протекающее отъ продажи вина заинтересованными лицами, но только немногія изъ нихъ уже рѣшились противодѣйствовать этому злу серьезнымъ образомъ. Всѣ тѣ мѣры, которыя до сихъ поръ обычно принимаются противъ алкоголизма въ разныхъ странахъ, какъ-то: ограниченіе мѣста продажи спиртныхъ напитковъ, увеличеніе акциза, государственная монополія и пр.,— все это лишь не мѣры, а полумѣры, которыя больше служатъ для успокоенія пьяницъ, чѣмъ для уничтоженія пьянства. Настоящую серьезную мѣру рѣшилась впервые провести въ жизнь лишь Швеція путемъ введенія, такъ наз., „Готенбургской системы“. Эта система заключается въ томъ, что все питейное дѣло отдано въ руки особаго акціонернаго общества, которое поставило своей задачей борьбу съ алкоголизмомъ. Будучи поддерживаемо въ своихъ стремленіяхъ городскимъ управленіемъ и владѣя монополіей, это общество заботится объ уничтоженіи числа кабаковъ; во всѣхъ винныхъ лавкахъ запрещено продавать напитки пьянымъ посѣтителямъ, лицамъ, недостигшимъ 18 лѣтняго возраста, а также и взрослымъ, извѣстнымъ своимъ нетрезвымъ поведеніемъ; всѣ продавцы вина полные

трезвенники. При такихъ условіяхъ каждый посѣтитель винной лавки является уже не желаннымъ гостемъ, какъ у насъ, а лишь терпимымъ покупателемъ. Благопріятные результаты введенія этой системы не замедлили скоро обнаружиться въ быстромъ пониженіи процента общей смертности, самоубійствъ и заболѣваній.

Изъ Швеціи Готенбургская система перешла въ другія второстепенныя государства: Норвегію и Финляндію. Но первостепенныя европейскія государства и, между прочимъ, Россія,—еще считаютъ введеніе этой системы для себя невыгоднымъ.

Кромѣ трактировъ и кабаковъ существуютъ и другіе, менѣе важные, очаги зараженія алкоголизмомъ. Эти очаги мѣняютъ свой характеръ сообразно съ временемъ, мѣстомъ и обстоятельствами. Однимъ изъ такихъ очаговъ не такъ давно въ Англій служили модныя магазины. Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ англійскомъ журналѣ былъ напечатанъ мемуаръ, подписанный 914 врачами; мемуаръ этотъ требовалъ, чтобы у мелочныхъ лавочекъ, портнихъ и модныхъ магазиновъ было отнято право продавать спиртные напитки. Для насъ этотъ протестъ покажется нѣсколько страннымъ. Но англичанамъ это не казалось удивительнымъ: въ англійскомъ обществѣ уже давно укоренился обычай выпивать во всякомъ мѣстѣ, гдѣ совершается какая нибудь покупка или сдѣлка; для этого въ магазинахъ имѣется всегда наготовѣ достаточное количество спиртныхъ напитковъ. Англійскія женщины оказались особенно падки на этотъ обычай. Дѣло дошло до того, что не только прислуга стала по каждому мелкому поводу бѣгать въ лавочки, но и дамы высшаго свѣта зачастили въ модныя магазины.

Изъ небольшихъ очаговъ, какъ изъ зараженныхъ

клоакъ, алкоголизмъ, подобно тяжелой эпидеміи, распространяется эксцентрически, кругами, по отдѣльнымъ общественнымъ группамъ; эти круги сталкиваются между собою, переплетаются и проникаютъ тонкими нитями во всѣ слои общества. Получается настоящая форма эпидемія, но эпидеміи не острой, какъ, напр., холера или чума, а хронической, такой эпидеміи, которая насчитываетъ своему существованію цѣлыя тысячелѣтія. Эта эпидемія, или, еще вѣрнѣе, пандемія, опутываетъ собою всѣ народы, весь міръ и тянется непрерывно цѣлыми вѣками, по временамъ лишь то усиливаясь, то ослабѣвая въ своей интенсивности. Еще въ Римѣ, въ эпоху упадка великой имперіи, она достигала невѣроятныхъ размѣровъ: женщины пили наравнѣ съ мужчинами, пили дѣти, пили кесари, пили философы, даже стойки, почитавшіе воздержаніе за одну изъ величайшихъ человѣческихъ добродѣтелей, напились, какъ они объясняли, для освѣженія своего духа. Въ средніе вѣка эпидемія эта свирѣпствовала по временамъ не менѣе, чѣмъ въ древности, и католическіе монахи въ свободное отъ служенія Богу время весьма охотно посвящали себя фабрикаціи крѣпкихъ ликеровъ. Въ наше время эпидемія эта свирѣпствуетъ съ разною силою во всѣхъ европейскихъ государствахъ, и къ стыду нашему нужно сознаться, что народы культурнаго міра съ большею охотою отдають себя во власть этой эпидеміи, чѣмъ народы восточные, менѣе культурные. А изъ культурныхъ государствъ, какъ показываетъ статистика, самыя культурныя, какъ, напр., Франція, Италія, Германія и Англія, больше истребляютъ вина, чѣмъ государства не самыя культурныя, какъ Швеція, Норвегія и Россія.

Итакъ, безсознательное подражаніе, психическое за-

раженіе, является одною изъ главныхъ причинъ распространенія алкоголизма. Но, вѣдь, не каждый же человекъ можетъ заразиться этою болѣзью?.. Да, конечно, не каждый: какъ холерой, въ холерное время, заражаются не всѣ люди, а только болѣе воспримчивые къ ней, точно также и алкоголикомъ можетъ сдѣлаться не всякій, кто хочетъ, а только тотъ, кто имѣетъ къ этому особенное расположеніе. Въ чемъ же состоитъ это расположеніе?

Это расположеніе состоитъ въ трехъ главныхъ факторахъ: 1) въ неблагоприятныхъ культурно-экономическихъ условіяхъ, 2) наслѣдственности, и 3) природной неустойчивости нервной системы и слабости характера. Всѣ эти факторы, въ сущности, сводятся къ одному послѣднему: какъ тяжелыя экономическія условія, такъ и наслѣдственность приводятъ всегда къ одному и тому же результату, — къ распатыванію нервной системы и къ чрезмѣрной неустойчивости и впечатлительности характера.

Такимъ образомъ, въ алкоголигѣ мы видимъ новый типъ среди носителей психической заразы: типъ человека съ распатанною волею, съ врожденною или приобретенною впечатлительностью характера. Этотъ типъ одинъ изъ наиболее заурядныхъ, наиболее часто встрѣчающихся на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни. Этотъ типъ играетъ роль взрывчатого матеріала, который легко вспыхиваетъ при каждомъ къ нему прикосновеніи, часто независимо отъ того, какими руками совершено было это прикосновеніе.

V.

Въ поискахъ за новыми типами, идемъ далѣе. Мы наталкиваемся на группу душевно-больныхъ и

нервныхъ. Въ публикѣ думаютъ, что сосѣдство съ душевно-больными заразительно и особенно заразительно для тѣхъ, кто, по обстоятельствамъ, обреченъ постоянно находиться въ ихъ обществѣ, т. е. для сидѣльцовъ, врачей и близкихъ родственниковъ. Такъ ли это?

Да, дѣйствительно, въ специальной литературѣ не мало можно встрѣтить случаевъ зараженія душевною болѣзью. Въ психіатрической наукѣ установлена даже на этотъ предметъ особая форма болѣзни, которая называется *индуцированнымъ помѣшательствомъ*, т. е. помѣшательствомъ, происходящимъ отъ общенія съ душевнобольнымъ. Случалось, напр., что мужъ заболѣваетъ психическимъ расстройствомъ, а черезъ нѣкоторое время жена начинаетъ уже повторять его бредъ. Случалось, что дочь перенимала болѣзненные явленія у матери, сынъ у отца, братъ у брата. Случалось, что болѣзнь передавалась заразъ тремъ лицамъ (*folie à trois*), четверемъ (*folie à quatre*), а иногда и цѣлымъ семьямъ. Описанъ даже случай, гдѣ 13 членовъ одной семьи представляли однородныя идеи преслѣдованія.

Излюбленную сферу психическаго зараженія представляетъ та форма душевнаго расстройства, которая въ психіатріи называется первичнымъ помѣшательствомъ (*paranoïa*), а въ общежитіи извѣстна подъ именемъ маніи преслѣдованія и маніи религіозной. Болѣзнь эта сопровождается логически обработанными бредовыми идеями при вполне ясномъ сознаніи. Лица, страдающія этой болѣзью, легче всего могутъ быть приняты за здоровыхъ, въ особенности, религіозно-помѣшанные: благодаря сохраненному логическому мышленію, убѣжденности и пылкости своей рѣчи, они часто увлекаютъ въ кругъ своихъ бредовыхъ идей ту или другую личность, а иногда и цѣлую группу лицъ, и вполне убѣждаютъ ихъ въ справедливости своихъ притязаній.

Если въ кругъ бредовыхъ идей вовлекается огромная группа лицъ, цѣлая народность, то получается такъ называемая психопатическая эпидемія. Такими эпидеміями особенно богаты средніе вѣка, когда духъ народа представлялся особенно возбудимымъ въ религіозномъ отношеніи. Такія эпидеміи продолжаютъ время отъ времени появляться и въ наше время среди разныхъ народовъ и нерѣдко служатъ ядромъ для образованія религіозныхъ сектъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такая эпидемія наблюдалась въ Кіевской губерніи: она описана проф. *Сикорскимъ* подъ именемъ „малеванщины“. Начало эпидеміи было положено однимъ больнымъ съ бредомъ („маніей“) величія; въ нему сначала присоединилось нѣсколько, несомнѣнно, душевнобольныхъ лицъ, а затѣмъ и цѣлая толпа мало свѣдущихъ и легковѣрныхъ крестьянъ. Вся эта толпа вѣрила въ божественную миссію основателя секты, въ его чудеса и исходящую отъ него небесную благодать; у многихъ изъ нихъ появились даже галлюцинаціи въ видѣ Богородицы, святыхъ и ангеловъ. Эпидемія эта закончилась лишь тогда, когда главари секты были помѣщены въ психіатрическую больницу.

Такой же случай наблюдался однажды въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губ. (*Корсаковъ*).

Одна крестьянка всегда отличалась крайней набожностью, любила молиться Богу, отдалялась отъ подругъ, пѣла духовныя пѣсни. Въ одно прекрасное время она заявляетъ, что ей явилась Богоматерь и приказала ей навсегда остаться дѣвою. Собрались ея по други и началось усердное моленіе, продолжавшееся всю ночь. На другой день, по окончаніи молитвы, всѣ вышли изъ комнаты. Больная отправляется къ кладбищу, и всѣ идутъ за ней. Тамъ она распускаетъ во-

досы, бѣгаетъ отъ одной могилы къ другой, громко молится, цѣлуетъ руки и ноги подругъ, приказываетъ имъ бить себя. На обратномъ пути она останавливается у креста на распутьи, останавливаются и другія, она въ изступленіи обнимаетъ крестъ, цѣлуетъ его, — то же дѣлаютъ и другія. Когда наступилъ вечеръ, она приказываетъ всѣмъ лечь у креста, и всѣ немедленно исполняютъ ея приказаніе. Проспавъ ночь, всѣ отправляются дальше съ громкими молитвами. Имъ попадается на встрѣчу крестьянинъ, и на вопросъ послѣдняго, что онъ дѣлаютъ, вмѣсто отвѣта всѣ кричатъ на него: „отхилися сатана“ и грозятъ ему камнями. На дальнѣйшемъ пути имъ встрѣчается приказчикъ. На вопросъ, куда онъ идетъ, больная приказываетъ всѣмъ женщинамъ раздѣться до нага, и всѣ исполняютъ это. Когда приказчикъ ушелъ, больная велѣла всѣмъ лечь голыми на землю рядомъ и стала плясать по ихъ спинамъ, попеременно ударяя ногой то одну, то другую. Въ такомъ видѣ засталъ ихъ деревенскій староста и доставилъ въ волостное правленіе.

Подобный же случай психопатическаго движенія имѣлъ мѣсто не такъ давно (въ октябрѣ 1901 г.) въ с. Павловкахъ, Сумскаго уѣзда. Случай этотъ облетѣлъ всѣ газеты подъ именемъ „павловскаго побойща“. Суть его заключается въ томъ, что душевно-больной крестьянинъ, Моисей Тодосіенко, явился въ село Павловки и вызвалъ своею дѣятельностью повальное психопатическое движеніе, окончившееся разгромомъ церкви и поруганіемъ ея святыни. Только вмѣсто психіатрической больницы Тодосіенко попалъ на скамью подсудимыхъ и вмѣстѣ съ другими участниками печальнаго проществія, къ сожалѣнію, былъ присужденъ къ наказанію.

Если собрать случаи индуцированнаго помѣшатель-

ства и психопатическихъ эпидемій и разсмотрѣть внимательно психику каждаго отдѣльнаго элемента подобнаго рода психическаго зараженія, то нетрудно убѣдиться, что всѣ лица, наклонныя заражаться душевнымъ разстройствомъ, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) лица ограниченныя, суевѣрныя, съ слабой психической сопротивляемостью и 2) лица наследственно предрасположенныя къ психическому заболѣванію. Говоря другими словами, два условія располагаютъ къ зараженію душевной болѣзью: 1) недостаточность умственной культуры и 2) психопатическій складъ души.

Что послѣднее условіе располагаетъ къ зараженію душевною болѣзью, это видно изъ того, что такого рода зараженію чаще всего подвергаются лица одной и той же семьи, т. е. лица, обладающія, слѣдовательно, одними и тѣми же наследственными данными. Но для того, чтобы зараженіе обнаружилось во всей своей силѣ, одного этого условія бываетъ, однако, недостаточно: необходима совокупность обоихъ условій. Наклонность къ зараженію только тогда достигаетъ своей силы, когда оба упомянутыя условія соединяются въ одномъ индивидуумѣ: субъектъ психопатическій и притомъ малокультурный представляетъ собою самый подходящій матеріалъ для индуцированнаго помѣшательства. Субъектъ психопатическій, но одаренный широкимъ критическимъ анализомъ, еще можетъ прекрасно противостоять вредному вліянію сосѣдства съ душевнобольнымъ и часто даже, наоборотъ, какъ никто изъ здоровыхъ, сумѣетъ благотворно подѣйствовать на теченіе его болѣзни. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ страхи и опасенія передъ близкимъ сосѣдствомъ съ душевнобольнымъ, которые такъ часто выставляются на видъ

лицами несвѣдующими и некомпетентными, являются преувеличенными. Нужно заботиться не о томъ, чтобы удалять душевно больного отъ сообщества съ здоровыми людьми, а о томъ, чтобы здоровые люди имѣли возможность своимъ присутствіемъ благотворно вліять на душевно-больного. Въ этомъ долженъ заключиться принципъ современной общественной психіатріи.

Совершенно ложнымъ является также и тотъ общераспространенный взглядъ, что лица, ухаживающія за душевно-больными (служители, сидѣлки, врачи и пр.), часто заражаются отъ нихъ болѣзнью... Конечно, это можетъ случиться, но нужно имѣть въ виду, что, во первыхъ, между служителями и сидѣлками нерѣдко встрѣчаются некультурные и психопатическіе субъекты, а, во вторыхъ, никто изъ самыхъ здоровыхъ людей не гарантированъ отъ того, чтобы *случайно* не заболѣть помѣшательствомъ, но это уже будетъ помѣшательство, не имѣющее никакого отношенія къ профессіи и сосѣдству съ душевно-больными. Въ публнкѣ обыкновенно каждый случай заболѣванія ухаживающихъ за больнымъ лицъ стараются отнести на счетъ ихъ профессіи, особенно это часто касается врачей-психіатровъ. Это — ошибка, которая можетъ быть прощательна только въ виду незнакомства съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Какъ показываютъ наблюденія, среди врачей разнообразныхъ специальностей, психіатры являются болѣе устойчивыми и рѣже заболѣваютъ душевнымъ расстройствомъ. Если въ публнкѣ и принято часто думать обратное, то происходитъ это отъ того, что каждый случай психического расстройства у психіатра, въ силу его профессіи, производитъ большую сенсацию и больше обращаетъ на себя вниманія. Наоборотъ, профессія психіатра пріучаетъ его

въ этомъ отношеніи къ болѣе критическому взгляду на вещи, а это, въ свою очередь, способствуетъ развитію въ немъ большой доли психической сопротивляемости и противоудѣйствія.

Итакъ, повторяю, опасаться на каждомъ шагу зараженія психическимъ разстройствомъ интеллигентному, развитому человѣку не подобаетъ: онъ можетъ смѣло идти на встрѣчу душевно-больному, не боясь заразиться его болѣзнию.

Такимъ образомъ, мы можемъ присоединить къ нашей коллекціи носителей психической заразы еще два новыхъ типа: 1) типъ субъекта психопатическаго и 2) типъ субъекта недостаточно просвѣщеннаго, недостаточно развитога въ духовномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Оба эти типа хорошо намъ знакомы. Первый встрѣчается во всѣхъ слояхъ общества, а второй, по преимуществу, среди нисшаго класса: онъ олицетворяетъ собой ту стихію, имя которой темная масса.

VI.

Но идемъ дальше. Вотъ передъ нами субъектъ, который покончилъ жизнь самоубійствомъ, потому что его сосѣдъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Что же это такое? Неужели, спросите вы, человѣкъ можетъ жертвовать своимъ драгоценнѣйшимъ благомъ, — жизнью, только потому, что другой имъ жертвуетъ? Неужели и тутъ можетъ быть безсознательное подражаніе? Къ сожалѣнію, и тутъ бываетъ подражаніе... Въ газетахъ нерѣдко приходится читать случаи самоубійства цѣлыми семьями. Извѣстный французскій психіатръ *Morel* рассказываетъ, напр., объ одномъ помѣшкѣ, который оставилъ послѣ себя семь человѣкъ

дѣтей и каждому по миллиону рублей. Всѣ дѣти пользовались общимъ уваженіемъ, увеличили отцовское наследство, но всѣ кончили жизнь самоубійствомъ въ въ возрастѣ отъ 30—40 лѣтъ. Проф. *Корсаковъ* рассказываетъ объ одномъ случаѣ, гдѣ изъ двѣнадцати чело­вѣкъ одного выпуска гимназіи пятеро окончили жизнь самоубійствомъ, и трудно было, — говоритъ онъ, — найти иную причину этого событія, какъ заразительное вліяніе примѣра одного наиболее талантливаго изъ всѣхъ. Извѣстно, что въ Парижѣ однажды пришлось прекратить доступъ въ одну нишу, гдѣ одинъ за другимъ кончали съ собою обитатели Дома Инвалидовъ. Въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ большую сенсацію произвелъ случай самозадушенія угаромъ трехъ сестеръ. Семь лѣтъ тому назадъ во всѣхъ газетахъ былъ описанъ случай самозамуравливанія въ землю 25 чело­вѣкъ крестьянъ, дѣйствовавшихъ по примѣру и по инициативѣ одного религіознаго фанатика. Бывали случаи, что, по прочтеніи въ газетахъ картиннаго описанія самоубійства, нѣкоторые лица поканчивали съ собой тѣмъ же, т. е., описаннымъ въ газетахъ способомъ.

Что же это за субъектъ, который жертвуетъ своею жизнью изъ простаго подражанія? Если одѣлать психіатрическое обследованіе такого субъекта, то не трудно убѣдиться, что это всегда чело­вѣкъ дегенеративный, психопатическій. У здороваго индивидуума инстинктъ сомохраненія всегда возьметъ верхъ надъ всѣми стихійными вліяніями, какъ бы онѣ не были велики. Здоровому чело­вѣку присуще чувство сомохраненія, и это чувство всегда выступитъ у него на первый планъ, когда явится малѣйшая опасность для жизни. У дегенерантовъ же часто бываетъ иное: иногда

у этихъ лицъ чувство самохраненія недоразвивается, какъ недоразвиваются другія психическія и физическія стороны ихъ организма: они не чувствуютъ ни цѣли жизни, ни ея радостей и готовы разстаться съ этой жизнью по всякому поводу, просто „за компанію“.

Во всѣхъ подобнаго рода самоубійствахъ „за компанію“ наблюдается весьма интересное явленіе, а именно: инициатива всегда принадлежитъ одному лицу, которое, въ силу тѣхъ или иныхъ выдающихся особенностей своей духовной личности, подчиняетъ себя другимъ; эти другіе безропотно и часто съ наслажденіемъ переносятъ его деспотическое вліяніе, они смѣло слѣдуютъ за своимъ властелиномъ даже въ могилу.

Во время моихъ студенческихъ годовъ я знавалъ двухъ юношей, довольно развитыхъ и интеллигентныхъ, но въ высшей степени неуравновѣшенныхъ и дегенеративныхъ. Изъ нихъ одинъ всегда являлся въ духовномъ отношеніи руководителемъ другого. Имъ часто приходилось бесѣдовать вмѣстѣ на тему о безцѣльности и бренности земного существованія. И вотъ, однажды, получается извѣстіе, что юноша-руководитель покончилъ съ собой и покончилъ самымъ страннымъ образомъ: въ одномъ изъ публичныхъ увеселительныхъ заведеній. Оставшійся въ живыхъ товарищъ отнесся къ этому событію вполне спокойно: даже шутилъ и смѣялся. Черезъ нѣкоторое время приходитъ извѣстіе, что дама, съ которою умершій товарищъ проводилъ время въ увеселительномъ заведеніи, также сдѣлала покушеніе на свою жизнь и при томъ тѣмъ же самымъ способомъ (стрѣляла въ високъ), а спустя еще нѣкоторое время я узнаю, что и третій членъ этой компаніи пустилъ себя пулю въ лобъ. Къ счастью, юноша выздоровѣлъ, и самъ потомъ расска-

зываетъ, что онъ рѣшительно не понимаетъ, какъ это могло съ нимъ случиться: словно какая то сила толкала его совершить то, что совершилъ его товарищъ, словно это былъ гипнозъ.

Да, это, дѣйствительно, былъ гипнозъ, или вѣрнѣе *самовнушеніе*, попавшее на благопріятную, *психопатическую* почву. Такимъ-же самовнушеніемъ объясняются и случаи самоубійства, соединенные съ какимъ нибудь опредѣленнымъ мѣстомъ; какъ, напр., это было въ одной изъ нишъ Дома Инвалидовъ. Народная молва любитъ рисовать мѣсто, гдѣ однажды произошелъ случай самоубійства, самыми ужасными красками. Если случайно дегенеративный, неуравновѣшенный и впечатлительный субъектъ попадаетъ на это мѣсто, то его собственное неустойчивое воображеніе, подкрѣпляемое разсказами стоустной молвы, достигаетъ ужасныхъ размѣровъ; его нервная система приходитъ въ сильное возбужденіе: онъ невольно начинаетъ воображать, что съ нимъ *непретменно* должно случиться то же самое; онъ самъ *внушаетъ* себѣ мысль о самоубійствѣ, а разъ эта мысль внушена, то, въ силу ослабленной сопротивляемости такого субъекта, она немедленно приводится въ исполненіе.

Итакъ, передъ нами еще типъ изъ числа носителей психической заразы: это—субъектъ психопатическій или, вѣрнѣе, субъектъ неуравновѣшенный, впечатлительный, *легко возбудимый въ эмоціональномъ отношеніи*. Онъ подобенъ предъидущему.

VII.

Идемъ далѣе искать новыхъ типовъ. Минуемъ дальнѣйшихъ представителей психопатическаго міра и углубимся въ область, такъ называемыхъ, „нормальных“ явленій общественной жизни.

Предъ нами въ высшей степени любопытное психическое явленіе, которое носитъ названіе стадности. Что такое стадность? Какъ уже показываетъ самое названіе, подъ стадностью разумѣютъ такое явленіе, когда цѣлая толпа или группа лицъ, сплотившись вмѣстѣ, дѣйствуетъ какъ одинъ человѣкъ: это есть ничто иное, какъ стадо, составленное изъ высшихъ представителей животнаго царства, — людей. А тамъ, гдѣ есть стадо, тамъ, конечно, есть и пастухъ. Поэтому, говоря о стадности, всегда должно имѣть въ виду и пастуха, который гонитъ это стадо. Стадность слишкомъ распространенное явленіе общественной жизни, чтобы въ короткихъ словахъ можно было сказать все, что я хотѣлъ бы сказать.

Обойдите вы различные уголки общественной жизни и всюду вы встрѣтите явленія стадности: стадность обнаруживаетъ себя въ разнаго рода религіозныхъ и политическихъ движеніяхъ, стадность проявляется въ литературныхъ теченіяхъ, стадность являетъ себя въ наукѣ и искусствѣ, стадность вы видите всюду, гдѣ только собирается толпа людей. Человѣкъ, по самой природѣ своей, существо въ высшей степени стадное, гораздо болѣе стадное, чѣмъ многія животныя. У животныхъ стадность проявляется всегда въ какихъ ни будь опредѣленныхъ и стереотипно повторяющихся дѣйствіяхъ: у птицъ въ лѣтнемъ и зимнемъ перелетѣ, у пчелъ и муравьевъ въ коллективной работѣ надъ постройкой жилищъ, у домашнихъ животныхъ въ хожденія на пастбище, у человѣка же она принимаетъ самыя причудливыя и сложныя формы, разнообразныя, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ.

Животное всегда знаетъ свое стадо, которому оно принадлежитъ. Человѣкъ же часто своего стада не

знаеть: онъ охотно идетъ за первымъ попавшимся ему на встрѣчу пастухомъ. Это постоянно приходится наблюдать на всѣхъ собраніяхъ и публичныхъ сборахъ: говоритъ одинъ блестящій ораторъ,—толпа ему рукоплещеть, соглашается съ нимъ, говоритъ другой ораторъ, не менѣ блестящій, но говоритъ совершенно противоположное первому, толпа и съ нимъ соглашается и ему рукоплещеть. На Западѣ, гдѣ общественная жизнь развита шире, чѣмъ у насъ, стадность проявляется даже въ болѣе сильной степени, но тамъ она носитъ болѣе благородную форму: форму партійности; тамъ каждая партія твердо знаетъ своего вожака, за которымъ она слѣдуетъ, у насъ же толпа часто своего вожака не знаетъ, она подчиняется всякому, кто заявляетъ себя вожакомъ, а если и знаетъ, то часто измѣняетъ ему. И зависитъ это не оттого, что русская публика вообще менѣ развита, чѣмъ на Западѣ, а отъ того, что у насъ не существуетъ опредѣленныхъ круговъ общественной жизни, опредѣленныхъ общественныхъ организацій: вся жизнь раздроблена на отдѣльные элементы, и если эти элементы иногда сплочиваются вмѣстѣ, то это сплоченіе, по большей части, случайное, это—сплоченіе не по мысли, не по убѣжденію, а по мѣсту и времени. Поэтому, строго разсуждая, нужно различать между собою стадность и партійность: первое есть явленіе случайное, второе—явленіе обдуманное и организованное. Первое чаще имѣетъ мѣсто у нисшихъ представителей культурнаго міра, второе у высшихъ. Въ первомъ отдѣльный индивидуумъ подчиняется своему вожаку больше по чувству, во второмъ больше по мысли и убѣжденіямъ.

Въ публикѣ иногда оба эти явленія смѣшиваются между собою и названіемъ стадности часто окрещи-

вается такое общественное движенье, которое, хотя и совершается по чувству, но въ основѣ имѣетъ опредѣленный планъ дѣйствій, опредѣленную идею, уже назрѣвшую вѣками и ожидавшую только своего выразителя. Таково, напр., движенье, приведшее къ созданію французской революціи, таково движенье, приведшее къ созданію христіанства, и др. Конечно, каждый отдѣльный элементъ такого движенья также дѣйствуетъ по чувству, но это чувство объединяется у него общей продуманной идеей, которую каждый, прежде чѣмъ сдѣлаться участникомъ движенья, носилъ въ себѣ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ.

Подъ стадностью, въ тѣсномъ смыслѣ слова, нужно разумѣть только такія коллективныя дѣйствія, которыя совершаются, главнымъ образомъ, по чувству, и притомъ безсознательно, механически; въ стадности каждый отдѣльный участникъ стаднаго движенья не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что онъ творитъ: онъ только механически выполняетъ волю своего вожака, механически слѣдуетъ общему теченію.

Если взять каждаго отдѣльнаго индивидуума въ самый разгаръ стаднаго движенья и обследовать его психологически, то нетрудно убѣдиться, что гармонія его душевной жизни является въ этотъ моментъ нарушенной: чувство беретъ у него перевѣсъ надъ мыслью; его мысль парализована, заполонена возбужденнымъ стаднымъ чувствомъ. Подобно тому, какъ гнѣвъ, радость, горе, страхъ и друг. обычныя чувства парализуютъ нашъ разумъ, точно также и стадное чувство заполоняетъ и парализуетъ критику. Каждый участникъ стаднаго движенья является какъ бы наэлектризованнымъ, зараженнымъ электрическою энергіею, и эту энергію онъ легко передаетъ своему сосѣду, тотъ

другому, другой третьему и т. д.—въ результатѣ получается группа наэлектризованныхъ, зараженныхъ однимъ общимъ чувствомъ людей.

По жизненному опыту мы знаемъ, что ничто такъ легко не передается отъ одного человѣка другому, какъ чувство и притомъ чувство искреннее, неподдѣльное: гнѣвный человѣкъ легко заражаетъ другихъ своимъ гнѣвомъ, испуганный своимъ испугомъ, веселый своимъ весельемъ, любящій своею любовью. Холодная, лишённая чувственной окраски мысль никогда такъ глубоко не западетъ въ душу человѣка, какъ мысль, облечённая чувственной оболочкой. Такого рода явленіе и происходитъ въ стадности: въ стадномъ движеніи носителемъ психическаго зараженія всегда является извѣстнаго рода *эмоція*, или душевное движеніе, которое можно охарактеризовать словомъ „стадное чувство“.

Чѣмъ возбуждѣнѣ въ эмоціоноальномъ (т. е., чувственномъ) отношеніи субъектъ, тѣмъ болѣе благопріятный матеріалъ онъ представляетъ для проявленія стадности, чѣмъ менѣе онъ способенъ владѣть своими чувствами, чѣмъ онъ распущеннѣе, тѣмъ онъ становится стаднѣе, тѣмъ легче онъ увлекается всякимъ встречнымъ теченіемъ.

Стадность, по существу своему, является ничѣмъ инымъ, какъ эпидемической формой психической заразы. Смотря по длительности теченія, нужно различать двѣ формы стадности: 1) острую и 2) хроническую. Первая обнаруживается въ видѣ отдѣльных взрывовъ или вспышекъ того или иного движенія, вторая въ видѣ общественныхъ теченій и увлеченій.

Одною изъ острыхъ, но стереотипно повторяющихся формъ стадности, является театральная публика.

Составными элементами театральной публики явля-

ются лица самых разнообразных положеній, профессій, взглядовъ и убѣжденій. Эти лица объединены между собою ничѣмъ инымъ, какъ только мѣстомъ и временемъ. Казалось бы, что можетъ быть общаго между этими лицами? А между тѣмъ эти-то лица и являются наилучшими носителями стадности; скажу больше: нигдѣ стадность не проявляется въ такой яркой и такой отчетливой формѣ, какъ у театральной публики. Для насъ не удивительно, когда группа релігіозныхъ фанатиковъ увлекается взрывомъ сектантскаго движенія, для насъ не удивительно, когда группа рабочихъ устраиваетъ стачку, — все это лица однихъ взглядовъ и убѣжденій, но для насъ удивительно, когда огромная толпа лицъ, именуемая театральной публикой, увлекается и рукоплещетъ бездарному артисту. Что руководить ею въ ея дѣйствіяхъ? ею руководить исключительно общее неясное впечатлѣніе, стадное чувство. А между тѣмъ отъ этихъ рукоплесканій часто зависитъ судьба артиста, его карьера, его будущая слава. Я не мало могъ бы назвать примѣровъ изъ современной жизни, гдѣ завѣдомо бездарные люди, обладающіе только пріятнымъ и нѣжнымъ голосомъ или красивою наружностью, возносятся на пьедесталъ и слынутъ за великихъ артистовъ, но понятныя соображенія заставляютъ меня воздержаться отъ этого.

Если публика часто увлекается бездарностью, то также часто бываетъ она равнодушна и къ истиннымъ талантамъ: все дѣло зависитъ отъ того, какое направленіе получаетъ ея стадное чувство: положительное или отрицательное. Такой казусъ случился однажды и съ однимъ изъ московскихъ, дѣйствительно, очень талантливыхъ артистовъ-пѣвцовъ: онъ считался посредственностью до тѣхъ поръ, пока не былъ случайно

замѣченъ однимъ изъ меценатовъ и не привезенъ изъ Петербурга въ Москву.

Театральная публика является слѣпымъ орудіемъ въ созданіи славы артиста; часто она руководится не истиннымъ дарованіемъ его, а тѣми или иными внѣшними формами: красивой наружностью, сладкимъ голосомъ, эффектными манерами, воспитанностью, а иногда и просто случайными обстоятельствами: артистъ, который раньше не былъ совсѣмъ замѣченъ, вдругъ начинаетъ получать извѣстность послѣ того, какъ онъ отравится омарами, устроитъ скандалъ или дастъ кому-нибудь публично пощечину. Публика рукоплещетъ ему уже не потому, что онъ талантъ, а потому, что она его знаетъ. Бываетъ и другое: сначала публика относится равнодушно къ какому-нибудь, дѣйствительно, заурядному артисту, его искусство нисколько ее не восхищаетъ, но затѣмъ, мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ этотъ артистъ все болѣе и болѣе мозолитъ ей глаза, начинаетъ привыкать къ нему и уже рукоплещетъ ему просто по привычкѣ. Такимъ путемъ создается слава многихъ, такъ называемыхъ, „извѣстныхъ“ артистовъ, которыми переполнены сцены всѣхъ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. Если такой „извѣстный“ артистъ пріѣзжаетъ изъ одного города въ другой, то публика этого города, наслышавъ о его успѣхахъ по газетамъ, уже заранѣе настраиваетъ себя на то, чтобы устраивать ему оваціи, она заранѣе уже заражается извѣстнымъ чувствомъ, и, приходя въ театръ, естественнымъ образомъ, начинаетъ рукоплескать ему прежде, чѣмъ тотъ откроетъ ротъ или сдѣлаетъ движеніе. Такимъ образомъ, публика, сама того не замѣчая, устраиваетъ успѣхъ артисту прежде, чѣмъ тотъ обнаружитъ свое артисти-

ческое дарованіе. Она дѣйствуетъ исключительно по стадному чувству, потому что *все* такъ дѣйствуютъ. Такимъ путемъ создаются многіе, такъ называемые, „великіе“ таланты, которые, въ сущности, не таланты, а продукты стаднаго чувства театральной публики.

Нѣтъ ни одного общественнаго явленія, гдѣ стадность обнаруживалась-бы въ такой бессмысленной и стихійной формѣ, какъ у театральной публики. Зависитъ это отъ того, что отдѣльные элементы такой публики не объединены никакими общими принципами, за исключеніемъ принципа праздности и желанія дать свободную волю своимъ чувствамъ послѣ утомленія отъ дневныхъ заботъ. Театральная публика, приходя въ театръ, умышленно распускаетъ свои чувства, а если распушенность, какъ я сказалъ, вообще располагается къ стадности, то тамъ, гдѣ эта распушенность производится умышленно, она можетъ повлечь за собою много безразсуднаго.

VIII.

Болѣе разумное, болѣе культурное проявленіе стадности мы видимъ въ различныхъ теченіяхъ въ области науки, литературы и искусства. Тутъ стадность принимаетъ уже болѣе благородную форму. Толчекъ къ этому рода теченіямъ даютъ обыкновенно гени, выдающіеся таланты и сильныя личности: своими идеями они заражаютъ толпу и ведутъ ее за собой. Впрочемъ, для того, чтобы заразить толпу извѣстнаго рода идеями, не требуется, чтобы эти идеи были, дѣйствительно, великими идеями: нужно только, чтобы онѣ были прочувствованы, искренни. Посредственными идеями заражаются даже скорѣе, чѣмъ идеями гениальнымп. Какъ пикантный соусъ представляется заманчивѣе и

привлекательнѣе, чѣмъ не особенно вкусная, но полезная приправа, точно также и пикантныя идеи сильнѣе дѣйствуютъ на чувства и быстрѣе находятъ себѣ послѣдователей, чѣмъ идеи, хотя и геніальныя, но не очень пикантныя. Если какое нибудь общественное теченіе развивается быстро, бурно, то почти навѣрное можно сказать, что оно недолговѣчно: великія идеи прививаются съ трудомъ, часто даже вначалѣ своемъ не находятъ отклика въ массѣ, какъ это было, напр., съ христіанствомъ, но за то, разъ утвердившись, онѣ продолжаютъ существовать цѣлыми вѣками. Здѣсь мы видимъ то же самое, что и въ заразныхъ болѣзняхъ: острыя заразныя болѣзни (напр., тифъ) обладаютъ сильною заразительностью, но за то онѣ не очень продолжительны, хроническія же, напр., чахотка, менѣе заразителны, но за то часто тянутся цѣлыми годами. Очевидно, для психической и матеріальной заразы природа, словно нарочно, уготовила одинъ и тотъ-же общій законъ...

Меня спросятъ какая же можетъ быть стадность въ наукѣ, гдѣ все построено на послѣдовательныхъ выводахъ, на правильныхъ логическихъ заключеніяхъ холоднаго разсудка? Да, въ наукѣ, можетъ быть, менѣе, чѣмъ гдѣ либо, обнаруживаются явленія стадности, но все таки они и здѣсь обнаруживаются; взять хотя бы прежнія науки—астрологию и алхимию: было время, когда этими науками увлекались, а теперъ онѣ служатъ лишь мишенью для насмѣшекъ; взять ту же метафизическую философію: сколько въ ней высказывалось противорѣчивыхъ взглядовъ, сколько въ ней обнаруживалось самыхъ противоположныхъ философскихъ теченій!

Менѣе, чѣмъ въ отвлеченныхъ наукахъ, стадность

обнаруживается въ наукахъ положительныхъ: математикѣ, физиологіи, бактериологіи и пр. Но и тутъ случается, что ученый видитъ подъ микроскопомъ то, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ, что навѣрно ему коллективнымъ теченіемъ научной мысли. Въ одномъ изъ русскихъ ученыхъ обществъ однажды случился такой казусъ: одинъ ученый сдѣлалъ сообщеніе, гдѣ наглядно показалъ подъ микроскопомъ открытаго имъ новаго микроба одной заразной болѣзни; всѣ видѣли этого микроба собственными глазами, о новой находкѣ было оповѣщено по телеграфу въ другія заграничныя ученые общества, а потомъ оказалось, что этотъ микробъ есть ничто иное, какъ миѣъ, созданный воображеніемъ ученыхъ. То же самое случилось и съ знаменитою коховскою жидкостью, рекомендованною отъ туберкулеза. Многіе пробовали эту жидкость, многіе врачи видѣли отъ нея явное улучшеніе болѣзни, описывались даже случаи полного излѣченія, а потомъ вдругъ оказалось, что эта жидкость не только не оказываетъ никакого благотворнаго вліянія на чахоточныхъ, а, наоборотъ, даже рѣзко ухудшаетъ теченіе ихъ болѣзни.

Гораздо чаще, чѣмъ въ наукѣ, проявляется стадность въ искусствѣ. Причина этого та, что въ основѣ стаднаго явленія, какъ я сказалъ, лежитъ эмоція; искусство же по самому существу своему, именно, и дѣйствуетъ непосредственно на эмоциональную сферу.

Примѣромъ бурнаго увлеченія въ области искусства за послѣднее время можетъ служить декадентство. Послѣдователи этого, такъ называемаго, „новаго направленія“ могутъ быть раздѣлены на 4 категоріи:

1) Лица, сознательно ищущія новыхъ формъ въ искусствѣ. Это—лица, по бѣльшей части, съ твер-

дыми убъжденіями, путемъ логическихъ выводовъ пришедшія къ тому, что прежнія формы искусства устарѣли и не могутъ удовлетворять развитымъ эстетическимъ требованіямъ современнаго человѣка. Эти лица являются сознательными руководителями новаго теченія. 2) Лица психопатическія, увлекающіяся новыми формами потому, что послѣднія отвѣчаютъ ихъ извращеннымъ эстетическимъ и другимъ чувственнымъ представленіямъ. Эти лица обыкновенно не знаютъ мѣры въ своихъ увлеченіяхъ и доходятъ до крайностей: до воспѣванія могильныхъ червей, пожирающихъ трупы, до описанія ароматовъ солнца, до картинъ, изображающихъ цвѣточный кустъ, усѣянный дамскими головками и проч. Все это—лица искренно убѣжденные, сознательно относящіяся къ своимъ извращеннымъ ощущеніямъ, и часто среди нихъ встрѣчаются очень талантливыя. 3) Лица, сознательно подражающія новому искусству въ силу тѣхъ или иныхъ личныхъ соображеній, часто матеріальнаго свойства. Сюда относятся разнаго рода неудачники, которымъ не повезло въ искусствѣ, и которые подражаніемъ новому искусству хотятъ создать себѣ положеніе. Это—люди неискренніе, только корчащіе изъ себя декадентовъ. Наконецъ, 4) лица, которыя, въ силу моды или въ силу какихъ то неясныхъ и смутныхъ представленій, бессознательно подражаютъ всему, что касается новаго искусства. По большей части, это—лица или психопатическія или съ неустойчивыми убѣжденіями, незнающія, къ чему прилѣпить свои чувства. Это—лица, которыя слѣдуютъ новому направленію только потому, что это новое направленіе, не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета и не входя въ анализъ своихъ убѣжденій.

Изъ такихъ категорій слагается армія послѣдовательной новаго направленія въ искусствѣ. Само собой понятно, что не всѣ отдѣльные элементы этой арміи играютъ одинаковую роль: только представители послѣдней категоріи, т. е. бессознательные подражатели, могутъ быть названы стадными элементами; остальные же три группы, какъ выразители сознательнаго отношенія къ искусству, занимаютъ иное, болѣе почетное положеніе въ новомъ движеніи.

Вообще, какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ стадными элементами являются, по большей части, диллтанты, профаны и вообще лица, только поверхностно знакомыя съ предметомъ, лица, не приспособленныя къ тому, чтобы вполне критически относиться ко всему, что непосредственно дѣйствуетъ на ихъ чувство: это—лица, легко возбудимыя въ эмоціональномъ отношеніи. Дѣйствуя заражающимъ образомъ на себѣ подобныхъ, они легко увлекаютъ за собою народную массу.

Итакъ, стало быть, предъ нами еще типъ изъ числа носителей психической заразы, это—стадный элементъ, элементъ, легко возбудимый въ *чувственномъ* отношеніи.

IX.

Все, о чемъ до сихъ поръ шла рѣчь, касалось преимущественно случаевъ, гдѣ психическое зараженіе совершалось неумышленно: за минуту передъ тѣмъ субъектъ не зналъ, какія мысли онъ восприметъ, какой поступокъ онъ совершить, онъ попалъ въ потокъ, не зная куда унесетъ его этотъ потокъ. Но бываютъ случаи, когда субъектъ *самъ желаетъ* привить себѣ или инныя мысли, желаетъ впитать въ себя тѣ или инныя свойства. Тогда говорятъ объ *искусствен-*

ной прививкѣ психической заразы. Для того, чтобы привить себѣ желаемыя мысли, субъектъ долженъ поставить себя въ особу для того благоприятныя условія, его мозгъ долженъ придти въ такое состояніе, чтобы прививаемая идея не находила въ немъ никакого отпора. Такимъ состояніемъ лучше всего является гипнотическій сонъ.

Къ гипнозу обыкновенно прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ сильнѣе воздѣйствовать на психику, когда хотятъ, чтобы прививаемая идея встрѣтилась въ мозгу какъ можно меньше сопротивленія. Самый процессъ прививки мыслей въ гипнозъ носитъ названіе гипнотическаго внушенія. Следовательно, *внушеніе и психическое зараженіе являются, въ этомъ смыслѣ, вполне синонимами.*

Явленія внушенія въ гипнозѣ, часто какъ-бы невѣроятныя, объясняются тѣмъ, что въ моментъ наступленія гипноза всѣ высшія задерживающія вліянія головного мозга подавляются, а потому всякая вложенная въ сознаніе идея получаетъ гораздо бѣльшее напряженіе и съ большою силою стремится проецироваться наружу, т. е., перейти въ соответствующее дѣйствіе или состояніе.

Но вотъ возникаетъ вопросъ: отчего высшіе психическіе процессы въ гипнозѣ подавляются? какая причина повергаетъ мозгъ въ состояніе покоя и бездѣятельности, въ состояніе психической пассивности? Въ это состояніе повергаетъ его *эмоція* ¹⁾, т. е. то душевное движеніе, которое развивается въ гипнозѣ и безъ котораго самый гипнозъ невозможенъ. Всякій

---

1) Подробно объ эмоціи въ гипнозѣ въ статьѣ: „Психологическія условія развитія гипноза“.

гипнотическій сонъ сопровождается извѣстнаго рода эмоціональнымъ возбужденіемъ, которое и дѣйствуетъ тормозящимъ образомъ на высшую психику. По своему характеру это эмоціональное возбужденіе напоминаетъ эмоцію посторонняго вліянія: всякому изъ насъ, можетъ быть, не разъ приходилось испытывать на себѣ въ большей или меньшей степени то непріятное, тяжелое чувство, когда мы подпадаемъ подъ вліяніе какого-нибудь человѣка, когда мы чувствуемъ, что этотъ человѣкъ завладѣлъ нашею личностью, а мы не въ силахъ противодѣйствовать ему. Подобное же чувство испытывается и въ гипнозѣ, только въ гораздо болѣе сильной степени. Люди, легко возбудимые въ отношеніи этой эмоціи, легко и гипнотизируются.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собою еще новый элементъ для психическаго зараженія: человѣка, впавшаго въ гипнозъ, т. е. человѣка, *находящагося въ состояніи своеобразной эмоціи.*

Х.

Мы совершили прогулку по галлерей общественной жизни и осмотрѣли рядъ типовъ, являющихся носителями психической заразы. Оглянемся на минуту назадъ, чтобы сильнѣе запечатлѣть полученную картину.

Вотъ юноша, ребенокъ. Это человѣкъ съ неустановившимися убѣжденіями и полный душевныхъ чувствъ, которыя льютъ у него черезъ край.

Вотъ алкоголикъ. Это человѣкъ, живущій чувственными наслажденіями, человѣкъ съ распушенной волей.

Вотъ субъектъ, заразившійся помѣшательствомъ. Это—человѣкъ малокультурный, съ психопатическимъ, впечатлительнымъ складомъ души.

Вотъ самоубійца изъ подражанія. Это тоже психопатическій субъектъ, субъектъ съ неустойчивыми чувствами.

Вотъ стадный элементъ. Это элементъ, легко возбудимый въ эмоціональномъ отношеніи.

Вотъ, наконецъ, субъектъ, приведенный въ гипнотическое состояніе: это субъектъ, находящийся въ состояніи эмоціи, въ состояніи своеобразнаго эмоціональнаго возбужденія.

Не бросается ли вамъ въ глаза, что между этими типами есть нѣчто общее? Не замѣчаете ли вы, что у нихъ есть сходныя черты? Вглядитесь внимательно въ ихъ психологію, и вы откроете весьма любопытное явленіе: вы откроете, что всѣ эти типы, въ сущности, есть ничто иное, какъ повтореніе двухъ основныхъ типовъ: 1) типа человѣка малокультурнаго, съ неполнѣ развитою интеллектуальною жизнью, и 2) человѣка впечатлительнаго, легко возбудимаго въ эмоціональномъ (т. е. чувственномъ) отношеніи.

Если мы захотимъ теперь искать психологическую подкладку интересующаго насъ явленія, то должны обратиться, именно, къ этимъ двумъ типамъ: они дадутъ намъ возможность почерпнуть тѣ драгоценныя данныя, которыя намъ нужны для рѣшенія нашей задачи.

Если помните, въ началѣ своей бесѣды я замѣтилъ, что психическая зараза есть ничто иное, какъ психическій рефлексъ: при обычномъ теченіи психической жизни этотъ рефлексъ не имѣетъ мѣста, онъ подавляется высшею цензурою ума, и нужны особыя условія для того, чтобы эта цензура отказалась выполнить свое назначеніе. Если теперь принять во вниманіе добытыя нами данныя, то нетрудно видѣть, въ чемъ,

именно, должны заключаться эти *особыя* условия: соотвѣтственно двумъ основнымъ типамъ носителей психическаго зараженія и эти условия будутъ состоять въ двухъ факторахъ: 1) въ *недостаточности умственной культуры*, и 2) въ *повышенной чувствительности*, или повышенной эмоціональной возбудимости. Эти два фактора воплѣвъ ясно и опредѣленно рисуютъ намъ психологическую подкладку интересующаго насъ явленія. Но какимъ же путемъ дѣйствуютъ эти факторы? почему они отодвигаютъ высшую цензуру на задній планъ, давая мѣсто рефлексу? Относительно перваго фактора у насъ не можетъ быть недоразумѣній: то, что некультурно, недоразвито, то не можетъ быть хорошимъ оцѣнщикомъ; разъ умъ некультуренъ, то, естественнымъ образомъ, онъ не можетъ быть хорошимъ цензоромъ получаемыхъ впечатлѣній: какъ некультурный цензоръ пропускаетъ то, что не слѣдовало бы пропускать, и задерживаетъ то, что не слѣдовало бы задерживать, точно также и некультурный разумъ рискуетъ пропустить то, что слѣдовало бы задержать. Но значеніе втораго фактора, на первый взглядъ, можетъ показаться непонятнымъ: почему, въ самомъ дѣлѣ, нахлынувшее чувство дѣйствуетъ парализующимъ образомъ на высшую цензуру?

Эта непонятность сейчасъ же разсѣется, если мы будемъ разсуждать путемъ сравненія.

Кто знакомъ немного съ психологіей, тотъ знаетъ, что всѣ наши сильныя чувства, каковы бы они ни были: гнѣвъ, радость, страхъ, испугъ, — дѣйствуютъ парализующимъ образомъ на нашъ разсудокъ: человекъ разгнѣванный не владѣетъ собой и готовъ безотчетно подчиниться первому безразсудному порыву, человекъ испуганный теряется и не можетъ сообразить

простыхъ вещей (извѣстны, напр., случаи, когда въ порывѣ страха, навѣяннаго пожаромъ, люди погибали въ огнѣ, не найдя обычнаго выхода изъ дома). То же самое происходитъ и при психическомъ зараженіи. Въ моментъ зараженія, у человѣка всегда возбуждается особаго рода чувство,—стадное чувство. Это чувство настолько заполняетъ его разумъ, настолько *парализуетъ* его высшую критику, что субъектъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ творитъ: онъ дѣйствуетъ исключительно по рефлексу, согласно съ тѣмъ, какъ дѣйствуютъ другіе. Естественнымъ образомъ, что у людей впечатлительныхъ, легко возбудимыхъ въ эмоціональномъ отношеніи, этотъ рефлексъ проявляется съ большею силою.

Но который же изъ двухъ указанныхъ мною факторовъ важнѣе? Что вѣрнѣе обуславливаетъ зараженіе: умственная некультурность, или нахлынувшее чувство? Второй факторъ безусловно важнѣе перваго: недоразвитый умъ только *располагаетъ* къ заразѣ, возбужденное же чувство само по себѣ является *носителемъ* заразы. Человѣкъ некультурный, но въ то же время отъ природы мало возбудимый въ эмоціональномъ отношеніи, остается глухъ къ внѣшнимъ вліяніямъ: идиотъ, напр., оказывается мало воспримчивымъ къ той формѣ искусственнаго зараженія, которое называется воспитаніемъ: онъ плохо отражаетъ въ себѣ идеи воспитателей, слабоумный оказывается мало воспримчивымъ къ той формѣ искусственнаго зараженія, которое носитъ названіе гипнотическаго внушенія, тупой субъектъ, вообще, остается мало воспримчивымъ и къ разнаго рода стаднымъ движеніямъ: онъ обыкновенно не принимаетъ въ нихъ никакого участія и самое большее, что онъ дѣлаетъ, это—увеличиваетъ собою живую мас-

су. Но другое дѣло, когда умственная некультурность соединяется съ сохраненною или повышенною чувствительностью: тогда воспримчивость къ зараженію достигаетъ наибольшей степени. Доказательствомъ этому служатъ бурныя движенія темныхъ массъ, грубыя проявленія народнаго фанатизма, стихійныя эпидеміи среднихъ вѣковъ.

Но можетъ ли вполнѣ культурный и развитой человѣкъ сдѣлаться матеріаломъ для психическаго зараженія? Конечно, можетъ: культура не убиваетъ нашихъ чувствъ. Иллюстраціей этому служатъ повседневыя стадныя движенія интеллигентныхъ массъ.

Такимъ образомъ, *главнымъ носителемъ психической заразы является повышенная чувственная возбужденность.* Этотъ факторъ проявлялся во всѣ вѣка, проявляется и теперь. Разница между культурнымъ носителемъ психической заразы и некультурнымъ лишь по формѣ, а не по существу: зараза некультурнаго человѣка выражается въ фанатизмъ, безотчетномъ поклоненіи мнимому богу, зараза культурнаго — въ поклоненіи таланту, зараза некультурнаго обнаруживается въ стихійныхъ повѣтріяхъ психопатическихъ эпидемій, зараза культурнаго въ стихійныхъ повѣтріяхъ литературныхъ и общественныхъ теченій, зараза некультурнаго — въ массовыхъ движеніяхъ грубаго характера, зараза культурнаго — въ массовыхъ движеніяхъ болѣе благороднаго характера. Если вникнуть въ исторію массовыхъ и стадныхъ движеній, то нетрудно убѣдиться, что культура наложила лишь своеобразную печать на эти движенія, но отнюдь не ослабила ихъ: большинство современныхъ культурныхъ людей являются такими же безсознательными пружинами въ механизмѣ общественной жизни, какъ и ихъ предки; разница лишь въ

томъ, что этотъ механизмъ теперь принялъ болѣе сложное, болѣе благородное устройство: современный человѣкъ находитъ больше случаевъ сдѣлаться стаднымъ элементомъ, чѣмъ его предки, ибо его жизнь разнообразнѣе и богаче своимъ содержаніемъ. Отсюда становится понятнымъ, почему человѣкъ, вообще, болѣе склоненъ къ бессознательному подражанію, или психическому зараженію, чѣмъ его низшій собратъ — животное. Духовная жизнь человѣка богаче своимъ содержаніемъ, человѣкъ выше животнаго не только въ интеллектуальномъ, но и *эмоциональномъ* отношеніи, его эмоція не есть грубая эмоція животнаго, это — эмоція болѣе подвижная, болѣе утонченная. Короче говоря, чувства человѣка интенсивнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ чувства животнаго, а разъ это такъ, то, стало быть, у него и больше данныхъ для психическаго зараженія. Вотъ почему человѣкъ въ своемъ подражаніи часто превосходитъ животное.

XI.

Мы рассмотрѣли составные элементы психической заразы, мы познакомились съ условіями ея развитія, теперь посмотримъ, какая роль принадлежитъ этому явленію въ колесѣ общественной жизни: принимаетъ ли это явленіе какое-нибудь участіе въ движеніи этого колеса?

Если пересмотрѣть исторію предковъ, если вникнуть глубже въ теченіе современной жизни, то нетрудно убѣдиться, что роль психической заразы въ этомъ отношеніи въ высшей степени важная: въ сущности, вся наша жизнь, всѣ наши поступки построены на воздѣйствіи одного человѣка на другого. На заразу построенъ весь государственный механизмъ, на заразу зиждутся всѣ коллективныя теченія мысли. Въ каждой

отдѣльной кучкѣ людей, въ каждой семьѣ есть лицо, которое незамѣтно вліяетъ на другихъ, другіе безсознательно подчиняются ему. Если члены такой кучки находятся въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ, то происходитъ незамѣтный взаимный обменъ не только психическихъ, но даже физическихъ особенностей отдѣльныхъ ея элементовъ. Кто не знаетъ, напр., что супруги, прожившіе вмѣстѣ подъ однимъ кровомъ 25 лѣтъ, являются уже не тѣми индивидуальными типами, какими они были до свадьбы: они походятъ другъ на друга не только психически, но даже и физически, лицомъ.

Если зараженіе касается болѣе обширной группы лицъ, то эта группа, дѣйствуя единодушно, можетъ оказать существенное вліяніе на обычное теченіе общественной жизни и даже измѣнить весь строй ея по своему произволу.

Психическая зараза нерѣдко, подобно вѣтру, вертитъ собою колесо общественной жизни; она является однимъ изъ двигателей этого колеса, но двигателей, конечно, безсознательныхъ, слѣпыхъ: ея дѣйствіе часто зависитъ отъ того, кто будетъ управлять этимъ двигателемъ, — достойный ли геній мысли, или грубый грабитель общественнаго прогресса. Исторія не мало даетъ примѣровъ, когда этотъ вѣтеръ въ одно мгновеніе сдувалъ съ лица земли то, что добыто было долгими усиліями культурной мысли, но за то еще чаще бывало, когда этотъ вѣтеръ приносилъ съ собою и великіе плоды: это были плоды общественнаго прогресса, плоды, которые не могли быть добыты слабыми усиліями одного человѣка.

Подобно порывистому вѣтру, психическая зараза увлекаетъ съ собой все, что ей попадается на пути.

увлекаетъ для того, чтобы или воздвигнуть новое зданіе, или разрушить старое и негодное: *ея назначеніе дѣйствовать тамъ, гдѣ не могутъ ничего подѣлать усилія одинокаго человѣка*; ея назначеніе есть великое назначеніе, созданное самой природой для того, чтобы выполнить міровую задачу: задачу общаго прогресса міровой культуры. Если это назначеніе не всегда достигаетъ своей цѣли или даже дѣйствуетъ обратно, то виною тому самъ человѣкъ, который еще не научился понимать и взвѣшивать силу этого вѣтра.

Какъ бы ни былъ властенъ человѣкъ, онъ не всегда можетъ противостоять этому вѣтру: человѣку дана воля и этою волею онъ можетъ пользоваться только до тѣхъ поръ, пока спокойно спятъ его чувства. Какъ бы ни былъ силенъ волею человѣкъ, онъ скорѣе можетъ устоять передъ тѣмъ вѣтромъ, который *не* согласуется съ теченіемъ его духовной жизни, чѣмъ передъ тѣмъ, который дуетъ въ попутную сторону, согласно направленію его духовной жизни, согласно его убѣжденіямъ и мыслямъ: человѣкъ некультурный легко устоитъ передъ теченіемъ культурной мысли, но быстро уносится потокомъ грубаго фанатизма, человѣкъ культурный— устоитъ передъ грубымъ фанатизмомъ, но не устоитъ передъ коллективнымъ теченіемъ научной мысли. Человѣкъ самъ по себѣ является лишь былинкой, которая плаваетъ по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, а по этимъ волнамъ его заставляютъ плыть его чувства.

Какъ бы ни былъ культуренъ человѣкъ, онъ не можетъ быть совершенно свободенъ отъ чувствъ, такъ какъ они составляютъ неотъемлемую часть его души: онъ можетъ только научиться *управлять* своими чувствами, но онъ не можетъ совершенно уничтожить ихъ. Ему

не по силамъ противиться общему чувственному потоку, но онъ можетъ научиться свободно ориентироваться въ этомъ потоки и приплывать туда, куда влечетъ его мировой прогрессъ: ему отъ природы дана великая сила, пользуясь которой, онъ можетъ научиться править своими чувствами. Эта сила *разумъ*. Человѣкъ всѣми путями долженъ идти къ тому, чтобы развивать въ себѣ эту силу, ибо она научитъ его цѣлесообразно распредѣлить свои чувства, она научитъ его болѣе умѣло плавать по волнамъ. Культура ума, культура мысли, — вотъ величайшій залогъ того, чтобы всѣ общественныя стадныя движенія приняли болѣе благородный характеръ.

Есть лица, и такихъ лицъ за послѣднее время очень много, которыя проповѣдуютъ свободу чувствъ, вмѣсто того, чтобы проповѣдывать свободу мысли; они проповѣдуютъ чувственную распущенность, забывая, къ чему приведетъ эта распущенность, если она не будетъ покоиться на прочныхъ устояхъ мысли: безъ контроля мысли эта распущенность примкнетъ къ первому встрѣчному потоку и будетъ унесена имъ въ море; такой человѣкъ будетъ долго скитаться по волнамъ, пока случайныя обстоятельства не принесутъ его къ первому попавшемуся берегу, а этотъ берегъ можетъ оказаться и берегомъ могилъ культуры и прогресса. Исторія не мало даетъ примѣровъ, гдѣ чувственная распущенность приводила къ общему упадку, регрессу интеллектуальной жизни. Такой упадокъ можетъ грозить и намъ, если не случится иного болѣе благоприятнаго поворота въ пользу мысли. Нѣтъ, не о томъ должны хлопотать мы, чтобы запрятать нашу мысль подалеже, а о томъ, чтобы выдвинуть ее впередъ: иначе мы сдѣлаемся стадомъ и такимъ стадомъ, кото-

рое лишь загрязнить общее пастбище мировой культуры. Нѣтъ, не о томъ должны хлопотать мы, чтобы уничтожить всякое проявленіе коллективныхъ дѣйствій, это невозможно, а о томъ, чтобы эти дѣйствія получили болѣе осмысленный и благородный характеръ. И этому научить насъ только *культура, просвѣщеніе и разумное воспитаніе*. Эта триада пусть послужитъ талисманомъ тому народу, который хотѣлъ бы болѣе благоразумно использовать свою стихію.

За послѣднее время слишкомъ много говорятъ объ индивидуализмѣ... Конечно, индивидуализмъ хорошее и желательное дѣло: къ нему долженъ стремиться всякій свободный человѣкъ. Но бываютъ моменты въ жизни народа, когда индивидуализмъ долженъ ступеваться, отодвинуться на задній планъ, когда на сцену должна выступить общая стихійная сила, та сила, которая одна только, въ своемъ поступательномъ движеніи по пути къ общему прогрессу, и можетъ создать то, чего не въ силахъ создать усилія разрозненныхъ элементовъ общества.

И тогда передъ этой силой пусть преклонится всякій свободный человѣкъ.
